

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

ДЕКАБРЬ 2000

КИСЛЕВ 5761

N 12 (104)

БЛАГОСЛОВЕННЫЙ СВЕТ

После исхода из Египта евреи, которым Всевышним был ниспослан Закон, обосновались на земле ханаанской, однако жизнь их не стала беспроблемной. На страну из века в века накатывались армии оккупантов. Захватчики изгоняли евреев с обжитых земель, угоняли в плен, тщетно пытаясь лишить их самобытности. Бесспорно, два царства, Южное (Иудея) и Северное (Израиль), на которые распалось некогда единое государство, представлялись лакомыми кусками с экономической точки зрения. Но одной из главных целей врагов Израиля всегда был Иерусалимский Храм в столице Иудеи – символ веры и единения с Б-гом.

Три века после победоносных войн Александра Македонского Иудея испытывая влияние эллинизма, в конце концов стала предметом острых конфликтов между Египтом Птолемеев и Сирией Селевкидов. Жестокая и деспотическая власть последних, безраздельно владычествовавших в Иудее с 3563 по 3618 годы, привела часть евреев к духовной деградации, а страну – к значительным потерям и разрушениям. Подушная подать и невообразимые налоги, когда приходилось отдавать треть урожая злаков и половину древесных плодов, довершало народное недовольство. Конфликт перерос в восстание при царе Антиохе IV Эпифане (3585–3596). Его идейными выразителями стали благочестивые защитники веры отцов. Священнослужитель из Модиина Матисьёгу (Маттафий) и его сыновья, вошедшие в историю под названием Хасмонеев и Маккавеев, возглавили восстание.

Непосредственным поводом к восстанию стало осквернение Храма в 3593 году чиновниками царя: разграбив сокровища, уничтожив жертвенник, на священном месте они сделали алтарь Зевсу Олимпийскому. Матисьёгу призвал народ к священной войне против насилия и духовного гнета, а через два года всего лишь небольшой отряд, возглавляемый Иегудой Маккавеем, уже освободил Иерусалим. Прозвище Маккавей (молот) Иегуда получил за силу, проявленную его отрядом в боях с сирийскими войсками. Повстанцы очистили оскверненный язычниками Храм, и 25 кислева 3596 года он был наконец освящен. На территории Храма еврейские воины обнаружили единственный запечатанный сосуд с оливковым маслом для зажигания храмового семисвечника. Такого количества могло хватить лишь на одну ночь, а для приготовления нового требовалось не меньше восьми дней. Но свершилось чудо, и горела Менора восемь ночей, пока не приготовили для нее новое масло. Светом Торы, которую не предали лучшие сыны Израиля, поддерживался тот огонь. С тех пор и ввели учителя Закона обычай зажигать ханукальные свечи, прибавляя по одной каждый вечер, в течение восьми дней. Эти свечи не используют как единственный источник света, для освещения дома, и даже зажигают их не чем-нибудь, а специальной свечой (она называется шамаш, то есть «служка»). Шамаш не гасят, он горит наряду с другими свечами на протяжении всего праздника Хануки.

У человека испокон веков сохраняется особое отношение к живому огню. Из поколения в поколение передаются слова царя Шломо (Соломона): «Свеча Б-жья – душа человека». И к свету иерусалимской Меноры мы испытываем особое чувство. Вот уже 2164 года наш светлый и радостный праздник напоминает о жалкой судьбе завоевателей и силе духа верного Б-гу еврейского народа, отстаивающего свою независимость и самобытность.

Та война не была направлена на уничтожение народа, политику греков никто и никогда не называл геноцидом. Это позже, в более «прогрессивное» время, еврейскому народу придется столкнуться с диким варварством. Греки добивались одного: «Согласитесь, евреи, что ваши Б-г, Тора – это лишь философия, игра ума, интеллекта. Поступайте рационально. Забудьте своего иррационального Создателя». И поэтому мы празднуем не победу в войне, в нашей истории было много побед, малых и великих, мы празднуем возвращение в Храм. Еврейский народ после этой победы еще раз осознал, что его сила не в богатой культуре и знаниях, не в величайшей истории, а прежде всего в Б-ге и от Б-га.

Победа была в том, что мир увидел настоящий свет. Мы часто в жизни встречаемся с красивыми вещами, вызывающими восторг и эстетическое наслаждение. Но настоящий свет исходит не от них, он – от Б-га. Человек, сидящий в темноте, может не замечать ее – его душа освещена другим, высоким светом. А бывает, среди огней и фейерверков он чувствует себя неудобно: в суетном ему не хватает света Творца. Зажигаемые в эти дни свечи не роскошны, они маленькие и скромные. Но зато их зажигают от души и с любовью. Они приносят в наш дом настоящие, ни с чем не сравнимые тепло, радость и уют. Их вроде бы слабый свет проникает в самые потаенные уголки человеческой души, в этом их высокая непреходящая ценность.

Господство духа, нравственное совершенство человека возобладали над стремлением к одному лишь интеллектуальному и физическому совершенству, победили, несмотря на все достижения эллинского мира в науке, искусстве, философии. Иудея восстановила свою независимость.

И вот здесь мы имеем некий парадокс. Казалось бы, имена Маккавеев должны постоянно быть в нашем сердце, а не вспоминаться однажды в году. Но, нет! Мы вспоминаем о них только раз, да и то лишь в связи с огнем святой Меноры. К сожалению, Маккавеи во власти оказались не столь благородными, как от них ожидалось. Кропотливый труд в поисках сотрудничества требовал совсем иных талантов, нежели ведение боев. К тому же, как известно, власть нередко опьяняет. Так произошло и с наследниками Матисьёгу и Иегуды Маккавея.

Лишь восемьдесят лет после победы восстания Иудея сохраняла полную свободу и независимость. В 3697 году после кровопролитной гражданской войны в Иерусалим вошли легионы Помпея, их пригласил один из претендентов на власть в стране. Есть мнение, что, победив ослабленную Сирию, Рим неизбежно пошел бы на Иудею. Но это не может быть оправданием предательства. Еврейский народ ждало второе разрушение Храма и многовековое рассеяние по всему миру. Не раз еще победами духа пришлось народу утверждать силу заповедей Торы. И приходится. И еще, возможно, придется не раз, но никогда, – и история еврейская тому порукой, – не заставить нас «забыть Учение Твое и отойти от уставов воли Твоей».

Áëááí úé dáááéí Dítíéé Áááé Éáçáð

УРОКИ ТОРЫ

ХАНУКА

В этой беседе речь идет о заповеди зажигать ханукальные светильники, а точнее о двух особенностях, связанных с ней: первая – они должны быть ориентированы на дверной проем (дверь должна выходить на улицу или в общественное место), вторая – они должны быть установлены слева от двери. В этих нюансах заключен глубокий смысл: «левая сторона» и «общественное место» относятся к области светской жизни, и, помещая светильники именно там, мы приносим Б-жественный свет туда, где ему обычно упорно сопротивляются. Также рассказывается о влиянии на мир повелевающих и запрещающих заповедей. А заканчивается сравнением ханукальных светильников с тфиллин.

ХАНУКАЛЬНЫЕ СВЕЧИ И МЕЗУЗА

У ханукального светильника (меноры) с мезузой есть две схожие особенности: и та и другая должны соотноситься с дверным проемом и устанавливаются с внешней его стороны. Есть между ними и два существенных различия. Мезузу прикрепляют с правой стороны двери, а ханукальные свечи ставят слева от нее. И хотя светильники и мезуза помещаются с внешней стороны, мезуза только указывает на вход. А ханукальные светильники ставятся таким образом, чтобы они освещали улицу, общественное место. Так, мезуза обращена внутрь дома, а менора – наружу, освещая внешний мир.

Между этими двумя различиями есть связь. Выражение «общественное место» на иврите ршус а-рабим – дословно «владение многих», косвенно сообщает о многообразии чего-либо или о недостатке сплоченности, а «левой стороной» называют источник разобщенности и разногласий. Таким образом, «общественное место», как и «левая сторона», символизируют отделение и отчуждение от Б-га.

МЕЗУЗА И ДРУГИЕ ЗАПОВЕДИ

О мицве мезузы сказано, что выполнение ее приравнивается к выполнению всех остальных заповедей вместе взятых, а точнее, что она включает в себя все остальные. Значит, все заповеди должны обладать теми же особенностями, что и мезуза: представлять правую сторону и обращенность внутрь, а не наружу. Это верно в отношении большинства заповедей.

Почти все заповеди исполняют правой рукой. Более того, жертвы считались испорченными, если их всесожжение совершалось не правой рукой. Кроме того, некоторые заповеди могут быть выполнены только в помещении, а те, что разрешается исполнять вне дома, не связаны непосредственно с идеей «общественного владения», ведь их можно исполнять и в помещении, поскольку к понятию места они не имеют никакого отношения.

Отсюда следует, что заповедь о ханукальном светильнике, располагаемом слева и обращенном к внешнему миру, по своей природе отличается от всех других заповедей иудаизма.

ПОВЕЛЕВАЮЩИЕ И ЗАПРЕЩАЮЩИЕ ЗАПОВЕДИ

Разница между мезузой (и всеми другими заповедями) и ханукальными светильниками имеет много общего с разницей между повелевающими и запрещающими заповедями.

Повелевающие заповеди относятся к области разрешенного, а запрещающие – «запрещенного».

Каждая исполненная заповедь привносит в этот мир духовность, которая приходит как «Б-жественный свет». Свет, возникающий при исполнении повелевающей заповеди, может быть заключен в этом действии, скрыт внутри него. Действие «скрывает» свет так же, как тело душу. Но, укрытый таким образом Б-жественный свет ограничен, так как принимает свойства того, что его покрывает. Ему недоступна область нечистого или запрещенного, потому что природа запрещенного раскрывается в отрицании воли Б-га, а Б-жественный свет не может быть с этим совместим.

С другой стороны, свет, находящийся здесь и проявляющийся при исполнении запрещающей заповеди, нескончаем. Он не может содержаться в запретном действии (и вообще ни в каком), не принимает и его «формы», и поэтому раскрывается не при исполнении, а наоборот при удержании от него. Только бесконечный свет может так глубоко проникнуть в грязь, ничуть не тускнея.

Свет Хануки относится именно к тому бесконечному свету, потому что он приносит свет на «левую сторону» и в «общественные места» – символы нечистоты и отчуждения от Б-га.

Мало того, свет Хануки имеет преимущество перед запрещающей заповедью. Удержание от запретного действия может свести его на нет. Но свет Хануки не отрицает, а освещает и очищает «внешний» мир так же, как повелевающая заповедь очищает «внутренний» мир (т.е область разрешенного).

И в этом раскрывается связь между ханукальными светильниками и Торой, которая есть «свет» (Притчи, 6:23). Ведь в Торе тоже рассказывается о том, что запрещено и что относится к понятиям нечистоты. И при изучении Торы искры святости, заточенные в сфере запретного, освобождаются и поднимаются.

ХАНУКАЛЬНЫЕ СВЕЧИ И ТФИЛИН

Общеизвестно, что мудрецами было введено семь заповедей, одна из которых – это зажигание ханукальных светильников. Предписания, связанные с ней, проистекают из заповедей самой Торы (Тания, ч.4, 29). А значит, среди заповедей Торы должна быть такая, которую можно сравнить с ханукальными светильниками, та, которая приносит Б-жественный свет и «левой стороне», и в «общественные места». И это мицва о филактериях. Потому что одну из филактерий надевают на левую руку (как на более слабую, соответственно левша надевает на правую). Зогар объясняет это тем, что «дурные наклонности» («левая сторона сердца»: голос сердца, эмоций, противоречащий воле Б-га) сами должны быть связаны обязательством служения Всевышнему. А тфилин на голове ничем не покрывают, чтобы «увидели все народы земли, что имя Б-га наречено на тебе, и устроятся тебя» (Дворим, 28:10). Таким образом, тфилин носят для того, чтобы раскрыть Б-жественность «всем народам земли» и заставить их «устрашиться». И именно тфилин,

как и ханукальные светильники, направлены к «левой стороне» и «общественному владению» – к тем, кто находится «за пределами» признания Б-га.

В свете сказанного становится понятным выражение мудрецов о том, что «всю Тору можно сравнить с (заповедью) тфилин»: «Исполняйте заповедь о тфилин, и я вам ее засчитаю, как если бы вы учили Тору день и ночь». У тфилин, как и у самой Торы, есть особая сила, помогающая очищать даже светский мир, где, казалось бы, нет места Б-жественному.

ЗАПОВЕДЬ ТФИЛИН

Во время Хануки мы даем цдоку (пожертвование, буквально «справедливость») «и деньгами, и милосердием», то есть оказываем другому материальную и духовную поддержку. А раз между тфилин и ханукальными светильниками, как мы увидели, существует особая связь, то Ханука – особое время, когда мы должны посвятить себя «кампании тфилин», то есть помочь другим евреям исполнить мицву.

И когда один еврей помогает другому выполнить заповедь о тфилин, то, как написано в Мишне, «исполнение одной мицвы приведет к другим» (Пиркей Овойс, 4:2). Если это верно для всех заповедей, то тем более это верно для тфилин, с которыми и сравниваются все остальные мицвойс (дословный перевод цитаты из Талмуда, таков: «Мицвойс всей Торы можно сравнить с тфилин»). Единственное «зерно» соблюдения одной мицвы со временем прорастает многими – соблюдением всех остальных.

Чудо Хануки состоит не только в том, что «вы, народ Израиля, вы сделали все для освобождения и спасения, как в этот день» (ханукальная молитва «Ал а-нисим»), то есть избавление от «нечистых», «злых» и «высокомерных» людей, хотя они были многочисленней и сильней; но и в том, что «после победы дети Твои пришли в Твой святой дом, убрали Твое святилище и зажгли светильники в Твоем святом дворе».

Так же и с тфилин. Соблюдая эту мицву, не только освобождаешься от «всех народов земли», потому что «они устрашаются тебя» и больше не будут воевать с Израилем, но «словно наши сердца растаяли, и ни в ком не осталось храбрости, и всё из-за тебя» (Иегошуа, 2:11). Но, благодаря соблюдению мицвы, «Твои дети (войдут) в Твой самый святой дом» – Третий Храм, который появится на Земле как знак наступления Эры Мошиаха.

ВАЕШЕВ

У этой недельной главы и следующей за ней «Микец» есть общая тема: сны. Из «Ваешев» мы узнаем о снах Йосефа, а из «Микец» – о снах фараона. Тот и другой видели по два сна, имеющих общий смысл, но переданный разными сиволами. Есть ли принципиальное различие между снами Йосефа и фараона, и если да, то в чем оно? Почему каждый сон повторялся? Каково значение символов? На все эти вопросы есть ответ.

ДВОЕ СПЯЩИХ И ЧЕТЫРЕ СНА

В начале этой недельной главы мы узнаем о двух снах Йосефа (Брейшис, 37:5-9). Оба они сообщали об одном: Йосеф будет царствовать. Из первого открывалось, что он

возвысится над братьями, и те придут ему поклониться. Во втором в образе солнца и луны предстали Яков и Бильга, и означал он, что те придут вместе с братьями Йосефа.

Между этой главой и следующей, которая повествует о двух в сущности одинаковых снах фараона (Брейшис, 41:1-7), можно провести параллель. И все же в случае с фараоном Тора объясняет, почему его сон повторился дважды: «потому что уготовано это Всесильным, и Всесильный вскоре исполнит это» (Брейшис, 41:32). Что же касается сна Йосефа, то объяснения, почему он повторился, нет. Хотя намек на ту дополнительную информацию, которую мы узнаем из второго сна, все же можно усмотреть в первом. Это заставляет предположить, что два подобных сна Йосефа подразумевают и некое различие.

В чем же это различие? Какое значение оно имеет для нас? Как известно, деяния праотцев представляют собой знак и одновременно урок для будущих поколений. А дела Йосефа относятся к деяниям праотцев, ведь он был рожден Яковом, как сказано в начале главы: «Вот родословие Якова: Йосеф...» (Брейшис, 37:2).

СНОПЫ И ЗВЕЗДЫ

Два сна Йосефа отличаются друг от друга следующим. Первый связан с землей: «Вот мы вяжем снопы посреди поля». А во втором речь идет о небесных светилах: «солнце, луна и одиннадцать звезд».

Сны фараона связаны только с земными понятиями, причем по нисходящей: от высших – животных («семь коров»), к низшим, то есть растениям («семь колосьев»). У фараона нет связи с небесным царством. И поэтому его сны представляют собой нисходящее движение, «спуск». А сны Йосефа – «подъем» к святости (о связи между этими понятиями «подъем» и «спуск» применительно к святости и праздником Ханука, который всегда совпадает с днями чтения этих глав, см. Трактат «Шаббат», 21б, и классические труды по Хануке).

Это различие между Йосефом и фараоном – пример одной из уникальных особенностей еврея: он всегда связан и с материальным, и с духовным, и с этим миром, и с миром грядущим. Как сказал шестой Любавичский Ребе – Ребе Раяц, когда один из следователей стал угрожать ему пистолетом (он был арестован в России в 1927 году): «Этой игрушки боится тот, у кого много богов и всего один мир. Но тому, у кого два мира и один Б-г, ничего не страшно». Эти два мира – сегодняшний мир и мир грядущий - не разделены во времени. Напротив, еврей связан с высокой духовной реальностью даже здесь, в этом мире. Он находится на «лестнице, стоящей на земле, верх которой достигает неба» (Брейшис, 28:12), и в своем служении Всевышнему продвигается от низшей («земля») к высшей («небеса») духовности, всегда шагая только вверх.

ДВА МИРА В ОДНОМ

В Торе все очень значимо, и в каждой детали заложен урок, как строить жизнь. Смысл того, что Йосефу приснились два сна о двух мирах (земле и небесах) в следующем: еврей должен объединять материальное и духовное в одно целое. Между ними не только не должно возникать противоречий, но материальное должно вносить вклад в духовную жизнь настолько, что само проникнется духовностью. Рамбам особенно подчеркивает этот момент, когда говорит, что «здоровое и совершенное тело – часть пути к (служению и познанию) Б-гу».

Для каждого еврея вполне естественна мысль, что удовлетворение его физических потребностей, таких как еда и питье, происходит во имя Всевышнего.

История о Ребе Шмуэле, четвертом Любавичском Ребе, рассказывает: как-то раз, тогда двое его сыновей еще были детьми, он разговаривал с ними об особых добродетелях евреев, и чтобы подтвердить свои слова, спросил у слуги:

- Бенцион, ты уже поел?
- Да, – ответил слуга.
- Ты хорошо поел?
- Я, слава Б-гу, доволен.
- Зачем ты ел?
- Чтобы жить.
- Зачем ты живешь?
- Чтобы быть евреем и исполнять заповеди Б-га.

Сказав это, слуга погрузился.

Позже Ребе сказал своим детям: «Видите, у еврея в природе заложено, что он ест, чтобы жить, а живет, чтобы гордиться тем, что он еврей, и выполнять то, что велел ему Б-г. Но он все равно тоскует от того, что не достиг конечной истины».

Раз в каждом движении еврея заложен духовный смысл, его действия становятся частичкой святости. Как говорил Баал-Шем-Тов: «Человек находится там, где его стремления».

ЗНАЧЕНИЕ СНОПОВ

Теперь нам ясно, почему Йосефу приснились два сна. Рассмотрим в деталях содержание каждого.

Первый сон начинается словами: «Вот мы вяжем снопы посреди поля». Другими словами, он начинается с описания работы. Этого нет в снах фараона. Там, где властвует порок, работы (то есть аводу, усилий, которые делает человек, служба Б-гу) может и не быть. Как написано: «В Египте мы ели даром» (то есть не соблюдая заповедей). Но награда святости – свет Всевышнего – приходит только через совершенное усилие. Значит, чтобы еврею подняться по лестнице с земли к небу, ему с самого начала надо стремиться, чтобы его обычные повседневные дела стремились к святости.

По природе эта работа, как и во сне Йосефа, заключается в связывании снопов. Мы приходим в этот скрытый мир, напоминающий поле, на котором вещи и люди, словно колоски, растут по отдельности, живут врозь, каждый сам в себе и для себя. Считается, что в человеке говорит его животная душа, которая разделяет людей. Но еврей должен преодолевать эти тенденции, объединяя, словно колосья в сноп, разрозненное в одно – служение Всевышнему. Служение, помогающее преодолевать себя и разобщенность.

Во сне, будучи уложены, снопы братьев встали и поклонились снопу Йосефа. Для нас это значит, что следующим шагом в служении Всевышнему должно быть преклонение, подчинение тому, что выше нас. Вместе евреи образуют единое целое, как если бы все они были органами одного тела. И как движения тела могут быть скоординированы только в том случае, если мышцы точно выполняют указания нервной системы, так и духовное состояние общего «тела» евреев зависит от способности «тела» повиноваться своей «голове» – главе поколения (Тания, часть 1, гл. 2. Сефер а-мааморим 5710, с. 254.) Именно он, глава поколения, учит нас, чтобы все члены общины вместе стремились к достижению верной цели.

На самом деле это подчинение предшествует объединению всех сторон жизни в служении Всевышнему. Способность к совместным действиям – следствие внутреннего подчинения главе поколения. Но на внешнем уровне это происходит, как в сне Йосефа: сначала «соединение», а затем подчинение.

ЗНАЧЕНИЕ ЗВЕЗД

Все это относится к первому сну Йосефа. Служение Б-гу на этом уровне все еще ограничено земным пространством – физическим существованием человека. И задача еврея состоит в том, чтобы преодолеть эти ограничения, совершив тшуву («раскаяние», точнее «возвращение»). Настоящая «тшува» совершается тогда, когда «душой он возвращается к Б-гу, который ему эту душу дал» (Коелес, 12:7), то есть когда еврейская душа возвратится в первоначальное состояние – то, в каком она была до заключения в тело. Это означает не то, что душа и тело должны быть (не дай Б-г) разделены или что существование тела неважно. Это значит, что тело не должно скрывать свет души. Именно для этого душа спускается на Землю, облекаясь в тело. Приняв этот образ существования, она должна сохранить свою непосредственную связь с Б-гом.

Вот в чем смысл второго сна Йосефа. Сон рассказывает о еврее, который сумел подняться над служением, привязанным к «земле». Он покинул мир зависти и «разобщенности», состояние, когда кажется, что вещи существуют сами по себе и для себя, и ему уже нет необходимости собирать «осколки» своего существования. Его служение Всевышнему целиком перешло на «небесный» уровень, на путь к возвращению – к первоначальному состоянию души.

Но подчинение «главе» общего «тела» евреев вновь повторяется в этом сне (когда кланяются солнцу, луна и одиннадцать звезд). Отсюда становится ясным, что к первоисточнику должен обращаться не только «работающий в поле», но и уже достигший небес. Хотя, конечно, ему уже не требуется путеводитель, оберегающий его от скрытых искушений, которыми физическое существование может испытывать душу. Но даже на этом уровне он должен стремиться к гармонии с другими людьми, подчиняясь вместе с остальными духовному лидеру.

СТУПЕНЬКИ ЛЕСТНИЦЫ, ВЕДУЩЕЙ В НЕБЕСА

Таким образом, во снах Йосефа заложена «карта», на которой обозначен путь для каждого. Прежде всего необходимо «поработать в поле», сделать усилие («авода»), чтобы объединить мир разрозненного существования людей в службе Всевышнему («связывание снопов»). И хотя евреев часто называют «сыновьями короля» или просто «королями», без приложения этого усилия нам не обойтись. Чтобы заслужить награду святости, надо поработать в этом мире. И мы даже не можем представить, какие награды нас ждут: они будут «найжены», то есть неожиданны, так как намного превысят наши

заслуги в этом мире. Написано: «Если кто-то тебе говорит, что он много работал, но ничего (т. е. никакого вознаграждения) не получил, не верь ему. Если же наоборот, скажет, что получил, ничего не делая, не верь этому. Но если человек скажет, что много работал и получил вознаграждение, верь ему» (Мегила, 6б).

Во-вторых, на любом уровне служения Всевышнему необходимо подчиняться «главе» «тела» еврейского народа.

И в-третьих, в Пиркей Овойс (2:4) сказано: «Подчини свои желания Его воле, чтобы Он подчинил Твоей воле желания других». Другими словами, силы сокрытия этого мира, то есть разобщенности и разрозненности, потеряют свою силу, и для нас раскроется путь к откровению и духовной жизни, то есть жизни Йосефа – праведной жизни.

МИКЕЦ

Из первой части этой недельной главы мы узнаем множество подробностей о двух снах фараона. На первый взгляд они кажутся излишними, что, естественно, порождает ряд вопросов. Для чего сны описываются таким образом? Имеет ли значение отличие снов фараона от снов Йосефа, описанных в предыдущей главе, при том, что один образ в них повторяется? Отражают ли эти различия принципиальный контраст между двумя мирами, представленными соответственно Йосефом и фараоном? И если да, то имеет ли все это значение для нас?

СНЫ ФАРАОНА

Глава начинается подробным описанием снов фараона о коровах и колосьях и истолкованием Йосефа этих снов. Согласно ему через эти образы фараону сообщается о грядущих периодах изобилия и голода.

Но почему сюжет дается столь детально и в таком объеме? Ведь суть его предельно проста: Йосеф предсказал семь лет изобилия и семь лет голода, в результате чего стал вторым после фараона человеком в Египте. И какая в конце концов разница, благодаря чему произошло его возвеличивание?

Даже если Тора желает подчеркнуть, что именно благодаря снам фараона Йосеф получил высокую должность, она могла бы сообщить нам об этом, не так подробно описывая детали снов.

ВЛИЯНИЕ ЙОСЕФА

Ответ заключается в том, что сны фараона следует воспринимать в контексте всей совокупности предшествующих и последующих событий. Фараон видел сны из-за Йосефа. Из предыдущей главы мы узнали, что Йосеф получал информацию от Б-га во сне. А он, наследник Яакова, в том числе духовный, нес миру все ценности, которые представлял Яаков. Иначе говоря, он был как бы «коллективной душой», посредником для передачи Б-жественных эманаций, или излучений, в мир, «праведником, который является основой мира». Если ему Б-жественное откровение давалось во сне, значит, в то время таков был порядок сообщения с миром. Поэтому, когда нужно было установить связь с ним и его правителем-фараоном, такая связь была установлена посредством сна.

ЕВРЕЙ И МИР

Это указывает нам на фундаментальный урок относительно нашего служения Б-гу. Когда человек встречает серьезный вызов, явленный в виде вредных отношений и плохих желаний, он должен понимать, что их источник не где-то в мире, а в нем самом. Неправда, что он должен следовать за окружающим его миром, неправда, что нужно идти миру на уступки ради того, чтобы жить настоящей еврейской жизнью. Все наоборот. Это от него зависит состояние мира, в котором он обитает. Если служение Творцу совершается неохотно, через силу, то это отражается и на окружающем мире. Но природа мира такова, что духовные источники происходящего сокрыты. Поэтому сокрыто и данное обстоятельство, и помехи на пути исполнения заповедей воспринимаются как нечто, возникающее вовне, в большом мире, и уводящее человека от его веры. На самом же деле корень проблемы в самом человеке. Если бы он изменил своим желаниям, сосредоточиваясь не на отрицании возможностей, которые он имеет, а на их изыскании и использовании, то мог бы изменить вместе с тем и воздействие окружающего мира.

И это не все. Даже если мы не можем найти источник конфликта внутри человека, потому что сам он является личностью цельной, свободной от такого конфликта, все-таки из-за него происходит инцидент. Ибо в нем, в еврее, заключена цель творения. Как говорили наши мудрецы: «Мир был изначально сотворен ради Израиля, который называется началом творений Всевышнего». Конфликт происходит как испытание внутренней силы человека. Если он отказывается поддаваться его воздействию, то тем самым отнимает реальность у этого конфликта. Потому что состояние мира зависит от духовного состояния человека в его иудаизме.

РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ СНАМИ ЙОСЕФА И ФАРАОНА

Хотя существует зависимость снов фараона от снов Йосефа, они радикально отличаются по своей природе. Сны Йосефа принадлежат миру святости, сны фараона – нет. Это видно из различий между ними в структуре и деталях.

1. Сны Йосефа начинаются с образа, связанного с работой, хлебом, зарабатываемым трудом: «мы вязали снопы». Такая идея совершенно отсутствует в снах фараона, в которых пища дается, кажется, без всякого труда.

Благословения, которые Всевышний дает евреям, совершенны, и они должны реализовываться в результате предпринимаемых усилий, осуществляясь в акте взаимодействия с Творцом. Потому что полученное, но не заработанное – это «хлеб позора». В нем чего-то не хватает. А именно – роли человека как партнера в создании этих благ. С этой точки зрения еда, которая снилась фараону, несовершенное явление и, следовательно, она может приходить как подаяние, без усилий.

2. Сны Йосефа представляют восхождение от высокого к высшему. Они начинаются с колосков пшеницы – разрозненных, отделенных один от другого. Далее они увязываются в снопы, то есть, что вначале было разделено, связывается в единое целое. А затем, во втором сне, действие переходит к солнцу, луне и звездам – к небесным светилам. Даже на физическом уровне снопы ценнее колосьев, а драгоценные камни, земные аналоги звезд, значительно дороже снопов.

Но в снах фараона порядок обратный: от коров – к колосьям, то есть снижение от животного к растительному миру. Да и состояние коров как сытых, так и тощих, в естественном порядке должно бы зависеть от того, какими колосьями они питаются, полными или пустыми. В каждом сне фараона наблюдается та же тенденция снижения или деградации. Сначала появляются здоровые коровы и здоровые колосья, затем тощие коровы и пустые колосья, вплоть до того, пока хорошее полностью не поглощается плохим. Такой же порядок сохраняется и в интерпретации снов. Сначала идут семь лет изобилия, затем семилетний же упадок, пока «все изобилие забудется и голод воцарится в стране» (тот факт, что после голодных лет вернется изобилие, не связано со снами фараона вообще и объясняется благословениями Яакова).

СВЯЩЕННОЕ И МИРСКОЕ - ДИНАМИКА И СТАТИКА

Различия между снами Йосефа и снами фараона раскрывают различия между святостью и ее противоположностью. Святость неизменна. В мире, где она царит, если и происходят изменения, то всегда связанные с восхождением, движением «от силы к силе». На самом деле это не изменения вообще, но лишь реализация чего-то неизменного, которое не может быть статичным.

Хотя еврейский народ подвержен изменениям – то восходящим, то нисходящим, это ненастоящие изменения. Ибо еврей всегда является носителем единой миссии и единой веры: он должен жить в соответствии с Торой и заповедями, совершенствуясь в святости. И поскольку «человек находится там, где его стремления», и, более того, поскольку «спуск» еврейского народа всегда происходит ради последующего подъема к вечному миру, то флуктуации (колебания) в еврейской истории не являются в конечном итоге изменениями, но представляют собой по сути динамично обновляющийся «мир». Единая воля, единое намерение прослеживаются на всем этом пути.

Мир несвятого, напротив, подвержен изменениям, фактически – постоянной деградации. Ведь то, что не свято, не существует само по себе, в лучшем случае это лишь средство для достижения некой цели. Чтобы испытать человека и пробудить более высокий потенциал его святости. Чем больше человек идет на эти испытания, становясь сильнее и поднимаясь в своем служении, тем меньше он нуждается в таких испытаниях. И автоматически существование мира несвятого становится более слабым. «Когда один поднимается, другой падает»: по мере того как усиливается мир святого, мир чисто светского ослабевает.

В этом основное различие между огнями Хануки и жертвами, приносимыми в праздник Суккос. В Суккос в течение семи дней приносили в жертву семьдесят быков. Эти быки представляли жертвы от лица семидесяти народов мира. С каждым днем количество приносимых жертв последовательно уменьшалось (от 13 в первый день до 7 в седьмой), олицетворяя таким образом постоянный «спуск» или уменьшение (Раши). Но огни Хануки символизируют святость, поэтому каждый день происходит увеличение зажигаемых огней. Ибо святость неизменно прогрессирует.

ТРУД И НАГРАДА

Из всего этого мы можем извлечь особый урок. Когда человек полагает, что может получать блага или благословение без труда, только в результате неких естественных причин, то он может быть уверен, что его сознание питается от его «животной души», то есть недуховной части его природы. Ибо на этом уровне действительно возможно получение благ без труда. Но следует при этом знать, что все

находящееся в этой области, постоянно пребывает в состоянии деградации, и в конце концов человек останется ни с чем. Если бы, с другой стороны, он служил Б-гу, то мог быть уверен в обещанном «трудился и нашел». Тогда он получит с небес больше того, ради чего трудился. И, прогрессируя, такой человек всегда будет подниматься в святости.

ВАИГАШ

Позабывшись о запасах зерна в годы изобилия, Йосеф не только спас египтян от семилетнего голода и умножил богатства фараона, но, как мы узнаем из этой недельной главы, сумел позаботиться и о собственной родне, несмотря на то, что братья в свое время причинили ему много боли. За такую его заслугу в одном из псалмов весь еврейский народ назван именем Йосефа. Каково же скрытое значение этой личности? И чему нас учит отрывок из Мидраша, где к Всевышнему возносятся просьбы относиться к народу Израиля, как Йосеф к своим братьям.

ЙОСЕФ – КОРМИЛЕЦ

«И кормил Йосеф отца своего, и братьев своих, и весь дом отца своего хлебом по количеству детей» (Брейшис, 47:12).

Тора много рассказывает нам об отношениях между Йосефом и его братьями, особо подчеркивая, что в трудное время он поддержал братьев с их семьями, а в каждой фразе Торы, мы знаем, кроется глубокий смысл.

За поступок Йосефа весь еврейский народ в одном из Псалмов назван его именем: «Он (Б-г) ведет Йосефа, как паству». Его деяние навеки стало нам заветом.

КОММЕНТАРИЙ МИДРАША

На этот стих из Псалмов в Мидраше есть комментарий, из которого мы выясняем, что Б-г не просто ведет еврейский народ, который назван «Йосефом», но Он ведет его, как Йосеф.

«Как он запасал хлеб в урожайные годы для голодного времени, так собирай для нас, Б-г, благословения этого мира и храни их для мира будущего».

«Как Йосеф поступал с каждым согласно его делам, так испытывай нас, Б-г, по нашим поступкам».

«Рабби Менахем сказал от имени рабби Абина: несмотря на то, что братья Йосефа поступили с ним очень плохо, он отплатил им добром. Мы тоже часто несправедливо поступаем по отношению к Тебе (Всевышний), но может и Ты воздашь нам добром?».

Некоторые из этих комментариев заводят нас в тупик, вызывая недоумение.

* Если бы Йосеф не откладывал излишки хлеба в годы изобилия, они пошли бы в отходы. Что же здесь может быть общего с хорошими делами, которые мы делаем в этом мире? Они же не могут быть «выброшены в отходы», зачем их «запасать» для будущего мира?

* Разве можно сравнить этот мир с годами изобилия, а будущий – со временем голода, если сказано, что этот мир – лишь «передняя», пройдя которую мы окажемся в «зале» будущего мира?

* Заслуга Йосефа состояла в том, что он сделал добро людям, которые поступили с ним плохо. Как же тогда Мидраш может говорить: «Он давал каждому по его делам», а не «по его нужде»?

И почему в Мидраше молят Всевышнего судить нас по делам? Разве это следует не из строгих предписаний закона, а из поведения Йосефа?

БЛАГОСЛОВЕНИЯ ЭТОГО МИРА И МИРА БУДУЩЕГО

Первую молитву Мидраша, в которой Б-га просят сохранить для нас благословения «лет изобилия», этого мира, чтобы мы могли наслаждаться ими в «голодные годы» мира будущего, можно понять, зная: нашей наградой в будущем мире будет открытие достигнутого здесь, а это неотъемлемое присутствие духа Всевышнего. В этом смысле будущий мир – «голодное время», ибо там нас будет поддерживать поток духовной энергии, накопленной во «времена изобилия» этой жизни. И хотя в Мидраше сказано: «час блаженства духа в будущем мире лучше всей жизни в этом мире», – так рассуждает человек, ждущий награды в новой жизни. С точки же зрения Всевышнего, «час раскаяния за свои грехи, а также добрые дела в этом мире лучше целой жизни в мире грядущем». Только здесь мы можем исполнить свое предназначение и создать духовные радости, которые будут раскрыты в мире грядущем.

Теперь, если следовать логике строгих предписаний закона, можно сказать, что мы подчиняемся воле Б-га, часто руководствуясь корыстными мотивами. Мы не выверяем свои действия с сущностью заповеди, исполнение которой и есть высшая награда.

Значит ли это, что если «самое главное – это соблюдение заповеди», исполнение которой действительно дает выход Б-жественной сущности, такие действия не должны награждаться в будущем мире раскрытием их сущности?

Когда мы просим (во второй просьбе Мидраша): «воздай нам по делам нашим» (а не по мотивам поступков), мы не просто молим Б-га следовать строгим предписаниям закона. Мы просим Его рассматривать только наши внешние действия, а не судить, имея в виду недостатки нашей мотивации. Что же касается поступков, то «даже грешники Израиля полны заслугой в исполнении заповедей и добрых дел, как гранаты (семян)».

Так поступал Йосеф, говоря: «А если вы замыслили против меня зло, то Всесильный порешил его к добру, чтобы осуществить то, что происходит ныне, и сохранить жизнь многочисленному народу» (Брейшис, 50:20). Получилось так: желая погубить Йосефа, братья продали его в рабство и тем самым помогли стать великим человеком. Получив высокий пост, он сумел сохранить жизнь тысячам людей, заранее готовясь к надвигающемуся голоду, сделал необходимые запасы пищи. Отсюда явствует, что Йосеф судил братьев по поступкам (а их результат был хороший), а не по намерениям.

Сторонники строгого соблюдения закона, наверное, согласятся с тем, что человек, делая добро из корыстных целей, подсознательно все-таки стремится к близости с Б-гом, а потому должен быть вознагражден. Но разумеется, когда человек грешит, у него не может быть благородных побуждений. Однако подсознательно его душа в своей неизведанной глубине стремится отдалиться от греха (Рамбам). Как же в ином случае Б-г

позволил бы нам ретроактивно исправлять грехи, раскаянием превращая их в заслуги, если нет нашим грехам прощения?

Об этом дополнительном милосердии Мидраш в лице рабби Менахема просит в третьем обращении: «так же, как Йосеф ответил добром тем, кто обидел его, так и Ты, взирая на то, что грешны мы перед Тобой, воздай нам добром». Другими словами, суди нас в свете конечного добра (нашего раскаяния), как если бы это и было наше изначальное намерение, и мы грешили только для того, чтобы сделать добро.

ЗНАЧЕНИЕ ЙОСЕФА

Почему же мы обращаемся к Б-гу с этими тремя просьбами именно в связи с поступком Йосефа? Разница между Яковом и Йосефом заключается в следующем: Яков жил на высшем уровне духовного существования, а Йосеф переводил эту духовность в материальный мир. С точки зрения человека, это возможность воспринимать Б-жественную сущность на уровне его собственного ума, чувств и поступков, даже тех, которые совершались из корыстных побуждений.

Благодаря своей силе еврейская душа может быть проявлена, и осязимо, в этом мире (способность, которой обладает Йосеф), и она способна проводить в него Б-жественную сущность из мира грядущего.

Следовательно, самые сокровенные намерения человека – чистые, даже если он этого не осознает, реализуются в этом мире. И Б-г может вознаградить его добром, даже если он поступал плохо.

Это завет Йосефа каждому еврею. Накормив семью в голодное время, несмотря на все причиненное ему зло, он дал нам право и силы судить ближнего не по внешности и видимым слабостям, а смотреть глубоко внутрь, в суть его бытия, и откликаться на его неизменную святость.

Относясь так к другому человеку, мы пробуждаем в нем и в себе святую душу (корень святости), и спустя какое-то время она, прорвав свою внешнюю оболочку, раскрывает сущность наших душ.

ВАЕХИ

В этой главе мы читаем о том, как Яков, дважды созывал сыновей, чтобы благословить и пророчествовать. Наши мудрецы считают, что речь здесь идет о двух самостоятельных событиях, следующих однако в непосредственной близости, друг за другом. То, о чем Яков сказал, собирая детей во второй раз, рассказано в последующих стихах Торы. А о том, что случилось в первый, Тора умалчивает. И здесь необходимо осмыслить данные раввинами объяснения этого события, исследовать значение понятия «конец дней» в наше время.

ЧЕГО НЕ СКАЗАЛ ЯКОВ?

«И призвал Яков сыновей своих и сказал: “Соберитесь, и я поведаю вам, что произойдет с вами в грядущие времена”»

(Брейшис, 49:1).

Мудрецы, комментируя этот стих, говорят, что Яков хотел поведать сыновьям о конце дней, но Б-жественное присутствие (на иврите – Шхина), которое давало ему силу пророчества, покинуло его. Что же побудило наших мудрецов так толковать эту фразу? Ее буквальное значение на первый взгляд связано с благословениями, которые Яков собирает дать своим сыновьям. И эти благословения позже упомянуты в тексте. Некоторые комментаторы объясняют, что внимание мудрецов сосредоточилось здесь на фразе «в грядущие времена», которая в другом месте Торы имеет значение «в конце дней». Но с таким толкованием трудно согласиться. Во-первых, потому что «в грядущие времена» не всегда подразумевает такое значение. Например, когда Бильям говорит Балаку: «Я возведу тебе, что этот народ сделает твоему народу в грядущие времена», Раши объясняет это как ссылку на времена царя Давида. Во-вторых, даже если мы согласимся, что Яков хотел говорить о конце дней, почему следует думать, что он хотел раскрыть сыновьям, когда именно это будет? Ближе к буквальному смыслу стиха было бы мнение, что он просто хотел сообщить им, что тогда произойдет, именно это он и делает позже в нашей главе. И в-третьих, даже если мы примем такое толкование мудрецов, то его, безусловно, нельзя считать буквальным прочтением стиха или объяснением на уровне простого смысла. Но ведь именно это толкование приводит Раши, а Раши, как известно, ставил своей целью дать комментарий на уровне простого смысла.

ДВА СОБРАНИЯ

Объяснение заключается в том, что в тексте Торы есть очевидное повторение. Сначала Яков говорит: «Соберитесь и я поведаю вам», а затем: «Сойдитесь и послушайте». Поскольку Тора не содержит избыточных фраз, отсюда следует, что Яков дважды собирал сыновей. Описание второго собрания есть в тексте, но первое остается загадкой. Почему нам не сказано, что собирался сообщить Яков и почему он этого не сделал? Потому-то и объясняют мудрецы, что он «хотел раскрыть своим сыновьям конец дней», но не мог, поскольку «Б-жественное присутствие покинуло его». И именно поэтому он собирал их второй раз, сказав «икабцу», буквально «сойдитесь вместе». Это слово имеет значение «приготовиться услышать слова, исходящие из Б-жественного источника» (в отличие от слова «еасфу» – «соберитесь вместе»).

Но в этом объяснении все же чего-то не достает. Мы, конечно, можем согласиться, что текст Торы подводит нас к мысли: Яков собирал своих сыновей вместе, желая сообщить им то, что впоследствии уже не сможет. Но что если была какая-то дополнительная информация о том, что произойдет с ними в будущем, и по какой-то причине ему не дано было ее передать? Где доказательства, что он хотел раскрыть «конец дней»?

ТРИ СПОСОБА ОБЩЕНИЯ

Мы можем пойти дальше в нашем понимании проблемы, если используем приводимое в книге Зогар различие между тремя обозначениями речи: «говорить», «рассказывать» и «поведать». «Говорить» – просто физиологический процесс, «рассказывать» – уже идет от сердца, но «поведать» – обозначает голос души. Разница между ними такова: говорение и рассказ идут с поверхности, а не из глубины души. Уста иногда могут говорить то, что не чувствует сердце. Более того, сказанное сердцем иногда может быть в конфликте с тем, чего на самом деле желает душа человека. Иногда в своем сердце еврей может желать чего-то запрещенного Торой. Но в самой глубине души он никогда не пытается отделить себя от воли Б-га. Глаз видит, сердце желает, но самые глубокие сферы души никогда не подвержены греху. Так вот, «поведать» идет из самых глубин человеческого существа. Агада, «внутренняя» часть Торы, буквально означает

«поведанное». Раввины говорят об Агаде так: «Если хочешь узнать Того, Кто говорил и привел мир к существованию, то учи Агаду, ибо в ней найдешь Б-га». Иными словами, через ту часть Торы, название которой происходит от глагола «поведать», ты можешь открыть глубинную сущность Б-га.

Именно это собирался Яков сделать вначале – «поведать» своим сыновьям, раскрыть им «конец дней», то есть суть времени, когда глубинная сущность души человека и глубинная сущность Б-га будут раскрыты через глубинную сущность Торы.

Б-ЖЕСТВЕННОЕ ПРИСУТВИЕ ПОКИДАЕТ ЕГО

Почему же наши мудрецы настаивают, что Б-жественное присутствие (Шхина) покинуло Якова именно в тот момент, когда он собирался об этом поведать? Почему не сказать проще: «Конец дней был сокрыт от него»? В особенности если учесть, что сразу после этого в благословениях, которые он дает сыновьям, звучит много пророчеств, что подразумевает: Б-жественное присутствие по-прежнему с ним. Причина в ином: Яков хотел раскрыть «конец дней» своим сыновьям, думая, что, поскольку они «собрались все вместе» (то есть объединились в самом глубоком смысле этого слова, приготовившись получить откровения), они будут достойны такого откровения и смогут его воспринять. Но они не смогли удостоиться Б-жественного присутствия, поэтому оно и ушло. Не от Якова, который по-прежнему мог видеть «конец дней» и был способен пророчествовать, а от его попытки «открыть» это сыновьям.

Несмотря на это мудрецы все же утверждают, что Б-жественное присутствие покинуло его, Якова. Это связано с тем обстоятельством, что его сыновья не могли воспринять это присутствие, что сказалось и на самом Якове. Но если так, почему Б-жественное присутствие ушло только тогда, когда Яков хотел раскрыть «конец дней»? Ведь его сыновья в это время были такими же, как и раньше. И если у Якова были недостатки из-за его детей, и они тоже должны были быть раньше. Но никаких неожиданных изменений, способных внезапно оттолкнуть Б-жественное присутствие, в нем до настоящего момента не происходило.

Ответ заключается в том, что хотя его сыновья и ранее были недостойны откровения, которое Яков собирался доверить им, пока он не был с ними связан, их состояние на него не влияло, но когда он попытался им поведать, это влияние проявилось, и Б-жественное присутствие покинуло его.

НАШЕ ВРЕМЯ И КОНЕЦ ДНЕЙ

Тора вечна. Она обращена к каждому еврею, и поэтому то, что она рассказывает, адресовано каждому из нас. Все продолжающееся воздействие того, что делал тогда Яков, заключается в следующем. Когда он сказал: «Соберитесь», иначе говоря «объединитесь вместе, и я поведаю вам», он дал своим сыновьям и всем их возможным потомкам силы достичь при помощи своего служения Б-гу – откровения о конце дней. С одним «но»: внутренне они не могут принять его полностью. Этот факт имеет важное следствие. Глядя на современное состояние мира, можно удивиться: как этот век и это осиротевшее поколение можно считать готовыми к откровению о будущем избавлении, откровению, которого даже поколения более высокого уровня оказались недостойны? На это Тора отвечает, что через действия, совершенные Яковом в попытке передать это своим сыновьям, каждый еврей имеет такую силу во все времена, даже когда «Б-жественное присутствие покидает его», то есть даже когда он сам себя упрятал, как

сейчас, в двойной панцирь тьмы. И в таком состоянии он имеет силу одним прыжком достичь откровения о конце дней, то есть о полном и истинном освобождении.

Даже то, что мы ощущаем, насколько наше время недостойно освобождения, является доказательством близости времен Мошиаха. Ибо говорили мудрецы: «Мошиах придет тогда, когда его не ждут» (буквально «когда разум обращен в другую сторону»). И время, подобное нашему, когда невозможно найти место, достойное освобождения, как раз свидетельствует против самого себя и означает, что это освобождение неминуемо наступит.

Это нельзя понимать таким образом, будто у нас есть право отчаиваться, чтобы таким образом обеспечить условия, когда Мошиах не ждет. Напротив, одной из основ еврейской веры является принцип: «каждый день я ожидаю его прихода» (Рамбам). Что означает: хотя это и непосильно для постижения нашим разумом, мы имеем веру, идущую далеко за пределы рационального ожидания, и эта вера сама по себе скоро принесет освобождение «конца дней».

ГЛАВНЫЙ РАВВИН РОССИИ: ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА, США, ИЗРАИЛЬ

«Высокая активность характеризует главного раввина России» – отмечает «Комсомольская правда» в материале, посвященном ноябрьской поездке Берла Лазара, который, только недавно завершив интенсивное, насыщенное турне по России, теперь в течение недели побывал на еврейских религиозных форумах в Западной Европе, США и Израиле.

Последнее турне главного раввина России началось в Брюсселе 22 ноября. Сюда на открытие Европейского раввинского центра, который должен стать поддержкой деятельности глав общин Европы, Закавказья и Средней Азии, съехались 80 раввинов, представляющих 180 общин этих регионов.

А 23 ноября Берл Лазар уже был на другом континенте. В течение четырех дней в числе более полутора тысяч духовных лидеров еврейского мира он принимал участие в ежегодной конференции раввинов-посланников Любавичского Ребе в Нью-Йорке. На этом форуме всеобщий интерес вызвал фильм, посвященный жизни еврейских общин СНГ.

Завершив визит в США, 27 ноября Берл Лазар прилетел на Святую Землю. Здесь в Иерусалиме открылся Всемирный съезд представителей ортодоксального иудаизма, собравший более 300 лидеров общин, раввинов и ученых из 35 стран мира, около трети участников представляли Израиль. Этот съезд стал первым событием такого рода. На нем обсуждались самые животрепещущие темы наших дней: духовное пробуждение еврейской молодежи, возрождение общин Восточной Европы, противостояние религиозного мира опасным явлениям нового тысячелетия и многие другие. Надо заметить, что несмотря на напряженную обстановку в стране не было зарегистрировано ни единого случая отказа от участия в этом форуме.

На съезде было решено создать в сети Интернет информационный портал, способный объединить людей, интересующихся духовной, религиозной жизнью. Одна из примечательных его особенностей в том, что пользователи портала не будут иметь доступ к сайтам, неприемлемым для верующих. Это очень важно для родителей, чьи дети любят путешествовать по сети: отныне их здесь не будет подстерегать опасность встречи с губительными «вирусами» эпохи, предшествующей приходу Мошиаха.

Во второй день съезда, выступая перед его участниками, главный раввин Израиля Мордехай Элиягу призвал их «брать пример с раввинов России, которые во главе с Берлом Лазаром за 10 лет вернули к жизни уничтоженную в годы коммунистического режима еврейскую общину».

В рамках съезда состоялись встречи главного раввина России с главами раввината Израиля, руководителями общин ряда стран. Он был принят президентом страны Моше Кацавом.

«Столь высокая активность, – подводит итог московская пресса, – характеризует главного раввина России как человека, который не собирается останавливаться на достигнутом и намерен всеми силами способствовать вовлечению России и российских евреев в международную жизнь».

Ді і Оіііі

МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ МИРОТВОРЧЕСКИЙ ФОРУМ

«Мы, участники Межрелигиозного миротворческого форума, духовные лидеры христианства, ислама, буддизма и иудаизма, глубоко встревожены проявлением экстремизма и терроризма, которые нередко пытаются оправдать религиозной риторикой», – так начинается официальное заявление участников Межрелигиозного миротворческого форума, впервые в современной России собравшего вместе официальных глав конфессий и выдающихся специалистов в области государственно-религиозных отношений. Пафос этих слов как нельзя лучше отражает цель, во имя которой и состоялся форум, собрав известных религиозных лидеров СНГ.

Президент Российской Федерации В.В. Путин прислал приветствие Межрелигиозному миротворческому форуму, который проходил 13-14 ноября в Москве в Большом конференц-зале гостиницы «Даниловская». Триста участников обсуждали самые актуальные вопросы современности: роль религии на исходе уходящего века, возможность силами верующих способствовать преодолению межнациональных и межконфессиональных конфликтов, нравственного упадка и многие другие. Также обсуждались возможные пути решения ряда проблем, все еще существующих между верующими и государством. Выступавшие отмечали грандиозное значение форума, необходимость толерантности в отношении друг друга на разных уровнях, межконфессионального взаимодействия. Яркое впечатление оставило выступление

митрополита Кирилла о необходимости уважать права верующих вести соответствующий их религиозным традициям образ жизни.

В своем выступлении главный раввин России Берл Лазар отметил благоприятные возможности обеспечения свободы совести в многоконфессиональной России. Терпимость и уважение друг к другу являются необходимым условием вхождения общества в новый век, подчеркнул он, и рассказал талмудическую историю о мудреце Гилеле. «Не делай другому того, что не желаешь себе, остальное – лишь комментарии к этой истине», – процитировал раввин ответ мудреца на вопрос о сути Торы.

Во второй день конференции прошли «круглые столы» по темам «Преодоление и предупреждение межнациональных и межрелигиозных конфликтов», «Религия. Государство. Общество.», «Взаимодействие с зарубежными межконфессиональными организациями». Как и накануне, лейтмотивом выступлений была озабоченность тем, что финал XX века, особенно последнее его десятилетие, оказался отмечен событиями, отозвавшимися острой болью в сердцах верующих. История стран СНГ, соседних дружественных республик и некоторых других государств мира отмечена множеством кровопролитных национальных и гражданских конфликтов, небывалым усилением этнической, политической и социальной вражды, ксенофобии и отчужденности. Особой актуальностью и глубиной отличались выступления эксперта НИИ социальных систем МГУ А. Игнатенко, профессора А. Ковельмана, протоиерея Вс. Чаплина, доцента Российской академии государственной службы при Президенте РФ Ю. Зуева, доктора философских наук С. Вайнштейна, магистра богословия И. Ковалевского, профессора А. Нуруллаева, редактора «НГ-религий» М. Шевченко, редактора религиозных программ радио России А. Щипкова.

В завершение форум принял итоговый документ и Заявление участников Межрелигиозного миротворческого форума, подписанное главами конфессий. Это председатель Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, председатель Духовного управления мусульман европейской части России, председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин, главный раввин России Берл Лазар, председатель буддийской традиционной сангхи России Пандидо Дамба Ламба Аюшеев, канцлер Апостольской администрации для католиков латинского обряда Европейской части России Игорь Ковалевский, председатель Российского союза евангельских христиан-баптистов Петр Коновальчик, Председатель Центрального Духовного управления мусульман России шейх-уль-ислам Талгат Таджутдин, председатель Конгресса еврейских религиозных организаций и объединений в России Адольф Шаевич, глава представительства Евангелическо-лютеранской церкви России в Москве В. Пудов, патриарх всея Грузии Илия II. В официальном документе отмечалось: «Нас особенно тревожат попытки злоупотребить чувствами верующих для достижения политических и тем более криминальных целей, для эскалации споров и столкновений... Никому не должно быть позволено, прикрываясь словами о вере, отнимать жизнь других людей, попираť их права и свободы. Убежденно свидетельствуем: ни одна традиционная религия этому не учит».

Шмуэл Кедми

НОВОСЕЛЬЕ В ЕВРЕЙСКОМ ДОМЕ

Только полтора месяца прошло, как после реконструкции открылась синагога «Золотая роза», и вот уже по соседству с ней распахнулись двери нового здания Общинного центра, получившего имя Розалинд Горвин. Две Розы заняли достойное место друг возле друга. Без преувеличения сказать, этого события с нетерпением ждали тысячи людей, ведь в прежних стенах Общинного центра постоянно происходило так много важных, интересных мероприятий, туда тянулось столько людей, что старый дом стал тесен. За особую атмосферу его прозвали «Еврейский дом».

В этом доме царит такая атмосфера, что сотни людей, оказавшись тут однажды, приходят снова и ведут за собой других – от мала до велика. Ходят сюда целыми семьями, и часто случается, что именно младшие приводят старших. Каждому находится занятие по душе, и никогда не поздно раскрыть в себе новые таланты! Здесь и мастерская культуры, и студии анимации, танца, вокала, скульптуры, фотографии, кукольный театр и детский эстрадный театр «Дрейдл», клезмерский ансамбль «От Озой» и ансамбль юных скрипачей «Фидэле», центр детского творчества «Симха» и молодежный клуб «Гилель», семейная программа «Мишпаха» и образовательная «Лерхауз» – всего не перечислить. Они работают для того чтобы евреи, с удовольствием почувствовав себя евреями, познакомились, сдружились, нашли единомышленников и никто не чувствовал себя одиноким.

Участвуя в программах, люди втягиваются и в общинную жизнь: начинают ходить в синагогу, изучать Тору, традиции. И то, что новое здание построено стеной к стене с Хоральной синагогой, очень символично. «Каждый еврей, приходя в центр, скорее всего захочет зайти и в синагогу, – говорит директор программ “Джойнт” в Днепропетровском регионе Менахем Лепкивер. – Побывав и там, и здесь, он поймет, что еврейский дом – весь этот комплекс, а не что-то одно, и вся община – единый организм, и все вместе мы делаем общее дело. Что может быть лучше?»

Строительство нового здания стало возможным благодаря сотрудничеству днепропетровской общины с «Джойнт» при всемерной поддержке меценатов и прежде всего члена Попечительского Совета Всемирного распределительного комитета Джозефа Горвина. Выступая на торжественном открытии Общинного центра, которое проходило в зале Хоральной синагоги, г-н Горвин отметил, что для него, пережившего Холокост, потерявшего в то страшное время родителей, очень важен факт возрождения еврейской жизни в Днепропетровске.

Новое здание Общинного центра восхищает. Просторные, светлые комнаты, удобная мебель, современное оборудование – все здесь рассчитано на тысячи людей. «Мы получили возможность расширить свои программы, – рассказывает директор Центра Мария Красная. – Здесь развернется крупнейшая в регионе еврейская библиотека, оборудованная по последнему слову техники, с компьютерами, подключенными к Интернету, с большим аудио – и видефондом. Здесь мы сможем в полной мере реализовать семейные программы, театральные и образовательные проекты».

На открытии нового здания Общинного центра, которое состоялось 8 ноября, присутствовали мэр Днепропетровска И.И. Куличенко, главный раввин города Шмуэль Каминецкий, президент днепропетровской еврейской общины Г.Б. Боголюбов, генеральный директор программ «Джойнт» в бывшем СССР Ашер Острин, руководитель департамента общинных центров «Джойнт» в СНГ Сара Боген, кантри– директор программ «Джойнт» в Восточной Украине Ицхак Авербух, представители государства Израиль и Еврейского агентства «Сохнут», члены президиума Попечительского Совета днепропетровской еврейской общины и другие почетные гости.

Церемония открытия превратилась в настоящий праздник – с выступлениями творческих коллективов центра и его гостей, с дружеским общением в семейных гостиных и в клубе самодетельной песни, а под конец – с веселым фейерверком. И каждый, кто был здесь, чувствовал, как дружна и сильна еврейская община, сколько больших и важных дел уже сделано и непременно еще будет. Потому что все вместе!

РêëŸ Ñàðåã

СТАРШИЕ БРАТ И СЕСТРА

Социальные программы – одно из приоритетных направлений деятельности днепропетровской общины. В первую очередь мы позаботились о поддержке пожилых одиноких и малообеспеченных ее членов и инвалидов. Что касается детей – сирот и живущих в неблагополучных и неполных семьях, справиться с «внешней», очевидной частью их проблем было относительно несложно, но в решении глубинной проблемы – психологической мы делаем только первые шаги.

Многие из этих детей обрели второй дом в пансионатах для девочек и мальчиков, созданных по инициативе раввина Шмуэля Каминецкого при поддержке еврейских организаций и частных лиц. Сейчас в них живут, имея все необходимое, – в уюте, при отлаженном быте, опекаемые воспитателями, – 35 девочек и 70 мальчиков. И все же, как бы хорошо ни решались материальные и бытовые проблемы, формирующаяся личность остро нуждается и в другой поддержке: ребенку нужен друг – взрослый, умный, терпеливый, способный оказать поддержку, послужить примером, такой, с кем не надо притворяться, кто знает и принимает тебя таким, какой ты есть. Эту проблему надо

решать очень деликатно, осторожно, находя пути решения в каждом конкретном случае. Здесь не подходят абстрактные методики, рассчитанные «на все человечество», а нужен в первую очередь надежный человеческий контакт.

Уже долгие годы нас связывает доброе сотрудничество с общиной Бостона в области образования, культуры, в разработке и реализации благотворительных программ. Наш совместный «Кегила-проект» охватывает разные стороны еврейской жизни. Благодаря такому сотрудничеству недавно разработано новое направление совместной деятельности – программа «Старший брат /Старшая сестра», цель которой – помочь каждому ребенку найти надежного друга. Конечно, речь не идет о том, чтобы заменить родителей, важно при помощи старшего друга – Брата или Сестры – помочь преодолеть чувство одиночества, непонятности и неразделенности личностных проблем. В отдельных случаях это можно сделать даже по телефону, хотя, безусловно, одним этим не обойтись.

Подобная программа с успехом работает в США на протяжении восьмидесяти лет. Но когда с ней работать начали мы, было опасение, найдутся ли подходящие люди. И не потому, что нет у нас отзывчивых людей, а потому, что нужна необычная помощь. Надо открыть сердце и, порой не считаясь со временем и усилиями, со всей ответственностью принять в свою жизнь младшего «брата» или «сестру» – как неотъемлемую часть своей жизни. К сожалению, не всегда люди способны сделать это в отношении родных, и, понятно, насколько это сложно по отношению к чужому человеку.

Поиск необходимых людей мы начали в молодежном клубе «Гилель». Великий мудрец, чьим именем назван клуб, отличался уникальными качествами: выдержкой, доброжелательностью, терпением, и мы пришли сюда в надежде найти начинающих гилелей. При первой же встрече было видно, как заинтересовалась новой программой молодежь, идеи и предложения посыпались, как из рога изобилия. В тот же вечер нам позвонили двое из членов клуба – Абакунова Аня, студентка 1-го курса университета, и студент 3-го курса медицинской академии Нехневич Олег. Они и стали «первопроходцами».

Начало положено. Надеемся, к нашей программе подключится еще немало таких замечательных ребят. Открыта она и для людей постарше. Нередко бывает, что кто-то давно мечтал о младшем брате, сестре или друге, которому хотелось бы оказать поддержку, передать свой опыт. И вот тут как раз люди могут найти то, что искали. У новой программы колоссальные возможности для комплексного решения множества обоюдных проблем. К тому же по мере ее реализации может сформироваться целая плеяда психологов, педагогов и просто отзывчивых, образованных и ответственных людей. А если учесть, что и общине прибудет счастливых, полноценных, устроенных и инициативных членов, то во имя этого и все наши труды.

וְאֵלֶיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ יָשׁוּב;

עִירֵינוּ אֶלֶלֶיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ יָשׁוּב וְאֵלֶיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ יָשׁוּב

**САЙТ ДОНЕЦКОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ЕВРЕЙСКОЙ ШКОЛЫ «ОР-МЕНАХЕМ»**

Летом 2000 года школа «Ор-Менахем» открыла свою страничку в Интернете, чтобы желающие могли узнать обо всем многообразии школьной жизни из первых рук.

Новости, информация о еженедельной школьной газете «Шабат Шалом», рубрики «Школьный альбом», «Пишут дети», – основные разделы сайта.

В ближайшее время собственные сайты появятся и у школьников, их цель – дружеское общение, обмен информацией, поиск места дальнейшей учебы, трудоустройство. Идет работа по созданию иврито- и англоязычной версий.

По мнению специалистов, дизайн школьного сайта соответствует мировым стандартам. Его посещают «гости» из России, Украины, Израиля, Америки. С введением англоязычной версии число их уже вскоре увеличится во много раз.

Информация обновляется не реже двух раз в неделю.

Адрес школьного сайта:

jew-school.dn.ua.

Добро пожаловать!

Заходите в гости!

ЕВРЕИ ВОЛГОГРАДА В ГОСТЯХ У ГУБЕРНАТОРА

4 декабря 2000 года в период подготовки Съезда народов, населяющих Волгоградскую область, состоялся прием делегации Волгоградского Еврейского Общинного Центра у губернатора Николая Кирилловича Максюты. Возглавляли делегацию раввин Залман Иоффе и председатель Совета Общинного Центра Яэль Иоффе.

Большой интерес к этой встрече проявили различные средства массовой информации. Еще до ее начала в приемной губернатора делегацию обступили журналисты, телеоператоры. Вопросы сыпались, как из рога изобилия: от стратегических целей и задач до того, чем сегодня дышат, живут евреи, какие традиции возрождаются в первую очередь, что за праздники у евреев, на что надеются и т.п.

Председатель Совета общины Яэль Иоффе дала краткое телеинтервью о жизни еврейской общины, о создании еврейской общеобразовательной школы «Ор Авнер», открытой в Волгограде.

Альбом с фотографиями, запечатлевшими мероприятия и праздники еврейской общины, переходил из рук в руки. Директор благотворительного Центра «Милосердие» при ВЕОЦ Т. Ройзен, отвечая на вопросы журналистов, сказала: «Живя в России, мы хотим оставаться евреями. Для этого необходимо восстановить утраченную в силу определенных причин связь с родными традициями».

Глава администрации области Н.К. Максютa тепло и радушно встретил делегацию, отметив, что внимательно и постоянно следит за становлением и работой еврейской общины в регионе, лично знаком с основной частью делегации и рад познакомиться с остальными. Он говорил о многонациональном населении области, в которой сохраняются стабильные межнациональные отношения, о необходимости съезда народов, ее населяющих. Цель съезда – укрепление федеральных связей России, предупреждение межнациональных и межконфессиональных конфликтов и вообще разжигания какой бы то не было вражды (особенно это касается Южного федерального округа, куда входит и Волгоградская область). Съезд должен способствовать решению проблем людей в непростых экономических условиях нашего времени, культурному и творческому подъему различных национальностей. Планируется создать Комитет национальностей – совещательный орган при губернаторе области, Дом дружбы народов.

Обращаясь к членам делегации еврейской общины, губернатор попросил каждого высказать мнение о целесообразности съезда и сроках его проведения, а также о нерешенных на сегодняшний день проблемах общины.

Вся делегация единодушно высказалась за проведение съезда, отметив при этом, что он ни в коей мере не должен быть связан с политическими мотивами, какие могут иметь место из-за кампании по выборам губернатора области. Н.К. Максютa выразил свое согласие с высказанными мнениями и предложил провести съезд в феврале-марте 2001 года.

Яэль Иоффе вручила губернатору письменное обращение ВЕРО в связи с предстоящим Съездом народов области и попросила о поддержке в решении важного для общины вопроса – получения в долгосрочную аренду помещения для школы «Ор Авнер», поскольку бюрократическая волокита администрации города долгое время тормозит национальную образовательную программу. Была высказана также просьба о выделении эфирного времени на телевидении и радио представителям всех национальных объединений области.

Директор благотворительного Центра Т. Ройзен отметила, что практически во всех регионах России идет процесс возврата культовых зданий и сооружений, принадлежавших ранее религиозным объединениям. В разрушенном войной Волгограде чудом сохранились два здания синагоги. Община надеется, что администрация области в ближайшее же время положительно решит вопрос о возвращении хотя бы одного из них.

Член делегации Л. Маргулис предложил включить в программу предстоящего съезда пакет экономических вопросов. Наряду с развитием культур народов, проживающих в этом регионе, заметил он, съезду необходимо также решить вопрос относительно включения специалистов разных национальностей в активную

экономическую деятельность области, обеспечить им возможность принять участие в развитии малого и среднего бизнеса. Перед национальными объединениями должна быть поставлена задача прекратить отток молодых, талантливых людей из региона. Надо интенсивнее вовлекать их в развитие научного, производственного потенциала области, в многообразную общественную деятельность.

С особой теплотой и сердечностью губернатор выслушал старейшего члена делегации - ветерана Великой Отечественной войны, подполковника запаса, бывшего начальника штаба ракетных войск и артиллерии 82-й дивизии, располагавшейся в Волгограде, Д.И. Прицкера. От имени евреев-ветеранов Д.И. Прицкер передал губернатору слова поддержки в деле укрепления межнациональных отношений населения области, а также выразил уверенность, что трудности в реформировании армии будут преодолены, славные ее традиции не забыты. Н.К. Максюта пожелал ветерану здоровья и долголетия, поблагодарил за ратный труд.

Прощаясь с губернатором, раввин З. Иоффе рассказал о недавнем съезде раввинов в Нью-Йорке, на котором его с интересом слушали о далеком, но известном там городе Волгограде. Он высказал мнение всей еврейской общины: съезд народов области важен и, возможно, как никогда, поблагодарил и выразил уверенность в дальнейшей поддержке исполнительной властью религиозных, культурных традиций народов, населяющих регион.

Беседа с губернатором продолжалась более получаса при участии телевидения, и уже в вечернем выпуске областного вещания в программе «Курьер» телезрители увидели фрагменты из нее.

Ėāī ēā Ī ādāēēī

«НЭШЭЙ ХАБАД»: В ГОСТЯХ У ДИНЫ ...

Для женщин еврейской общины Николаева слова «приглашает Дина» – добрый сигнал: значит, скоро представится новая возможность встретиться, пообщаться, узнать что-то новое о еврейской традиции, национальной кухне, о музыке и литературе, обменяться секретами воспитания детей. И на этот раз декабрьский вечер не испугал женщин ни дождем, ни ветром, все спешили в синагогу, где гостеприимно распахнул двери женский клуб.

На этот раз члены клуба оказались в атмосфере Субботы. В первую очередь, потрясенные, они увидели чудесно накрытый стол, который венчали серебряный бокал для вина и румяные халы, а в центре красовался огромный букет белых и желтых роз, подобранных в тон сервизу. Гостеприимная хозяйка Дина Готлиб с Эстер Шейнер и другими помощницами, студентками-практикантками из Израиля, не только приготовили праздничный стол для гостей, а еще научили, как нужно его накрывать и украшать, что готовить, когда в еврейский дом приходит Царица Суббота.

Затем Дина Готлиб рассказала о традициях Субботы, о роли женщины в исполнении этой заповеди, о субботних песнях и гостях за праздничным столом.

Каждая женщина обнаружила на столе замечательный подарок: рецепты чолнта, слова субботних песен, правила сервировки праздничного стола, рекомендации по его оформлению. Инструкции, как сделать из салфеток вееры, птиц и прочие украшения, были восприняты с восторгом. Увлеклись все, независимо от возраста, интересов, профессии. И как-то сами собой зазвучали песни на иврите, русском, украинском языках. На вопрос хозяйки, чему женщины хотели бы посвятить следующее заседание клуба, посыпались самые неожиданные предложения и настолько разнообразные, что было решено создать целый совет, чтобы их рассмотреть.

Вечер пролетел незаметно. Расходиться, как всегда, не хотелось. Фотография на память... Слова благодарности Дине... Улыбки... И надежда встретиться снова, чтобы почувствовать себя женщиной еврейской.

Ààèèí à Í àèèí à

20 ТЫСЯЧ ЕВРЕЕВ В ШАХТЕ ДОНБАССА

На мемориальном комплексе шахты 4-4-бис (Донецк), куда в годы оккупации фашисты сбросили 75 тысяч мирных жителей и военнопленных, состоялся траурный митинг. Его открыл городской голова, народный депутат Владимир Рыбак. В этом году, отметил он, день памяти жертв фашизма совпал с выходом в свет «Книги скорби», в которую внесены имена мирных жителей, уничтоженных оккупантами. Память погибших людей почтили минутой молчания. Об огромных потерях тех лет говорил заместитель председателя облгосадминистрации Сергей Третьяков. Народный депутат Ефим Звягильский, возглавляющий областное отделение общества «Украина-Израиль», отметил, что около трети безвинных жертв, захороненных в шахте, – евреи, уничтоженные только из-за слепой и безумной ненависти к этому народу. Он призвал помнить жестокие уроки истории, не позволяя никому разжигать межнациональную рознь, и напомнил: только в дружбе, добрососедстве общим трудом можно преодолеть трудности и создать условия для достойной жизни. Главный раввин Донбасса

Пинхас Вышецкий подчеркнул: несмотря на все усилия фашистов еврейский народ выжил, и сейчас еврейская жизнь в регионе быстро возрождается.

Затаив дыхание, участники митинга слушали выступление Владлена Воронкова, который рассказал о трагедии своей семьи. В шурф шахты была сброшена его мать, сиротами остались трое малолетних детей. Непроходящая боль преследует его всю жизнь, и он призывает не допускать повторения трагедии.

После траурного митинга в областном Дворце детского и юношеского творчества состоялась презентация первого тома «Книги скорби». Директор агентства «Книги памяти» Иван Кулага вручил родственникам погибших дарственные экземпляры нового издания и цветы. Закончился вечер концертом-реквиемом. В траурных мероприятиях участвовали представители донецкого благотворительного фонда «Хесед-Цдака», регионального культурно-просветительского центра, члены религиозной общины иудеев Донецка.

Ааааа ооооо Ааааа

С БЛАГОСЛОВЕНИЯ ЛЮБАВИЧЕСКОГО РЕБЕ

Глава московской религиозной общины любавичских хасидов, вице-президент Агудас Хасидей Хабад, центр которой находится в синагоге на Большой Бронной, раввин Ицхак Коган – человек цельный, с раннего детства соединивший свою жизнь с иудаизмом. Многие он успел в своей чуть более чем полувековой жизни, и то, что Учителем и наставником его был сам седьмой Любавичский Ребе, во многом определило его судьбу. Он стал последним из тех, кого Ребе благословил на работу в России.

Дедушка Ицхака Когана по маме Иосиф Тамарин хорошо знал шестого Любавичского Ребе. Он был среди тех, кто провожал Иосифа-Ицхака Шнеерсона и его будущего преемника Менахема-Мендла, когда они уезжали из Ленинграда в 1927 году. Тогда Ребе сказал Тамарину: «Я хочу, чтобы все ваши потомки оставались евреями». Придя домой, дед поделился с матерью: «Ребе дал наставление, которое показалось мне странным». Она ответила: «Ребе знает, что говорит». С той поры наставление стало заповедью для всей семьи.

Реб Ицхак Коган с детьми из Гомеля.

Иосифа Тамарина в ленинградской синагоге в довоенные годы хорошо знали и уважали. Неудивительно, что единственную дочь он воспитал в иудейской вере, приучил к еврейскому образу жизни. Разумеется, выйдя замуж и родив двух сыновей, она продолжала традиции родительского дома. Стоит ли говорить, чего это стоило.

Маленькому Ицхаку исполнилось только четыре, когда умер, а вернее погиб, его дед. Было это в 1950-м. В канун Песаха за подпольную выпечку мацы его арестовали и в течение трех недель изо дня в день вызывали на допросы. Иосиф Тамарин жил в ожидании ареста, но его выпускали. Все это далось пожилому человеку нелегко, и после очередного допроса он скончался, едва выйдя за дверь кабинета следователя. Хоронило его, казалось, все еврейство Ленинграда. Примечательно, что спустя полвека после смерти деда, пострадавшего за выпечку мацы, уже будучи раввином, Ицхак Коган получил от Государственной Думы благодарственное письмо... за обеспечение евреев – депутатов и сотрудников Думы мацой и кошерным вином к Песаху. Знал бы дед, какие всходы дадут посеянные им семена!

По воле обстоятельств Ицхак Коган с детства вынужден был вести двойную жизнь. Как все советские дети, мальчик ходил в школу и носил пионерский галстук, но дома жизнь его очень отличалась от других: он изучал Тору, молитвы, идиш, в семье отмечали еврейские, а не советские праздники, соблюдали кашрут.

Биография Ицхака для юноши «с пятым пунктом» поначалу складывалась довольно ровно и последовательно. Чтобы поддержать семью, с пятнадцати лет он работал на заводе токарем, доучиваясь в вечерней школе, а затем, поступив в Ленинградский электротехнический институт, одновременно работал на кафедре академика Фатеева, известного ученого в области автоматики и приборостроения. Окончив институт, занимался разработкой систем управления атомных подводных лодок на военном предприятии, даже стал начальником конструкторского бюро. Но наметившееся было продвижение по службе вскоре «затормозилось» в полном соответствии с логикой тех времен: в КПСС Ицхак Коган не состоял и не мог состоять в силу религиозного мировоззрения, к тому же как еврей он регулярно получал приглашения на постоянное жительство в Израиль, что, естественно, не было секретом для КГБ. Так пришлось время выбирать из двух параллельных жизней одну, а какую, у Ицхака не было сомнений.

В 1974 году Коганы подали заявление о выезде в Израиль. И, конечно, не без основания получили отказ: дорогу «перекрыли» подводные лодки. Уйдя с завода, Ицхак стал зарабатывать на жизнь ремонтом холодильников. Все складывалось к лучшему. Наконец-то судьба его утратила двуликость, и жизненные силы, объединившись, ринулись в родное русло. Квартира на Невском, где жила семья, стала центром еврейской религиозной жизни Ленинграда. А началось все с того, что на Песах здесь собралось едва ли не полсотни гостей. Ицхак взялся глубже изучать Тору, комментарии. Тогда же, в конце 70-х, рабби Нафтали-Герцл Хедекель стал открывать ему глубинную мудрость хасидизма, научил законам шхиты – кошерному способу убоя животных.

Чтобы получить диплом шойхета, а его мог выдать только настоящий раввин, Коган по каналам хасидов Хабада обратился за помощью к Любавичскому Ребе в Нью-Йорк, и Ребе отправил специального посланника, который и принял у Ицхака экзамен, выдав должное свидетельство – кабалу. Став первым дипломированным резником своего времени, Ицхак смог и сам обучать этому сложному делу. Его огромной заслугой стало то, что на седьмом десятке существования Советской власти в России появилось новое поколение шойхетов. И все же, как считают специалисты, до сего дня здесь нет равных по шхите Ицхаку Когану – у него особенный талант!

Сегодня о раввине Когане написано немало статей, сняты фильмы. Вполне обоснованно и заслуженно. Он заметная фигура в еврейском мире России и в Израиле. И в основе его авторитета, это известно всем, много лет подвижнического, беззаветного труда. Любавичский Ребе хорошо знал, кому поручать какое дело.

С благословения Ребе, еще до возвращения в Россию, Ицхак Коган организовывал строительство коттеджей для выходцев из СССР в Рамоте (Далет) – одном из районов Иерусалима, центр абсорбции в Кфар-Хабаде, затем, едва ли не чудом преодолевая всевозможные габэшные заслоны и советские бюрократические препоны, вывозил на лечение в Израиль чернобыльских детей (одного из них он даже усыновил).

Но вот настало время возвращаться в Россию. Приехав сюда с заданием Ребе возродить еврейские традиции, а также «взять в свои руки министерство шхиты», Ицхак Коган стал одним из тридцати активистов, «протаранивших» московские власти и добившихся в 1991 году возвращения религиозной общине здания синагоги на Большой Бронной. Некоторое время спустя он стал здесь и раввином.

Сколько успевает Ицхак Коган и с каким заразительным энтузиазмом, кто не знает, стоит посмотреть! На Большой Бронной он и раввин, и шойхет, и руководитель

всех благотворительных проектов. Ему чужд формализм, он само вдохновение. Именно его неустанными трудами здесь забурлила жизнь, синагога стала религиозным, культурным и благотворительным центром для многих и многих евреев. Весьма внушительное число – 11 тысяч человек здесь регулярно получают гуманитарную помощь.

Рабби Ицхак подчеркивает: спонсорская помощь поступает не только из-за рубежа, не меньше добродетелей и в здешних пределах. И в этом неизмеримая заслуга самого раввина: он душа общины, знает всех прихожан и умеет быть убедительным и заразительным. Глядя на него, хочется жить по заповедям, помогать другим.

За делами время летит быстро. Вот уже десяток лет, как евреи получили свой дом на Большой Бронной. Сегодня там ежедневно проходят традиционные молитвы, отмечаются субботы и праздники. Праздничные и субботние трапезы собирают более 200 человек. Как и положено, устроены в синагоге и бассейны для ритуальных омовений – мужская и женская миквы. Там, где появляется Ицхак Коган, ничто не стоит на месте, все совершенствуется. Недавно осмотрев миквы, главный раввин Израиля назвал их «лучшими в мире». По последнему слову техники оборудован и центр обрезания, в котором работает безукоризненный специалист (моэль). В последнее время все чаще процедуру брис-милы решаются пройти зрелые люди, а их отзывам можно доверять! В синагоге делают хупу (сочетаются традиционным браком), отмечают бар-мицву (условное совершеннолетие мальчиков в двенадцать лет), йорцайт (годовщину смерти близких). Раз в неделю раввин Коган ведет прием по личным вопросам, и многие приходят к нему за советом.

Ежедневно для прихожан и нуждающихся при синагоге работает благотворительная столовая. Благотворительность, или хесед, как называют это традиция, в еврейской жизни имеет одно из первостепенных значений. Кроме еженедельных продуктовых заказов для субботы, которые получают от синагоги одинокие престарелые люди, нуждающиеся и инвалиды, и наборов к праздникам (часть их доставляется на дом), на Большой Бронной организована квалифицированная медицинская помощь специалистов, налажено обеспечение медикаментами и всем необходимым для инвалидов. Три года здесь работает региональный общественный фонд помощи слепым и слабовидящим людям: нуждающихся безвозмездно обеспечивают специальным оборудованием, приборами, аудиотехникой, спецлитературой. Есть при фонде коллекция «говорящих книг» – более 280 наименований. Все необходимое подопечным, которых сегодня около 600, сотрудники фонда сами доставляют на дом, стараясь приобщить их к традиционной жизни, помочь социальной адаптации, организуют встречи.

Около полугода в подмосковном Раменском работает центр духовной и физической реабилитации для престарелых, инвалидов и волонтеров. Этот большой проект предусматривает семь корпусов, один из которых будет для евреев больницы. В настоящее время полноценно функционирует корпус на 100 человек и кухня. Раввин Ицхак Коган неуклонно и последовательно выполняет задачу, поставленную перед ним Любавичским Ребе, – помочь каждому еврею обрести поддержку, вернуться к родным корням.

За десятилетие своего существования синагога пережила два драматических инцидента, которые по счастью обошлись относительно малыми потерями: в 1993 году от бутылки с зажигательной смесью выгорела одна из комнат с личными вещами раввина, в 1999-м его младший сын вовремя обнаружил бомбу среди книг в молельном зале. По данным ЮНЕСКО, в ней было самое большое количество взрывчатого вещества, которым когда-либо пытались уничтожить синагогу, подсчитано: взорвись она в здании, вероятность остаться в живых у евреев составила бы 1:750 000. Бомбу обезвредить не удалось, и саперы взорвали ее здесь же, во дворе. И хотя от взрывной волны вылетели все стекла, этот ущерб был восполнен в короткое время.

Вскоре после случившегося сюда приехал сын расстрелянного в сталинские времена раввина и оказал существенную помощь в ее восстановлении. По его подсказке были найдены документы, по которым удалось воссоздать интерьеры синагоги в изначальном виде. Средства на реконструкцию и ремонт дали не только евреи. А какой радостью светился Ицхак Коган, когда завершился ремонт!..

Размышляя об этом человеке, я припомнил слова его однофамильца – немецкого философа Германа Когана, сказанные в конце XIX века: «Вы называете чудом, когда Б-г исполняет волю вашего раввина; мы же именуем чудом, когда наш раввин исполняет волю Б-га». «С благословения Любавичского Ребе», – добавил бы рабби Ицхак.

Étmo Néiaité

ШМУЭЛЬ-ЛЕЙБ – ПОЧЕТНЫЙ ГЕОДЕЗИСТ

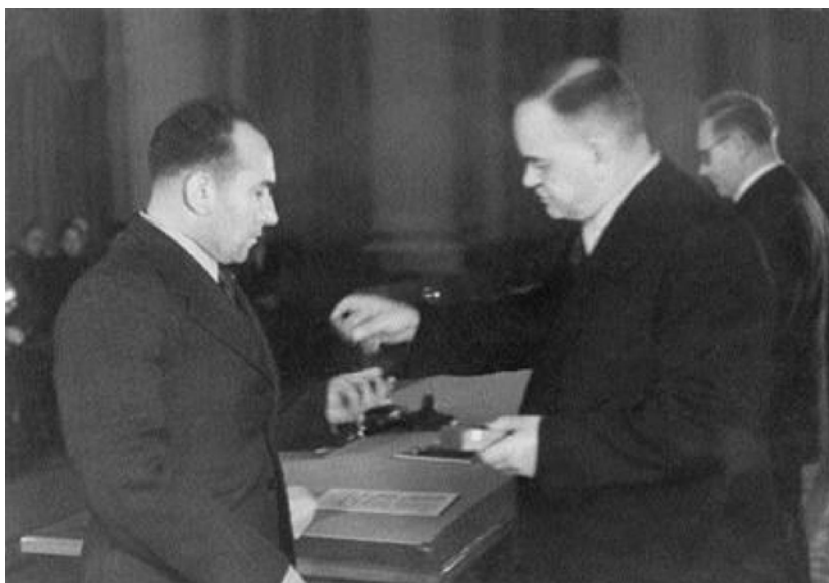
Чем больше бываю в синагоге в Марьиной роще, тем больше радуюсь, восхищаюсь, удивляюсь. Эти посещения убеждают меня, что еврейская жизнь в Москве бьет ключом. Прихожане синагоги – самого разного возраста. Однажды я

попросил познакомиться меня со старейшим. «С одним из уважаемейших познакомим, – ответили мне, – а возраст здесь особой роли не играет».

Вскоре после молитвы я уже беседовал с пожилым человеком, который представился так: «В документах я – Лев Павлович. В детстве меня нарекли двойным именем Шмуэль-Лейб. Фамилия – Вольберг, что в переводе “гора шерсти”. Но, видимо, имела место какая-то ошибка: к делам “шерстяным” мои родители отношения не имели».

Вот его недолгий рассказ. «Отец мой был кожевником в местечке Остров в Польше, где я и имел счастье родиться 7 января 1910 года и, возможно, жил бы там всю жизнь, но... В 1914 году, когда началась первая мировая война, мои родители уехали из Польши. Отец, его звали Пинхас, был человеком работающим, деловым. Миллионером он не был, но не был и бедняком. Поиск заработка вынудил его с семьей уехать с насиженного места. Отец стремился попасть в Россию, где, по слухам, могло пригодиться его кожевенное мастерство. Наконец узнал он, что в Нижнем Новгороде есть нужда в таких людях. Туда и переехал. В сорока километрах от Нижнего Новгорода есть город Богородск. Город, где жили одни кожевники. Там он купил дом, открыл свой завод».

Н.М. Шверник вручает награду Л.П. Вольбергу.

Заметим, что в Богородск Пинхас Вольберг привез свою семью не случайно. К октябрю 1915-го года там оказалось 400 евреев-беженцев из Польши, а до первой мировой войны было всего 25 человек. В середине же 10-х годов они составляли заметную часть населения города. В Богородске были молитвенный дом и еврейская школа. Пинхас Вольберг вскоре после переезда открыл там кожевенный завод и набрал более 40 рабочих.

«Отец часто внушал нам, своим детям, – рассказывает Лев Павлович, – что Б-г помогает тем, кто не теряет надежду и веру.

Вскоре после революции завод у отца отобрали, но уже через несколько лет, в 1922 году, когда объявили нэп, он снова открыл кожевенное дело, правда, уже не завод, а заводик – на 5 рабочих мест. В 1928-м или 1929-м году нас в очередной раз “раскулачили”, но это было уже при Сталине, и надежды на продолжение своего дела не оставалось. Отец продал наш большой, из восьми комнат дом и купил маленький, но с большим приусадебным участком в Гжатске. Работать на государственном предприятии он не мог, потому как был верующим и не работал по субботам. «Кстати сказать, всех сыновей он научил ивриту и молитвам. До сих пор их помню наизусть (я не раз замечал, как грамотно молится Лев Павлович Вольберг).

К тому времени, когда отец переехал в Гжатск, дети из Богородска уже уехали. Я в 1927 году поступил в Московский институт геодезии и картографии, который окончил в 1932-м, и сделал, как принято говорить, хорошую карьеру в своей области. Даже получил звание “Почетный геодезист России”».

После первой беседы в синагоге мы не раз еще встречались со Львом Павловичем, я бывал у него дома. Он оказался в числе редчайших счастливицков, которых награждали, когда других сажали. В 1951 году за особые заслуги по выполнению государственных заданий орден Трудового Красного Знамени ему вручал сам Председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Михайлович Шверник, то есть наш герой был среди тех немногих евреев, тяжелый и честный труд которых не был отвергнут даже в самые антисемитские времена. Жизнь складывалась так, что Вольберг, казалось бы, мог забыть о своих корнях, но он не только не забыл, а всегда, следуя завету отца, помнил о дне Йом Кипур, этом главном празднике евреев, и хранил веру, что настанет время, когда он сумеет вернуться к Б-гу своих предков, не скрывая этого желания. И вернулся.

Теперь он постоянный и, как мне сказали, уважаемый прихожанин синагоги в Марьиной роще. Любит свою общину. К сожалению, Лев Павлович одинок, но его ежедневное общение с Б-гом, помощь, теплота, которые он имеет в общине, не только крашивают его жизнь, но делают ее насыщенной и полноценной.

Na'nié Éóáí áé:

ГОРЯТ ХАНУКАЛЬНЫЕ СВЕЧИ

В этом году свой великий праздник Ханука, праздник освящения Храма, евреи мира будут отмечать в 2164-й раз. В этот день наш народ вспоминает не только блистательную победу над своими многочисленными врагами, но радуется великому чуду, происшедшему со Свечником в Храме, чуду, дарованному Всевышним, которым увенчалась борьба евреев во имя Его завета.

В 25-й день месяца Кислев во всех синагогах мира евреи произносят молитву благодарности Б-гу, «который совершил чудеса в те дни в это время». Три благословения соответствуют первому ханукальному вечеру. Первое из них: «Благословен ты, Г-сподь, Б-г наш, Царь Вселенной, освятивший нас Своими заповедями и повелевший зажигать ханукальный светильник».

В канун Хануки мы обратились к нескольким посетителям синагоги в Марьиной роще, чтобы узнать, что они думают об этом празднике.

Элибоген Макс Моисеевич, 81 год, пенсионер, родом из Черновцов:

«Во все времена, даже самые трудные, евреи повсюду находили возможность зажигать каждый вечер в дни Хануки праздничные свечи, ибо огонь этот был символом непобедимости нашей веры, знаком того, что Б-г никогда не забывает о нас. Восстановленная синагога в Марьиной роще подтверждает мои слова».

Головчинер Михаил Абрамович, пенсионер, более 30 лет проработавший на заводе им. Лихачева, постоянный прихожанин:

«Все восемь дней Хануки мы зажигаем свечи и освящаем эти дни года. Глядя на них, мы вспоминаем о славных победах нашего народа и воздаем благодарность Б-гу нашему, приносящему спасение и свет своему народу».

Лев Аркадьев, 76 лет, писатель, киносценарист, участник Великой Отечественной войны, член правления МЕКПО:

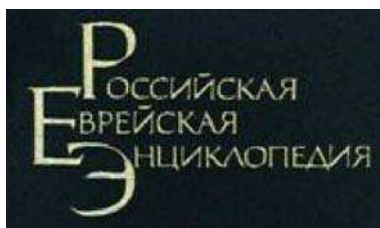
«Какие мысли навеивает Ханука? Прежде всего это воспоминания. Я мысленно возвращаюсь в Одессу моего детства, вижу нашу маленькую бедную квартиру на Госпитальной улице на Молдаванке. Ханука всегда в начале зимы, и даже в Одессе случались в эти дни морозы, но в нашем доме было тепло и радостно от света ханукальных свечей, которые мы каждый вечер поочередно зажигали.

И, конечно же, с детства этот праздник памятен еще тем, что мне дарили “ханука-гелт” – ханукальные денежки. Даже и сами нуждающиеся родственники и соседи дарили какие-то монеты, при этом говоря маме: “Пусть ребенок купит себе, что хочет, пусть радуется. Ханука – праздник радости”».

Я уже давно не ребенок и хочу сказать читателям так: «Пока мы празднуем Хануку, будут евреи. Пока есть евреи, будет Ханука».

О КНИГЕ, ХОРОШЕЙ И НУЖНОЙ

В рамках 3-го общинного фестиваля еврейской книги 27 ноября в Российской государственной библиотеке состоялась презентация очередного, четвертого, тома Российской еврейской энциклопедии. Это уникальное издание Зеева Вагнера, который его представляет, в рекомендации уже не нуждается. Энциклопедия стала столь популярной и нужной, что представить себе сегодня без нее жизнь русскоязычных евреев во всем мире невозможно.

Казалось бы, что нового и оригинального можно создать после двух больших еврейских энциклопедических изданий на русском языке – Энциклопедии Брокгауза-Ефрона и Краткой еврейской энциклопедии, издаваемой в Израиле? Но редакционный совет РЕЭ (главный редактор Г. Брановер, заместитель гл. редактора З. Вагнер) доказали обратное. И четвертый том, историко-географический, не только интересен, но и необычен по своему замыслу и осуществлению.

Несмотря на некоторое организационное несовершенство на презентации собралось немало людей. Одним из первых своими впечатлениями от нового тома поделился литератор, главный редактор «Вестника ЕАР» Феликс Дектор. По его словам, «эта книга напомнила всю биографию и географию моей жизни». Искусствоведы Мирон Черненко и Софья Черняк с одобрением отметили, что этот «краеведческий» том впитал в себя немало искусствоведческих проблем. Читателям он откроет, где и когда, в каких городах и местечках жили и работали еврейские актеры, художники, музыканты. Журналист Михаил Карлов, воздав должное достоинствам нового тома РЕЭ и всему изданию, указал несколько незначительных недочетов, внося, безусловно, интересное предложение: завершив издание РЕЭ, подготовить Краткий русско-еврейский энциклопедический словарь.

О современном еврейском движении в России и о роли, которую играют в нем научные издания, в частности РЕЭ, говорил в своем выступлении заместитель председателя ВААДа Роман Спектор. Другие выступающие выразили благодарность редакционному совету издания за скрупулезность при его подготовке, подтвердив слова примерами. Так, о городе Богородск Нижегородской области, имеющем собственную «еврейскую» историю, до сих пор ничего не говорилось в других еврейских энциклопедических изданиях, и это открытие, как и множество подобных, сделано в четвертом томе РЕЭ. Много нового и интересного можем узнать и об Аккермане (Белгород-Днестровский), значительном с точки зрения еврейской истории городе, давшем русской культуре таких выдающихся людей, как П.Н. Берков, А.О. Гершензон, и таких открытий в четвертом томе немало.

Замечательный подарок сделала редакция РЕЭ в канун Хануки всем нам.

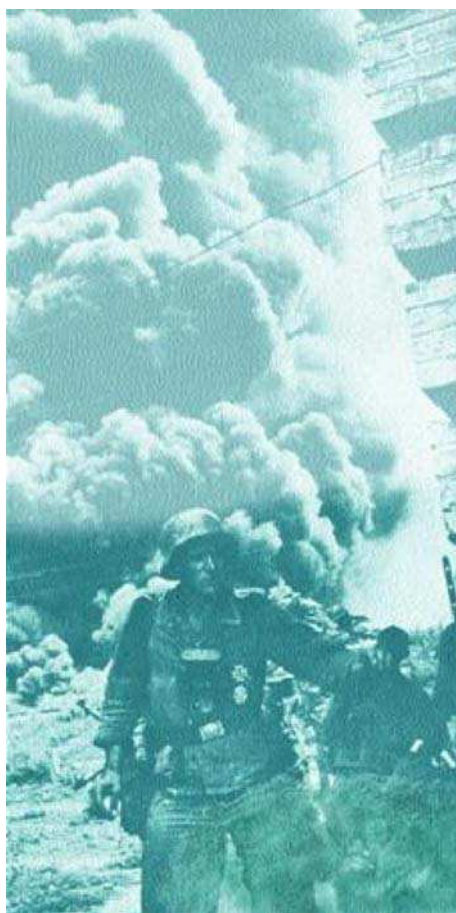
יָאֵדֶּה עֵשׂוֹ אֶלֶּם וְיִאֲרָעֵה

ЛИЧНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

«4 июля 1941 года на моих глазах в рижской синагоге сожгли моего друга Додика...»

Рассказывает известный рижский дипломат Николай Нейланд, с которым беседует корреспондент в Латвии Леонид Коваль.

Николай Нейланд родился в 1930 году в Риге, рижанин в четвертом поколении. Все годы фашистской оккупации провел вместе с семьей в Риге. После войны закончил юридический факультет Латвийского госуниверситета. Работал в прокуратурах Лиепая и Риги. Заместитель Министра иностранных дел Латвийской ССР, участвовал в переговорах по разоружению. Советник-посланник первого ранга. В 1989 году депутат Верховного Совета СССР. Заместитель Председателя комитета по иностранным делам. Возглавлял советскую делегацию на переговорах в Страсбурге. Сейчас преподает в Латвийском университете и других высших учебных заведениях Риги.

- Г-н Нейланд, 4 июля в Латвии отмечают как День памяти жертв геноцида. В этот день в 1941 году в Риге была сожжена Хоральная синагога вместе с огромным количеством евреев. Случилось это на четвертый день после прихода гитлеровской армии. Кто же все-таки устроил эту страшную экзекуцию над евреями?

- Детство я провел в интернациональной среде, довольно характерной для Риги 30-х годов, особенно в ее Московском форштадте. Среди моих друзей был и еврейский мальчик Додик (Давид Пиворович). Благодаря ему я по сей день помню некоторые крылатые слова и выражения на идише. Додик у меня остался в памяти всегда улыбающимся, с большими карими глазами и стрижкой «под ноль». Бегал он быстрее всех в нашем дворе и отличался добродушным нравом. Не помню случая, чтобы мы повздорили. Отец его был мастером по пошиву кепок и других головных уборов.

Почему я начал свое повествование с Додика? Очень просто. 4 июля 1941 года, когда местные, люди из печально знаменитой команды Арайса, собрали во дворе нашего большого дома по улице Маза Кална, № 16, евреев и повели их в синагогу на ул. Гоголя, я последовал за Додиком, и мы весело и безмятежно болтали в пути. У синагоги нас, естественно, разлучили. Далее разразилась трагедия: густой и едкий дым, выстрелы, раздирающие душу крики, брань «шуцманов» и... Этот вечер у меня отчетливо сохранился в памяти, как цветная фотография. Позднее, летом 1941 года, было очень много ужасных надругательств, избиений будущих узников гетто, которые были вынуждены переселяться в Московский форштадт. Все эти экзекуции осуществлялись молодцами Арайса в униформах латышской армии и айзсаргов. Так, я своими глазами увидел то, что сегодня во всем мире называют Холокост. Даже не знаю, то ли мои личные ощущения, моя семья тому причиной, то ли влияние моих друзей еврейского происхождения, а у каждого была своя трагическая страница Холокоста в Латвии, но в итоге я давно и довольно внимательно слежу за тем, что у нас происходит вокруг так называемого еврейского вопроса и как представляют Холокост на моей родине соотечественники. Печально сознавать, но от влиятельной и образованной довоенной еврейской общины в Риге остались лишь несколько тысяч человек. Мои друзья-евреи сегодня живут в Израиле, Канаде, Германии и США.

- Г-н Нейланд, каково отношение в Латвии к истории геноцида евреев?

- Всего лишь пару лет назад мне пришлось участвовать в дискуссии: следует ли отказаться от употребления на латышском языке слова «жидс». Казалось бы, о чем можно дискутировать, но, к сожалению, с восстановлением независимости Латвии нашлось немало сторонников оскорбительного обращения. Как бы там ни было, но со страниц ведущих латышских газет это оскорбление исчезло. К моему стыду, в нашем же парламенте есть националисты, или как они себя величают «патриоты», которые не упускают случая, чтобы оскорбить депутатов еврейского происхождения от партии Народного Согласия за акцент и даже за имя. «Горячей картофелиной», как говорят американцы, для Латвии по-прежнему остается Холокост. Это действительно большая и весьма болезненная тема для моих соотечественников. По-прежнему у нас спорят: сколько евреев было уничтожено в Латвии? Кто виновен в реализации задачи по претворению Латвии в «jude frei»? Сколько было депортировано евреев из центральной Европы с тем, чтобы их уничтожить под Ригой?

У меня такое впечатление, что очень медленно и весьма неохотно наше общество, не говоря уже о власти, выдавливает из себя признание вины за Холокост. Некоторые местные политики, особенно национал-патриоты, заявляют, что концентрационный лагерь в Саласпилсе был, якобы, исправительно-трудовой колонией, и когда говорят о человеческих жертвах в годы немецкой оккупации, то сознательно исключают или «не замечают» 80 тысяч евреев, как будто они не были гражданами Латвии. На политику сегодняшней Латвии большое влияние оказывают соотечественники, вернувшиеся на родину и те, кто живет в США, Канаде и Австралии. Для них Холокост тоже всегда был и остается «горячей картофелиной», ведь в эмиграции оказалось немало

лиц, виновных в уничтожении евреев. В народе их называли «tidu davcji». Многие из них благодаря «холодной войне» отделались легким испугом: выдворением из страны за сокрытие отдельных фактов биографии.

С окончанием «холодной войны» поиски виновных активизировались, но теперь убийцам помогает давность событий и возраст как виновных, так и свидетелей.

- Г-н Нейланд, в годы геноцида были ведь и люди, встававшие на защиту евреев?

Было бы несправедливо, если бы я не упомянул шаги, предпринятые в Латвии по увековечиванию памяти героев, которые, рискуя жизнью, спасали евреев в годы немецкой оккупации (Липке и др.). Я уверен, что процесс очищения истории Латвии от лжи вокруг Холокоста займет еще продолжительное время и потребует немало усилий. Не могу не упомянуть в качестве позитива то давление, которое наше общество и власть испытывают со стороны общественных организаций и политиков Израиля, США, Швеции и др. Некоторые даже выдвигают в качестве условия принятия Латвии в ЕС и НАТО «объективный анализ событий в годы немецкой оккупации». Очень хочу верить, что несмотря на попытки влиятельных кругов замолчать правду о Холокосте в Латвии и о пропаганде антисемитизма в годы правления К. Ульманиса (1934-1940), наше общество поймет, что правда нужна не только Е. Зурофу, но в первую очередь, нам - 2,5 миллионам жителей Латвии.

Нам нужна больше, чем шведам, уже известная всем книга «Расскажите своим детям!», которая выйдет и у нас с приложениями о Холокосте в Латвии.

СВЕТ СВОБОДЫ И ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

О Василии Гроссмани и его книгах

עֵשָׂא בֵּי עֵשָׂא בֵּי

Автор – литератор, главный редактор журнала «Вопросы литературы», доцент кафедры литературно-художественной критики факультета журналистики МГУ, составитель антологий и сборников, предисловий к книгам В. Гроссмана, И. Эренбурга, К. Симонова, А. Бека, А. Адамовича, В. Быкова, Г. Бакланова и др.

Как мало уже осталось людей, которые знали Василия Гроссмана... Мне посчастливилось – я был знаком с этим великим писателем (теперь уже можно это сказать – великий, суд времени состоялся).

Поэтому заметки эти я начинаю с воспоминаний... Познакомился я с Василием Семеновичем в 1960 году, вскоре после того как он закончил знаменитую сейчас «Жизнь и судьбу». Собственно говоря, из-за того и познакомился. То ли я прочитал в какой-то информационной заметке, а скорее всего от кого-то услышал, что Гроссман закончил вторую часть романа «За правое дело». Названия этой части я еще не знал. Работал я тогда в «Литературной газете», и мне пришла в голову мысль, что мы должны первыми напечатать главу из этой книги. В моем сознании роман Гроссмана был произведением, обладавшим достоинствами, не часто встречающимися в современной литературе.

Еще в школьные годы я прочитал роман Гроссмана «Степан Кольчугин». Книга эта показалась мне не хуже, а в чем-то, может быть, и посильнее горьковской «Матери». Это сравнение нынче может показаться наивным, как говорится в еврейской поговорке, «быть умнее Менделя не значит быть умным». Но тогда даже если книга Горького казалась скучноватой, в этом не решались признаться даже самому себе, почтение к ней

вбивалось учителями и школой и не только ими. Так что в моем сознании роман Гроссмана стоял очень высоко.

В январе сорок третьего я на три недели попал в госпиталь и обнаружил в подшивке «Красной звезды» подписанные знакомой фамилией сталинградские очерки. Очерки произвели на меня огромное впечатление, многое объяснили из того, что я видел и пережил, воюя на Сталинградском фронте. После войны я уже не пропускал ни одной строчки Гроссмана. Мне было ясно, что «За правое дело» – одно из лучших произведений о войне. Развернувшаяся после одобренной Сталиным статьи М. Бубеннова разнузданная кампания шельмования автора романа в глазах многих читателей не дискредитировала «За правое дело» – художественные достоинства книги были очевидны, правда, которую она несла, завораживала.

Узнав, что Гроссман окончил сталинградскую эпопею, я позвонил ему, попросил дать главу из романа для газеты. Василий Семенович пригласил меня приехать к нему. Так случилось, что после этого мне довелось время от времени встречаться с ним. Об этих встречах, о беседах с Василием Семеновичем я уже писал в воспоминаниях «Шестой этаж». Здесь хочу только сказать, что это был один из самых замечательных людей, с которыми за уже немалую жизнь свела меня судьба.

О Гроссмане тогда говорили, что у него тяжелый характер, он угрюм, нелюдим, с ним трудно иметь дело. В действительности все оказалось не так. За тяжелый характер принимали неуступчивость в принципиальных вопросах, нежелание унижаться перед властями и чувство собственного достоинства, опасную для собеседников с не совсем чистой совестью прямоту. Привлекал не только поразительный художественный дар Гроссмана, не только его пронизательность, позволявшая постигать скрытый смысл исторических процессов и затаенную боль человеческого сердца. Особенно притягивало, покоряло его нравственное обаяние, его мудрая человечность. Рассказывают, что Андрей Платонов, с которым Гроссмана связывала многолетняя дружба, часто говорил: «Вася, ты же Христос».

Когда-то в двадцатые годы Виктор Шкловский поведал известную притчу «гамбургский счет»:

«Гамбургский счет – чрезвычайно важное понятие.

Все борцы, когда борются, жулят и ложатся на лопатки по приказанию антрепренера.

Раз в году в гамбургском трактире собираются борцы.

Они борются при закрытых дверях и завешенных окнах.

Долго, некрасиво и тяжело.

Здесь устанавливаются истинные классы борцов – чтобы не исхалтуриться.

Гамбургский счет необходим в литературе».

Формула эта - «гамбургский счет», противостоящая иерархии, утвержденной жульничающими «антрепренерами» от идеологии, стала бытовать в литературе.

Официальный ранг Гроссмана был высок лишь в годы Великой Отечественной войны, но по «гамбургскому счету» его всегда числили в «чемпионах» – вне зависимости от мнения партийно-идеологического начальства. С самых первых его шагов в литературе ему отводилось это место. Литературный дебют Гроссмана был блистательным. На первый опубликованный его рассказ – «В городе Бердичеве» – обратил внимание Горький, пригласил Гроссмана, долго с ним беседовал и посоветовал – вопреки своему отрицательному отношению к быстрой профессионализации начинающих писателей – оставить работу инженера-химика и целиком посвятить себя литературе. Горький был не единственным восхитившимся первым рассказом Гроссмана: «В городе Бердичеве» заметили и высоко оценили такие строгие судьи, как Бабель и Булгаков.

В послевоенную пору, когда по указанию «антрепренеров» литературного дела книги Гроссмана в критике или костерили, или замалчивали, известные наши писатели, подлинные эксперты в делах литературы, отдавали должное его замечательному таланту – назову Эренбурга, Фадеева, Симонова, Каверина, Бека, Паустовского, Некрасова, Быкова, Семина (список этот легко продолжить).

Незадолго до смерти по существу выставленный из литературы, отлученный от читателей, вот о чем с горечью и надеждой размышлял Гроссман. «Известность писателя не всегда находится в полном и справедливом соответствии с его действительным и истинным местом в литературе. Время – генеральный прокурор в делах о незаслуженной литературной славе. Но время – не враг истинным ценностям литературы, а разумный и добрый друг им, спокойный и верный их хранитель».

Это его тогда утешало, он надеялся на справедливость суда времени.

Заслуженная слава все-таки пришла к Гроссману. Но только через много лет после смерти, когда был опубликован – сначала за рубежом, а потом и у нас – роман «Жизнь и судьба», рукопись которого была арестована, потому что партийные и литературные власти посчитали, что в обозримом будущем эту вещь печатать нельзя, разве что через 250 лет. Добрая половина произведений, составивших вышедший в 1994 году сборник поздней прозы «Все течет...» Василия Гроссмана, тоже при жизни автора не увидели света, не могли быть опубликованными, они тоже были обречены на тюремное заключение сроком в 250 лет...

При первом знакомстве Гроссман показался мне грустным, в глазах его была печаль. Я подумал тогда, что, закончив такую большую вещь, автор, наверное, испытывает не только чувство удовлетворения и радости – этакую гору своротил, такое трудное дело сделал, – но и чувство утраты, опустошенности, рожденное неотвратимым расставанием с людьми, с которыми он прожил вместе столько лет, которым отдал столько своей души, сердца, ума. В не так давно вышедшей монографии А. Бочарова, посвященной творчеству Гроссмана, я прочел письмо Василия Семеновича той поры, которое подтверждает мое давнее впечатление. «Вот и пришло мое время проститься с людьми, с которыми я был связан на протяжении шестнадцати лет, – пишет Гроссман. – Я не переживаю радости, подъема, волнения. Но чувство хоть смутное, тревожное, озабоченное, а уже очень серьезное оказалось... Судьба книги от меня отделяется в эти дни. Она осуществит себя помимо меня, отдельно от меня, меня уже может не быть. А вот то, что связано было со мной и без меня не могло бы быть, именно теперь и кончается».

Да, Гроссману в те годы не давали покоя тревожные мысли о судьбе его романа. Почему-то мне тогда это в голову не приходило, не был я настроен на такую тревожную волну – ведь наступила пора «оттепели», казалось – и не мне одному казалось, – что дело идет к общественному потеплению, к лучшему, к большей свободе. Гроссману тоже хотелось в это верить, но он был трезвее и мудрее многих из нас. А потом, могло ли у него выветриться из памяти, как почти три года мурыжили «За правое дело», – девять вариантов романа, отражающих процесс мучительного редактирования под цензорским давлением, сейчас лежат в фонде Гроссмана в ЦГАЛИ; можно представить себе, сколько кровушки у него тогда выпили. Наверное, смертная тоска его охватывала, когда он думал, что такой же путь прохождения в печать ожидает и вторую часть романа.

По-настоящему я это осознал лишь после того, как у Гроссмана был обыск и забрали рукопись романа. Да, рукопись романа «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана была арестована. Не в метафорическом, а в буквальном смысле этого слова: пришли с ордером на обыск и забрали все до последнего листочка – сейчас трудно поверить, что было это в 1961 году, уже после XX съезда партии, накануне XXII. Но вспомним, что незадолго до этого была проведена устрашающая кампания травли Бориса Пастернака, завершившаяся исключением его из Союза писателей. Конечно, и тихая расправа над романом Гроссмана, и громогласное шельмование Пастернака были чрезвычайными происшествиями, но они, как и множество других менее драматических, менее зловещих событий, свидетельствовали, что сталинская культурная (или карательная – можно и так сказать) политика не изжита, не преодолена, от нее не отказались на верхних этажах государственной и партийной власти, она по-прежнему поддерживается руководством Союза писателей.

А в истории с романом «Жизнь и судьба» Гроссмана инициаторами расправы были сами собратья по перу: после обсуждения на редколлегии журнала «Знамя», в котором приняли участие и руководители Союза писателей Г. Марков, С. Сартаков, С. Шипачев, роман был осужден как произведение политически вредное, даже враждебное, и отвергнут – о зловредном, «подрывном» сочинении ревнители идейной безупречности тотчас донесли «наверх». Были приняты решительные меры...

Куда девались изъятые сотрудниками КГБ экземпляры рукописи – неизвестно. Чудом уцелели два экземпляра – благодаря мужеству и самоотверженности друзей писателя. Гроссман предусмотрительно позаботился о судьбе рукописи, оценив ту угрозу, которую после заседания редколлегии высказал ему в телефонном разговоре главный редактор журнала «Знамя» Вадим Кожевников. Как свидетельствует приложенная к стенограмме обсуждения «справка» «тов. Кожевников настоятельно порекомендовал В. Гроссману изъять из обращения экземпляры рукописи своего романа и принять меры к тому, чтобы роман не попал во вражеские руки».

Василию Гроссману доставалось не в первый раз, ему уже пришлось пережить две кампании: вскоре после войны, в 1946 году, была осуждена как идейно порочная его пьеса «Если верить пифагорейцам», в 1952 году организован разгром в печати романа «За правое дело». Били его тогда нещадно, в кровь. На этот раз – за вещь, еще не напечатанную, его уже не били, а убивали.

С романом «Жизнь и судьба» было так – это из письма Василия Гроссмана Хрущеву, посланного после XXII съезда партии:

«Я начал писать книгу до XX съезда партии, еще при жизни Сталина. В эту пору, казалось, не было ни тени надежды на публикацию книги. И все же писал ее.

Ваш доклад на XX съезде придал мне уверенность. Ведь мысли писателя, его чувства, его боль есть частица общих мыслей, общей боли, общей правды.

Я предполагал, отдавая рукопись в редакцию, что между автором и редактором возникнут споры, что редактор потребует сокращения некоторых страниц, может быть, глав.

Редактор журнала Кожевников, а также руководители Союза писателей Марков, Сартаков, Шипачев, прочитавшие рукопись, сказали мне, что книгу печатать нельзя, вредно. Но при этом они не обвиняли книгу в несправедливости. Один из товарищей сказал: “Все это было или могло быть, подобные изображенным люди были или могли быть”. Другой сказал: “Однако напечатать книгу можно будет через 250 лет”».

«Я убежден, – заканчивал письмо Гроссман, – что самые суровые и непримиримые прокуроры моей книги должны во многом изменить свою точку зрения на нее, должны признать ошибочными ряд кардинальных обвинений, высказанных ими в адрес моей рукописи год-полтора назад - до XXII съезда.

Я прошу вернуть свободу моей книге и прошу, чтобы о моей рукописи говорили и спорили со мной редакторы, а не сотрудники Комитета государственной безопасности.

Нет смысла, нет правды в нынешнем положении – в моей физической свободе, – когда книга, которой я отдал свою жизнь, находится в тюрьме, – ведь я ее написал, ведь я

не отрекался и не отрекаюсь от нее. Прошло двенадцать лет с тех пор, как я начал работу над этой книгой. Я по-прежнему считаю, что написал правду, что писал я ее любя и жалея людей, веря в людей. Я прошу свободы моей книге».

Несколько месяцев на письмо – на такое письмо! – не было ответа, затем 23 июля 1962 года Гроссмана принял Суслов (в архиве сохранилась запись беседы, сделанная писателем в тот же день). Суслов был одной из самых мрачных фигур послесталинского руководства, в немалой степени ему мы обязаны тем, что намеченные на XX и XXII съездах партии перемены затем во многом свелись на нет и на годы, нынче именуемые «застойными», в идеологии, науке, культуре воцарилась удушающая атмосфера. Те суровые и непримиримые прокуроры романа, которых поминает в своем письме Гроссман, ориентировались прежде всего на Суслова, он определял, что можно и что нельзя, когда и как закручивать гайки.

В беседе с Гроссманом Суслов не считал нужным скрывать, что «Жизнь и судьбу» не читал, ему совершенно достаточно отзывов его сотрудников и заказанных ими внутренних рецензий, в них, сказал он, много цитат из романа. Суслов заявил писателю, что полностью разделяет точку зрения рецензентов, считающих, что книгу печатать нельзя, потому что она политически враждебна и может принести вред несравнимо больший, чем «Доктор Живаго» Пастернака. И еще Суслов снисходительно разъяснил автору, что роман ему не удался из-за самоизоляции, погружения в личные переживания, чрезмерного, нездорового интереса к темным сторонам периода культа личности.

Приговор роману Гроссмана был вынесен окончательный и не подлежащий обжалованию - больше обращаться было не к кому, надеяться не на что. А после смещения Хрущева, когда под руководством Суслова стала активно проводиться тихая, но

неуклонная реанимация сталинщины, вполне могло казаться, что срок обезвреживания, «деактивации» романа «Жизнь и судьба», определенный руководящими собратями по перу, – двести пятьдесят лет – может быть, и не особенно преувеличен.

В литературу Гроссман пришел из гущи жизни – провинциальной, шахтерской, заводской, хорошо знал, как живут рабочие, техники, инженеры. Он многое успел повидать еще в годы юности и молодости. Помнил гражданскую войну на Украине. Родители Гроссмана принадлежали к той низовой интеллигенции, которой и в 20-е и в 30-е годы жилось материально очень нелегко, концы с концами сводились с большим трудом, в школе и университете ему пришлось подрабатывать себе на жизнь. Он был и пильщиком дров, и воспитателем в трудовой коммуне беспризорных ребят, нанимался на летние месяцы в Среднюю Азию во всевозможные экспедиции. Закончив химическое отделение физико-математического факультета Московского университета, молодой специалист-химик несколько лет трудился в Донбассе. В 1932 году Гроссман заболел туберкулезом, врачи рекомендовали ему поменять климат, он переехал в Москву, работал на карандашной фабрике имени Сакко и Ванцетти старшим инженером, заведующим лабораторией и помощником главного инженера.

Что говорить, в те годы Гроссманом был накоплен большой запас жизненных впечатлений, так или иначе отзывавшихся и в том, что он писал тогда, и в его поздних произведениях. Но ни с чем не сравнимой школой постижения народной жизни стала для него Великая Отечественная война, которую он, по ходовому солдатскому выражению, от звонка до звонка прошел фронтовым корреспондентом «Красной Звезды», одним из самых мужественных и безотказных. В статье «Памяти павших», опубликованной «Литературной газетой» к пятилетию начала войны, 22 июня 1946 года, Гроссман вспоминал: «Мне пришлось видеть развалины Сталинграда, разбитый зловещей силой немецкой артиллерии первенец пятилетки – Сталинградский тракторный завод. Я видел развалины и пепел Гомеля, Чернигова, Минска и Воронежа, взорванные копры донецких шахт, подорванные домны, разрушенный Крещатик, черный дым над Одессой, обращенную в прах Варшаву и развалины харьковских улиц. Я видел горящий Орел и разрушения Курска, видел взорванные памятники, музеи и заповедные здания, видел разоренную Ясную Поляну и испепеленную Вязьму». По этому горькому пути прошел с армией писатель.

Хочу добавить, что первую в нашей литературе повесть о войне («Народ бессмертен») написал Гроссман и печаталась она в «Красной звезде» в июле – августе 1942 года, что его очерками и статьями зачитывалась тогда вся страна.

Читая роман Гроссмана, думая о нем, о его художественной структуре, в мыслях своих обращаешь к гениальной толстовской эпопее – для читателей это эталонная книга (не зря на читательских конференциях и в письмах в газеты и журналы постоянно возникал вопрос: «А когда будет написана “Война и мир” об этой войне?»), для литературы о Великой Отечественной войне – самая авторитетная, самая влиятельная традиция. Роман Гроссмана – произведение эпическое в истинном смысле этого определения, которое в прошлые годы изрядно поистрепалось и девальвировалось от неуместного употребления. Черты эпического повествования выделялись не только в полноте изображения народной жизни в самых существенных ее проявлениях, не в одном историзме, – автору достаточно было свести под крышей произведения побольше людей (среди них должны были быть и исторические лица) да почаще менять объекты изображения (столица и село, фронт и тыл), чтобы его творение попало в эпопеи.

Сплошь и рядом уроки Толстого истолковывались в критике самым примитивным образом, настоящий их смысл выхолащивался и извращался. Часто приходилось читать - эпическое спокойствие, эпическая объективность, эпическая дистанция. Так часто, что почти никто не задумывался, а верно ли это? «Чтоб произведение было хорошо, надо любить в нем главную, основную мысль, – утверждал Толстой. - Так в “Анне Карениной” я люблю мысль семейную, в “Войне и мире” мысль народную вследствие войны 1812 года...» Слова эти так «зацитированы», вроде бы их и приводить неловко, – грамотный девятиклассник должен знать о мысли народной в «Войне и мире». Но я хочу обратить внимание на другое: какое же спокойствие и объективность, если Толстой говорит «люблю»?

Принято считать, что и временная отдаленность от изображаемых событий едва ли не обязательное свойство эпичности - это вроде бы подтверждает «Война и мир», созданная через полвека после Отечественной войны писателем, не обремененным собственными воспоминаниями о войне с французами. На самом деле эта дистанция была для Толстого не благом, а препятствием, которое он преодолевал, опираясь на пережитое им самим на другой войне, на собственный, как мы говорим сегодня, фронтовой опыт. «С Сапун-горы, откуда смотрел Толстой на горящий Севастополь, - проницательно заметил Виктор Шкловский, – увидел он горящую Москву 1812 года». Толстой не отстранялся от изображаемых в романе событий, наоборот, он всячески стремился к ним приблизиться. О чем свидетельствует его рассказ о работе над «Войной и миром»: «Через месяц и два спрашивайте человека, участвовавшего в сражении, – уже вы не чувствуете в его рассказе того сырого жизненного материала, который был прежде, а он рассказывает по реляции. Так рассказывали мне про Бородинское сражение многие живые, умные участники этого дела. Все рассказывали одно и то же, и все по неверному описанию Михайловского-Данилевского, по Глинке и др.; даже подробности, которые рассказывали они, несмотря на то, что рассказчики находились на расстоянии нескольких верст друг от друга, – одни и те же.

После потери Севастополя начальник артиллерии Крыжановский прислал мне донесения артиллерийских офицеров со всех бастионов и просил, чтобы я составил из этих более чем двадцати донесений – одно. Я жалею, что не списал этих донесений. Это был лучший образец той наивной, необходимой военной лжи, из которой составляются описания. Я полагаю, что многие из тех товарищей моих, которые составляли тогда эти донесения, прочтя эти строки, посмеются воспоминанию о том, как они по приказанию начальства писали то, чего не могли знать».

Василий Гроссман находился в ином положении, у него не было нужды по «реляциям» и чужим воспоминаниям – очень часто недостоверным – реконструировать прошлое, очищая его от намеренной или «наивной, необходимой военной лжи». В первые дни обороны писатель попал в Сталинград и все дальнейшие события видел своими глазами, изнутри. Добираясь туда кружным путем - другого уже не было - через Заволжье: выжженная степь, коричневая пыль на дорогах, тоскливый крик верблюдов, край света, - он остро ощутил, куда загнали нас немцы, «страшное чувство глубокого ножа от этой войны на границе Казахстана, на Нижней Волге» (здесь и дальше я цитирую записные книжки Гроссмана той поры). Он на себе испытал, что такое переправа через Волгу (этот опасный путь пришлось ему проделать не один раз – ведь передать материал в газету, да и писать, можно было только на левом берегу): «Жуткая переправа. Страх. Паром полон машин, подвод, сотни прижатых друг к другу людей, и паром застрял, в высоте Ю-88, пустил бомбу. Огромный столб воды, прямой, голубовато-белый. Чувство страха. На переправе ни одного пулемета, ни одной зениточки. Тихая светлая Волга кажется жуткой, как эшафот». Немецкая авиация, от которой нам нечем тогда было защищаться, всей

своей разрушительной мощью обрушилась на город – об этом Гроссман пишет как о таком личном горе, для которого у человека нет сил и слов, чтобы его выразить: «Сталинград сгорел. Писать пришлось бы слишком много. Сталинград сгорел. Сгорел Сталинград». Только потом, преодолев шок первого впечатления, он восстановит некоторые подробности: «Мертво. Люди в подвалах. Все сожжено. Горячие стены домов, словно тела умерших в страшном жару и не успевшие остыть... Среди тысяч громадин из камня, сгоревших и полуразрушенных, чудесно стоит деревянный павильон, киоск, где продавалась газированная вода. Словно Помпея, застигнутая гибелью в день полной жизни».

Судя по записям, Гроссман побывал во многих вошедших в историю местах сталинградской битвы – на Мамаевом кургане и на Тракторном, на «Баррикадах» и СталГРЭСе, в «трубе», командном пункте Родимцева, в дивизиях Батюка, Гуртьева; встречался и подолгу разговаривал – не после, когда все было кончено, а тогда же, в разгар боев, – со многими участниками сражения – и прославившимися военачальниками, и оставшимися безвестными офицерами и солдатами.

Гроссман не просто накопил огромный запас наблюдений, первозданного, столь важного для художника, как считал Толстой, «сырого жизненного материала». Сталинград был пережит им, его страшную тяжесть, невыносимое напряжение он испытал на себе, вобрал в себя.

Сталинград очень многое открыл ему и в характере достигшей здесь своего апогея войны с фашистами, и в народной жизни, и в нашем общественно-политическом строе. В экстремальных, как мы нынче говорим, условиях достигших невыносимого упорства и ожесточения боев, на смертельном рубеже с особой резкостью проступало и то, что было нашей силой, что сплачивало народ в борьбе с фашистским нашествием, и то, что подтачивало единство, – подозрительность, беззакония, несправие. Так велико было давление накопленного материала, такой жгучей была внутренняя потребность осмыслить увиденное и пережитое, понять закономерности и социально-политические, и исторические, и общечеловеческие – дурного и хорошего, благородного и подлого, что сразу же, по горячим следам событий, в 1943 году Гроссман в редкие свободные от газетной работы часы начал писать роман о Сталинградской битве.

Первая его книга «За правое дело» была напечатана в 1952 году. В 1960-м была закончена вторая – «Жизнь и судьба». За эти семнадцать лет много воды утекло, и, разумеется, столь существенные перемены в жизни страны так или иначе сказались в романе Гроссмана, его понимание прошлого углублялось, прояснялось.

И все-таки главная идея произведения, над которым он потом работал столько лет, была нащупана уже тогда, в дни Сталинградской битвы, на многое у него тогда открылись глаза. В октябре 1942 года в одном из сталинградских очерков он писал: «Здесь сочталося огромное стихийное столкновение двух государств, двух борющихся на жизнь и смерть миров с математической, педантически точной борьбой за этаж дома, за перекресток двух улиц; здесь скрестились характеры народов и воинская умелость, мысль, воля; здесь происходила борьба, решающая судьбы мира, борьба, в которой проявились все силы и слабости народов: одного – поднявшегося на бой во имя мирового могущества, другого – вставшего за мировую свободу, против рабства, лжи и угнетения».

Пусть не покажутся слова «вставшего за мировую свободу, против рабства, лжи и угнетения» общим местом, риторической фигурой. Для Гроссмана они наполнены не банальным смыслом, в них суть нравственной позиции, с которой он отваживается

(далее я скажу, почему тут необходим именно этот глагол) вершить суд над действительностью, в них зерно, из которого выростала его книга. Мысль эта будет затем развита в авторских отступлениях романа. Уже в «За правое дело» Гроссман сформулирует некий «закон» войны, таящий «разгадку победы и поражения, силы и бессилия армий». Одним из проявлений открывшегося писателю «закона» было «чудо», происшедшее в Сталинграде, где бой в конечном счете шел за «присущую людям меру морали, убежденности в человеческом праве на трудовое и национальное равенство». Конечно, не следует буквально понимать слово «закон», речь идет о метафоре, выражающей то, что в былые времена называли духом войска и населения. Материя эта бесплотная, ее не измеришь, не взвесишь, не вычислишь, не внесешь в донесение и не пометишь на штабной карте, но как много она значит, как часто исход войны зависит от нее! «...В Сталинграде войны была заключена душа. Его душой была свобода», – вот что там решило дело. Это Гроссман почувствовал в Сталинграде еще тогда, во время ожесточенных уличных боев, когда весы истории колебались. В романе «За правое дело» его сталинградские наблюдения сложились в «закон» войны.

В романе «Жизнь и судьба» писатель идет дальше в постижении исторической драмы, разыгравшейся в Сталинграде, – она рассматривается с точки зрения универсальных, всеобъемлющих категорий человеческого бытия. «Закон» войны оказывается и «законом» жизни: жить – значит быть человеку свободным. Автор дает это понять на первой же странице «Жизни и судьбы», описывая мертвенную геометрию строений в фашистском лагере уничтожения:

«Из тумана вышла лагерная ограда – ряды проволоки, натянутые между железобетонными столбами. Бараки тянулись, образуя широкие, прямые улицы. В их однообразии выражалась бесчеловечность огромного лагеря.

В большом миллионе русских деревенских изб нет и не может быть двух неразлично схожих. Все живое – неповторимо. Немыслимо тождество двух людей, двух кустов шиповника... Жизнь гложет там, где насилие стремится стереть ее своеобразие и особенности».

Фашизм растоптал право на жизнь, на свободу. «Фашизм и человек не могут сосуществовать. Когда побеждает фашизм, перестает существовать человек, остаются лишь внутренне преобразенные, человекообразные существа». Гроссман не только показывает злодеяния фашизма, его кровавую, бесчеловечную практику, он изобличает философию, на которой все это покоится, идеологию, которая это оправдывает, психологию, которая снимает моральные преграды. Писатель выступает против фашизма с общечеловеческих позиций – это зло, угрожающее роду человеческому. Но он не делит зло на чужое и свое. Общечеловеческая позиция делает его непримиримым и к своему злу; «автора, – заметил в рецензии на роман “Жизнь и судьба”, написанной им незадолго до смерти в 1984 году, Генрих Бёлль, – мы всегда находим там, где ему полагается быть, – у страждущих». Поэтому и к своему злу Гроссман не знает снисхождения, не закрывает глаза на него, опасаясь «совпадений». Надо ли рассказывать о наших лагерях, если лагеря были у гитлеровцев, надо ли писать о тоталитаризме сталинского режима, если тоталитарный строй создали и нацисты? Эти вопросы вставали, не могли не вставать перед писателем. И он ответил на них не только в одном из авторских отступлений: «Правда одна. Нет двух правд. Трудно жить без правды либо с осколочками, с частицей правды, с обрубленной, подстриженной правдой. Часть правды – это не правда». Он ответил на них всем своим романом...

Объясняя, почему он начал «Войну и мир» рассказом о 1805 году, Толстой писал: «В третий раз я вернулся назад по чувству, которое, может быть, покажется странным большинству читателей, но которое, надеюсь, поймут именно те, именем которых я дорожу; я сделал это по чувству, похожему на застенчивость и которое я не могу определить одним словом. Мне совестно было писать о нашем торжестве в борьбе с бонапартовской Францией, не описав наших неудач и нашего срама. Кто не испытывал того скрытого, но неприятного чувства застенчивости и недоверия при чтении патриотических сочинений о 12-м годе. Ежели причина нашего торжества была не случайна, но лежала в сущности характера русского народа и войска, то характер этот должен был выразиться еще ярче в эпоху неудач и поражений».

Обычно на эти слова ссылаются, парируя доводы тех, кто не желает, чтобы литература обращалась к поре наших тяжких военных поражений. Но смысл их шире, речь идет вообще о нравственном отношении художника к предмету изображения, которое Толстой считал одним из обязательных свойств истинного художественного произведения.

Это нравственное чувство, верность правде, какой бы горькой она ни была, вели Гроссмана к изображению наших великих бед и нашего срама. Совестно было отворачиваться от них. Многие из того, что рассказано в романе «Жизнь и судьба», было закрытой зоной, куда литературе вход был строго запрещен. Нужны были смелость и мужество (вот почему я употребил слово «отважился»), чтобы переступить через запрет. Не только потому, что за это можно было поплатиться (что и случилось с Гроссманом), но и для того, чтобы одолеть в самом себе внутреннего редактора, не принимать во внимание ставшие привычными табу, увидеть действительность без шор. Да мог ли бы он, не раскрепостившись духовно, написать о свободе как о необходимом условии человеческого существования? И о многом другом (тоталитаризме, личной диктатуре,

попрании гуманизма, шовинизме, ксенофобии и т. д.), о чем мы лишь в наши дни начали говорить.

В «Жизни и судьбе» предстает наша подлинная горькая и героическая история, совершенно не похожая на ту, что вбивалась в сознание не одному поколению «Кратким курсом» (даже в его новейших, несколько «окультуренных» модификациях), – это тяжкий путь, который стоил народу великих жертв, миллионов загубленных жизней. Судьба не миловала персонажей романа, «не обошла тридцатым годом, – как писал Александр Твардовский. – И сорок первым. И иным...» Если самого чудом не задело колесо истории, то оно прошло по кому-нибудь из родных и близких. И жуткий смерч сталинской «ударной» сплошной коллективизации, унесшей из жизни тысячи и тысячи «спецпереселенцев»; и страшный голод тридцать третьего года; и массовые репрессии – страшной памяти «тридцать седьмой год», начавшийся много раньше этой даты и кончившийся много позже, только со смертью того, о ком пели, что «он каждого любит, как добрый отец»; и подставленная в начале войны под сокрушительный удар гитлеровцев обезглавленная и обескровленная Сталиным в мирное время армия – все это было реальной жизнью страны, реальной жизнью гроссмановских героев.

Реальной, но тщательно маскируемой, скрытой, зловеще призрачной – ни писать, ни даже говорить (разве что шепотом с самыми близкими людьми) об этом было нельзя, за одно неосторожное слово можно было жизнью поплатиться. А как неоспоримая, несомненная реальность внедрялся миф о том, что жить стало лучше, жить стало веселее, что колхозные столы ломятся от изобилия, что наша граница на замке, наша армия на вражьей земле врага разгромит малой кровью могучим ударом, что советский человек (цитирую книгу, выпущенную в свет в тридцать седьмом году) «поет о Сталине, который стал частью души каждого нового человека, который озарил своим гением, своей человечностью, своей сильной волей, своей улыбкой жизнь народов советской страны, стал самым близким, самым родным человеком». Вот что изо дня в день вбивалось в головы газетами, журналами, книгами, передавалось по радио, произносилось с трибун и самых высоких и пониже. Нужно ли распространяться о том, к каким духовным – и не только духовным – последствиям приводила двойная жизнь, в которой миф поменялся местами с реальностью, и годами продолжавшаяся в густом тумане страха и демагогии погоня за ведьмами, какая создавалась питательная среда для бурного роста приспособленчества, раболепия, доносительства, цинизма? В таком насквозь мифологизированном мире живут герои Гроссмана – одни вполне удобно устраиваются в нем, других он ломает, третьи сопротивляются нравственному разрушению...

«Феномен» личности Сталина не очень занимает писателя, внимание его сосредоточено главным образом на сталинщине, на созданной по плану и под руководством Сталина системе личной власти, достигшей такой концентрации, такой силы, которая, наверное, не снилась Людовику XIV, произнесшему, как гласит легенда, знаменитую фразу: «Государство - это я». Сталин не отождествлял себя с государством, он превратил государство в слугу своего безудержного властолюбия. «Свита играет короля» – так в театре добиваются необходимого впечатления. Гроссман выдвигает на первый план «свиту», озабоченный не эстетической выразительностью. В «свите» – секрет неограниченной власти диктатора, она являлась внутренней общественно-политической и государственной пружиной созданного в стране режима. Для Гроссмана сталинщина – это Гетманов, до войны секретарь одного из обкомов на Украине, аппаратная шваль, проныра, человек без биографии, без принципов, наловчившийся чутко улавливать и ревностно осуществлять намеченную вождем «линию», бдительно выискивать потенциальных «уклонистов». Это генерал Неудобнов – «сталинец настоящий», заплечных дел мастер из подручных Ежова, «энтузиаст тридцать седьмого года», списками пускавший людей в

расход. Это руководитель физического института Шитаков – интриган и бездарь, один из творцов ждановской «науки», державшейся на травле всего нового и талантливое – людей и идей. Это еще один организатор тотального единомыслия, редактор газеты Сагайдак; его стараниями выкорчевывалась правда и насаждалась ложь, в начале тридцатых он, например, «писал, что голод в период сплошной коллективизации произошел оттого, что кулаки назло закапывали зерно, назло не ели хлеба и от этого опухали, назло государству умирали целыми деревнями, с малыми ребятами, стариками и старухами», – так обрабатывалось общественное мнение...

Все они шагнули в роман из жизни – ни малейшей карикатурности, ни тени романтического злодейства; страшные, но обыденные, серые заурядные служаки, хитрые и бессовестные.

«Одно его слово, – характеризует власть Сталина в романе Гроссмана, – могло уничтожить тысячи, десятки тысяч людей. Маршал, нарком, член Центрального Комитета партии, секретарь обкома – люди, которые вчера командовали армиями, фронтами, властвовали над краями, республиками, огромными заводами, сегодня по одному гневному слову Сталина могли обратиться в ничто, в лагерную пыль, позванивая котелочком, ожидать баланды у лагерной кухни».

Что говорить, изуверская жестокость расправ над неугодными или просто подвернувшимися под руку «опричникам», доносы и оговоры, «незаконные методы ведения следствия» или, просто говоря, изощренные, зверские пытки – все это рождало ужас и оцепенение. И все-таки дело было не только в страхе, на одном страхе такая власть не могла держаться, во всяком случае столь долгое время. Это стало возможным, показывает Гроссман, потому что общество было разъедено, отравлено, деморализовано ядовитым дурманом демагогии – он был так силен, что у иных не выветрился до сих пор, не ушел вместе со страхом, все еще туманит головы, и они пишут в газеты: «А как же – “За родину, за Сталина”?»»

Сталин не был богом, не обладал дьявольской силой, его слово всемогущим сделали все эти гетмановы и неудобновы, шишаковы и сагайдаки. Как они старались все громче и громче кричать вождю «ура», какими только сверхъестественными качествами его ни наделяли, стремясь перещегоолять друг друга (один из реальных сагайдаков напечатал в качестве «народной песни»: «По-иному светит нам солнце на земле: знать, оно у Сталина побыло в Кремле»), с какой яростью, демонстрируя верноподданническое одобрение кровавых расправ, шельмовались и оплевывались жертвы сталинского террора (другой реальный сагайдак публиковал пламенные отклики на приговор по делу «право-троцкистского центра»: «Им некуда было скатываться, потому что они лежали в грязи с самого начала революции. Они пришли в революцию с подрывными задачами, данными им буржуазными разведками»)! Правда, никто из них не был застрахован от внезапного гнева «всевышнего»: головы ведь катились налево и направо, но их усердие и восторг, подозрительность и яростный гнев, чуткие, как флюгер, к указаниям сверху, очень неплохо оплачивались. Становясь жрецами сталинского храма, они получали такую власть – пусть она была очень малой частью абсолютной власти вождя - и такие привилегии, которых никогда бы не имели при другом, не авторитарном правлении. Они были кровно заинтересованы в обожествлении вождя, в незыблемости сооруженного по его плану «храма».

Все они были людьми тридцать седьмого года, его волной они были вознесены вверх. Оттеснено было от руководства обществом, в большей своей части отправлено в лагеря и уничтожено физически поколение тех, кто совершил революцию, кто, жизни своей не жалея, защищал ее во время гражданской войны, кто голодал, мерз, работал до изнеможения, ликвидируя послевоенную разруху, - в «Жизни и судьбе» эту старую гвардию представляют Мостовской, Крымов, Абарчук, Магар (троих из них накрыла

волна репрессий). Почему же бескорыстные, самоотверженные, пламенеющие революционеры не смогли противостоять приспособленцам, нерассуждающим, готовым на все исполнителям, докам по части устройства своих шкурных дел? А потому, что они, сами того не желая, во многом подготовили приход на командные высоты тех, кто затем расправился с ними, – во всяком случае открыли им туда путь. Разве, уверенные в том, что защищают завоевания революции, они не искореняли той свободы и демократии, ради которых и совершалась революция, разве не считали они уважение к человеческой личности либеральным слюнтяйством, разве не были убеждены, что общечеловеческой нравственности не существует, что во имя интересов революции и диктатуры пролетариата можно не считаться со справедливостью, поступиться человечностью? Их фанатизм неизбежно открывал дорогу бесчеловечности, принудительное единомыслие – тупости и раболепию, догматическая узость – подозрительности и репрессиям. Таким образом, позиции старой гвардии были нравственно не обеспечены, уязвимы, поэтому она не могла устоять под натиском людей, лишенных убеждений, но заучивших партийную фразеологию и готовых делать все, что им прикажут, движимых желанием не служить революции, а отхватить кусок жизненного пирога побольше, и, плохо принаравливаясь к новым установкам и задачам, гвардия сдавала им один бастион за другим.

Это был процесс, захвативший судьбы многих людей. Участник революции, в семнадцатом поднимавший солдат, многолетний работник Коминтерна Крымов сначала, подавляя сомнения, стал писать в статьях то, что от него требовали, потом отстранялся от товарищей, которым «шили» дела, подыгрывая злой силе, он убеждал себя, что выполняет партийный долг. В Сталинграде Крымов напишет донесение - в сущности донос - о вражеских настроениях и разговорах в доме Грекова, хотя он не мог не видеть поразительной стойкости сражавшихся в окружении защитников дома, да и говорили они о том, о чем и он иногда думал. Но он и себе запрещал такие мысли, и другим не позволял распространять крамолу.

И Мостовской, один из основателей партии, человек, помнивший, что дух свободы поднял их на борьбу против самодержавия, ничего не предпринимал, когда расправлялись с товарищами, начинавшими революционный путь вместе с ним, проверенными в тюрьмах, в ссылке, на баррикадах, – он не вступился за них не потому, что опасался за свою жизнь, а потому, что, справедливо или не справедливо поступали с ними, такова, считал он, воля партии, которая была для него превыше всего. И когда в лагере военнопленных сотоварищи Гетманова и Неудобнова - трусливый и невежественный генерал Гудзь, которому и полка нельзя было доверять, и бригадный комиссар Осипов, о котором было известно, что в тридцать седьмом он в Академии «беспощадно разоблачал десятки людей, объявляя их врагами народа», отправили в Бухенвальд на смерть майора Ершова, потому что не могли позволить, чтобы во главе подпольной организации военнопленных, то есть над ними, оказался беспартийный, да еще с сомнительной биографией – сын раскулаченного, Мостовской, понимая, что именно Ершов «был выразителем мыслей и идеалов лагерного общества» и по праву возглавил сопротивление, его ликвидацию принял как должное. «Он распрявился и так же, как всегда, как десять лет назад, в пору коллективизации, так же, как в пору политических процессов, приведших на плаху его товарищей молодости, проговорил:

- Я подчиняюсь этому решению, принимаю его как член партии».

Даже кровавая реальность войны сорок первого и сорок второго годов, подорвавшая миф о сталинской прозорливости и непогрешимости, не опрокинула вьевшихся в сознание Крымова и Мостовского догм (быть может, Крымову суждено, как Магару, прозреть в бериевских застенках). Лишь на мгновение содрогнется от ужасной

догадки Мостовской, услышав в рассуждениях гестаповского теоретика Лисса о национализме как главной силе двадцатого века, о Гитлере и Сталине как вождах нового типа хорошо знакомое и близкое: великая цель оправдывает любые средства и любые жертвы, кто хочет ее достичь, должен отрешиться от жалости и сомнений, ни перед чем не останавливаться. Содрогнется, но тут же отбросит возникшую мысль - ее страшно было додумывать, она как динамит взорвала бы его закостеневшую, ослепшую веру, и пришлось бы признать, что они пришли совсем не туда, куда стремились. Не прозреет и твердокаменный Абарчук, никогда не дававший себе никаких поблажек, готовый пожертвовать собой для дела революции и поэтому считавший себя вправе никого не щадить. Не прозреет, несмотря на все то ужасное, что откроется ему в тюрьме и лагере, и будет продолжать считать, что «посажена по ошибке маленькая кучка людей, в том числе и он, остальные репрессированы за дело, – меч правосудия покарал врагов революции», его же собственная судьба «случайна, мелочь. Дело партии - святое дело! Высшая закономерность эпохи!»

Нет никаких сомнений, велика вина Мостовского, Крымова, Абарчука перед историей и людьми. Но все-таки это трагическая вина, потому что они заблуждались или дали себя обмануть. Пришедшие же им на смену гетмановы и сагайдаки не обманывались, а обманывали. Старая гвардия чуралась привилегий, не искала для себя материальных выгод и житейских благ – это считалось постыдным. Пришедшие же им на смену не ведали стыда, аскетизм презирали, они жаждали вкушать плоды своего возвышения, они рвались к «сытым пайкам, кремлевским обедам, наркомовским пакетам, персональным машинам, путевкам в Барвиху, международным вагонам».

В. Гроссман. Сталинград, декабрь 1942 года.

Гроссман бесстрашно обращается к самым больным, самым темным, самым труднообъяснимым явлениям нашей недавней истории. Ко многим из них даже сегодня историки не знают, как подступиться, им еще предстоит определить политическую природу сталинщины, ее социальный фундамент, объяснить, как и почему она могла восторжествовать. Художник все это видит через человека, раскрывая, как ему живется, что его мучает и радует, на какой путь его толкает время, перед каким выбором ставит.

Если перед нами большой художник, он открывает то, что недоступно историкам, – духовный мир людей, их повседневную жизнь, утвердившиеся нравы и общественную психологию. Когда-нибудь историки подсчитают ужасное число жертв сталинского террора (мы уже знаем, сколько было репрессировано командиров Красной Армии, сколько было уничтожено делегатов XVII съезда партии), но только художнику, как Гроссману в «Жизни и судьбе», дано поведать о великом страхе и великой демагогии, парализовавших волю людей. Историк охарактеризует, опираясь на факты и цифры, бюрократическое окостенение государственного аппарата, но только художник сможет показать, какие мытарства подстерегали человека, которому надо прописаться, чтобы иметь крышу над головой и работу (что пришлось, например, вынести в романе «Жизнь и судьба» Жене Шапошниковой, чтобы прописаться в городе, где именем ее отца за его заслуги перед революцией названа улица). Историки проследят процесс образования партократии, а художник раскроет духовный облик партийного работника новой формации (скажем, того же Гетманова). Историк на основе приказов, донесений, записей в журналах боевых действий и других архивных документов наших и противника осветит ход сражения за Сталинград, но только художник, как Гроссман в романе, может показать, что дух свободы защитников города опрокинул все расчеты немецкого командования.

Сталинская политика была направлена на то, чтобы истребить, искоренить дух свободы, – авторитарной власти нужны нерассуждающие, механические, действующие по приказу исполнители. «Лагерю предстоит слияние с запроволочной жизнью. В этом слиянии, в уничтожении противоположности между лагерем и запроволочной жизнью и есть зрелость, торжество великих принципов. При всех недостатках лагерной системы – в ней есть одно решающее преимущество. Только в лагере принципу личной свободы в абсолютно чистой форме противопоставлен высший принцип – разум. Этот принцип приведет лагерь к той высоте, которая позволит ему самоупраздниться, слиться с жизнью деревни и города», – этот чудовищный проект одного из персонажей романа, «певца органов государственной безопасности», соседа Крымова по камере, в сущности доводил до логического конца сталинскую идею командно-административной системы, тоталитарного государства. И немало уже было сделано для воплощения в жизнь этой идеи, далеко продвинулись по этому пути. Всю страну опоясала колючая проволока лагерей, караульные вышки возвышались «над морозной красноярской землей, над автономной республикой Коми, над Магаданом, над Советской Гаванью, над снегами колымского края, над чукотской тундрой, над лагерями мурманского севера и северного Казахстана».

Система становилась все более монолитной и могучей, но росла не мощь страны, а устрашающая, все подчинявшая себе власть вождя. Страна же и армия приходили в упадок, подтачивались, разрушались, словно пораженные саркомой внутренние «клетки» общественного организма. И нападение фашистской Германии, нанесенный ее войсками удар поставили страну на край катастрофы. Устоять, одолеть захватчиков нельзя было, не освободив скованные сталинщиной силы народа, не стряхнув духовное оцепенение, не преодолев вбитое в общественное сознание «Сталин знает», «Сталин укажет», «Сталин решит». И процесс – пусть неосознанный, пусть непрямой – «десталинизации» шел, захватывая довольно широкий круг людей. Сама реальная действительность открывала им глаза. Решать пришлось каждому, ответственность легла на всех. Защитить родину и свободу могли только свободные люди. И мысль, которую автор, воспользуясь словами Толстого, любит в своем романе, – это мысль о пробудившемся в людях духе свободы, который помог им выстоять в невыносимо тяжелых испытаниях. Весь образный строй книги настроен на эту мысль, которая, что свойственно художественному произведению, конечно, богаче, сложнее, многозначнее ее определения.

Она проступает в подробностях фронтового быта, угадывается в поведении людей, встает за их судьбами.

Мысль в романе может возникать – и часто возникает,– как электрический разряд, от соединения в читательском сознании судеб и явлений очень далеких, никак не связанных сюжетно, да и живущих словно бы в разных измерениях. И здесь я снова сошлюсь на Толстого, он помогает понять образный строй прозы Гроссмана, ориентирующей на эту традицию: «Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собрании мыслей, сцепленных между собою, для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя; а можно только посредственно – словами описывая образы, действия, положения».

Для примера две сцены из романа Гроссмана, между которыми возникает такое сцепление, такая внутренняя связь. Собирается на войну сорокапятилетний колхозник Вавилов («За правое дело»). Он понимает, как трудно будет его семье, знает, что ждет его:

- Собрала мне, что говорил?

Она положила на стол мешок и сказала:

- В мешке весу больше, чем в вещах твоих.

- Ничего, легче идти будет, - примирительно сказал он.

И действительно, весу в мешке было не много: хлеб, скрипящие ржаные сухари, кусок сала, немного сахара, кружка, иголка с моточком ниток, фуфайка, две пары белья, две пары стиранных портянок.

- Рукавицы положить? - спросила она.

- Нет. И фуфайку оставлю, пусть Насте будет, мне выдадут...

Другие сборы – отправляется в действующую армию Гетманов, назначенный комиссаром танкового корпуса:

- Береги себя, детей береги. Коньяк в чемодан положила?

Она сказала:

- Положила, положила. Помнишь, года два назад ты так же на рассвете дописывал мне доверенности, улетал в Кисловодск?

Какие разные люди, какая разная судьба... Но есть между ними то «сцепление», о котором говорит Толстой. Не потому ли так скучна и трудна была жизнь у Вавилова, прекрасного работника, добросовестного, трудолюбивого, безотказного, что гетмановы меньше всего думали о том, чтобы простые труженики жили по-человечески? И не потому ли призывают в армию немолодого человека, что из-за грубейших военно-политических просчетов и бесчеловечности обожествляемого гетмановыми вождя и его соратников выбиты те, кто помоложе? Для Вавилова война – жестокое испытание, он знает: только не щадя своей жизни, можно одолеть захватчиков. Для Гетманова – всего лишь новая должность (главное его беспокойство, соответствует ли она его рангу, вниз он идет или вверх), и жена его не случайно вспоминает, что точно так он уезжал в мирное время на курорт.

И вот что еще здесь важно, на что непременно следует обратить внимание. Говоря о самой дорогой ему в советской литературе традиции – гроссмановской (это было тридцать с лишним лет назад и тогда звучало вызовом), Виталий Семин заметил: «Гроссман по складу своего ума, несомненно, был писателем-историком (не историческим писателем), писателем-философом. Он любил широкие обобщения. Но его обобщения никогда не рождались в тех горних высях, “где во льдах абстракции замерзает мозг”. Он был историком шахтеров, философом металлургов. Он на ощупь, на вкус, на цвет знал их профессии – на вкус хлеба, заработанного в шахте. И когда он приводит нас в разрушенный, разоренный Сталинград, то показывает его нам не привычными к городскому пейзажу глазами горожанина, а глазами крестьянина Вавилова, который считает урон, нанесенный городу, не на дома, а на дефицитные гвозди и стекло, на количество разбитых кирпичей, которые так трудно было доставать колхозу». Это свойство дарования Гроссмана отчетливо проступает в тех двух эпизодах, которые я только что привел. Таких примеров могло быть бесконечное множество – ведь речь идет даже не о стиле, а о мировосприятии художника.

С матерью, Е.С. Гроссман. 1927 год.

Кульминацией сталинградских событий и высшим проявлением стремления народа к свободе в романе Гроссмана стала оборона дома «шесть дробь один», маленьким гарнизоном которого командует капитан Греков, это точка, где органически соединились, сплелись главные смысловые нити повествования. Среди записей, сделанных Гроссманом в Сталинграде, есть такая: «...Гранатный бой, бой за этаж, бой за ступеньки, за коридоры, за метры комнат (вершки, как версты, человек – полк, каждый себе штаб, связь, огонь)»; эта самостоятельность каждого воина, не укладывающаяся ни в какие представления о боевых действиях армии, была тогда необъяснимой. Ее истинные причины Гроссман вскрывает. Не строгий приказ, не угроза наказания за его невыполнение, а сознательная дисциплина общего дела, ощущаемая каждым ответственность за исход боя и судьбу страны, дух свободы, которую надо было спасти, а потом утвердить в жизни, рождали такую самостоятельность и самоотверженность.

Никогда люди так много не думали и не говорили столь раскованно о прошлом, о том, что корежило их жизнь, как в Сталинграде. О том, что «нельзя человеком руководить, как овцой», не для того делали революцию. О «бедствиях и мучениях, выпавших крестьянству в период сплошной коллективизации», о «наркомвнудельцах, погубивших в 1937 году десятки тысяч невинных людей». И о будущем никогда не говорили с такой смелостью и надеждой: «Интерес к послевоенному устройству колхозов, к будущим отношениям между великими народами и правительствами был в Сталинграде почти всеобщим... Почти все верили, что добро победит в войне и честные люди, не жалевшие своей крови, смогут строить хорошую, справедливую жизнь. Эту трогательную веру высказывали люди, считавшие, что им-то самим вряд ли удастся дожить до мирного времени, ежедневно удивлявшиеся тому, что прожили на земле от утра до вечера. Этой верой жили все защитники дома “шесть дробь один”».

Этой глубокой верой жил весь народ - эхо свободы, за которую шли невиданного ожесточения бои в Сталинграде, разнеслось далеко. Его слышали за тридевять земель от Волги, в Германии, в лагере военнопленных. Оно подтолкнуло узников к созданию подпольной организации антифашистов разных национальностей, которая должна была подготовить всеобщее восстание. Ершову, как и защитникам дома «шесть дробь один», ясно, что «борясь с немцами, он борется за свободную русскую жизнь, победа над Гитлером станет победой и над теми лагерями смерти, где погибли его мать, сестры, отец». Эхо свободы докатилось и до нашего тыла. В Казани, куда эвакуировали физический институт, Штрум, его коллега Соколов, их тамошние знакомые,

как в доме Грекова, откровенно, без утайки разговаривают о наших бедах, о давящей всех атмосфере несвободы, так откровенно, что окажись среди них один неверный человек, худо было бы всем. Велика сила свободы – не случайно Штрум нашел объяснение непонятым внутриатомным явлениям, «когда ум его был далек от мыслей о науке, когда захватившие его споры о жизни были спорами свободного человека, когда одна лишь горькая свобода определяла его слова и слова его собеседников».

Греков и Ершов, лейтенант-артиллерист Батраков и военный моряк Коломейцев, два молодых комбата из березкинского полка – Подчуфаров и Мовшович, Толя Шапошников и радистка Катя Венгрова, – их душевная независимость, распрямленность, неподатливость догматическому гипнозу и демагогии, по-разному проявляющиеся, рождены одним и тем же – сознанием того, что свое дело на войне они делают, как надо, ничего не перелагая на плечи других. Эти черты фронтового поколения постепенно вырисовываются в романе как некое явление исторического масштаба.

Кровавая, безжалостная война расставляла все по своим местам, разоблачала давно пущенные в оборот и прочно закрепившиеся ложные ценности, возвращала и устанавливала подлинные, выдвигала новых людей, не прислуживающих начальству, не выслуживающихся, а толково и самоотверженно делающих свое дело («люди в окруженном доме, – пишет о грековском гарнизоне Гроссман, – были особо уверенными, сильными, и эта их самоуверенность успокаивала. Вот такая же убеждающая уверенность есть у знаменитых докторов, у заслуженных рабочих в прокатных цехах, у закройщиков, кромсающих драгоценное сукно, у пожарников, у старых учителей, объясняющих у доски»). Те, кому до войны пели величальные песни – Ворошилов и Буденный, – оказались неспособными управлять войсками, их репутации были дутыми, вместе со Сталиным они привели армию к тяжелейшим поражениям, страну – на край гибели. Чтобы защитить родину, преградить путь захватчикам, потребовались совсем другие военные руководители – они пришли из огня сражений, там показав, на что они способны; их выдвинула сама война. Будущие командующие фронтами Черняховский и Баграмян начинали войну полковниками, Рокоссовский, Василевский, Петров – генерал-майорами, а некоторым военачальникам, чьи имена гремели в войну – назову для примера того же Рокоссовского, Мерецкова, Горбатова, – пришлось до этого «побывать в гостях» у Ежова и Берии. В романе Гроссмана «лидеров», которых на разных уровнях, в разных местах предлагала война, представляют полковник Новиков, назначенный командиром танкового корпуса и блестяще действовавший в наступлении, талантливый штабной офицер Даренский (на фронте он встречается с Неудобновым, который вел его дело и собственноручно выбил ему зубы), Греков, Ершов – всем им при существовавшей до войны кадровой «селекции» ходу не было. Даренскому – потому что он из дворян, Ершову – потому что его отец был раскулачен, Новикову – потому что слишком был образован, слишком большое значение придавал современной военной теории, Грекову – потому что не проявлял себя как «общественник». Возглавив в фашистском лагере группу советских военнопленных командиров, «Ершов переживал горькое и хорошее чувство – здесь, где анкетные обстоятельства пали, он оказался силой, за ним шли. Здесь не значили ни высокие звания, ни ордена, ни спецчасть, ни первый отдел, ни управление кадров, ни аттестационные комиссии, ни звонок из райкома, ни мнение зама по политической части».

В. Гроссман в кабинете. 1950-е годы.

В среде гетмановых новые назначения, которых властно потребовала война, вызывают недоумение и почти нескрываемое недовольство. Как же это командиром танкового корпуса назначают какого-то никому неведомого полковника Новикова – он не из номенклатуры, «выдвиженец военного времени, до войны ничем особым не отличался», а в подчиненные ему – бывшего секретаря обкома Гетманова и генерала Неудобнова? Правда, Гетманов и Неудобнов не умеют воевать (как они стыдливо о себе говорят, «военного опыта нет»), но разве прежде имело значение, кто что умеет или не умеет, не боги горшки обжигают, главное – свои, проверенные кадры, твердо проводящие «линию». Нет, «напутала война», зашатался привычный порядок, их право указывать и руководить поставлено под сомнение, «по-чуждому» все идет. И ждут они не дождутся конца этой «вольницы», надеясь, что после войны все вернется на свои места.

Гроссман пишет об этой исторической трагедии, о том, что великая победа в Сталинграде, рожденная неудержимым порывом народа к свободной жизни, была у народа отобрана, использована для его подавления, для укрепления тоталитарного, лагерного режима в стране, для торжества сталинщины. Сразу же после разгрома немцев в Сталинграде появляются первые признаки возвращения к былому, к довоенным нравам и порядкам. Старый рабочий Андреев рассказывает: «...Снабжения нет, зарплаты не выдают, в подвалах и землянках холодно, сыро. Директор другим человеком стал, раньше, когда немец пер на Сталинград, он в цехах – первый друг, а теперь разговаривать не хочет, дом ему построили, легковую машину из Саратова пригнали... Помните, Сталин говорил в позапрошлом году: братья и сестры... А тут, когда немцев разбили, – директору коттедж, без доклада не входить, а братья и сестры в землянки». По доносу Гетманова отзывают в Москву Новикова – и кто знает, что его там ожидает. Строгий выговор и понижение получает директор СталГРЭСа Спиридонов, всю оборону под обстрелами и бомбежками не покидавший своего поста. В физическом институте по известной схеме (добавился антисемитизм) организуется травля Штрума, а затем обласканного Сталиным Штрума заставляют подписать гнусное письмо против статьи, опубликованной в «Нью-Йорк таймс», в которой речь идет о репрессированных советских ученых и писателях. На Новикова, Спиридонова, Штрума каким-то образом падает зловещая тень дела Крымова, уже объявленного врагом народа. Вроде бы никто из них совершенно не причастен к этому делу, Новиков вообще никогда в глаза не видел Крымова, и все-таки раз какая-то, пусть даже призрачная ниточка связи существует, ее всегда могут ретивые сотрудники органов размотать, отыскать криминал – человек, как пешка на шахматной доске, оказывается «под боем». Следствие, лучше сказать, расправа над Крымовым ведется по образцам тридцать седьмого года, ясно, что сердцевина сталинского режима сохранилась.

Отечество было спасено, враг повержен, а тем, кто выиграл войну, кто вынес на своих плечах ее главную тяжесть, вскоре после победы самым решительным образом дали понять, что их заслуги, пролитая ими кровь равным счетом ничего не значат, что с фронтовым свободолюбием и независимостью покончено. Жуков был снят со своих высоких должностей и назначен командующим войсками второстепенных военных округов – в Одессу, а затем в Свердловск, подальше от Москвы, посадили несколько человек из его ближайшего окружения, чтобы он понимал, что на него «копают» материал, который может быть пущен в ход. Рокоссовский отправлен еще дальше – в Польшу. Адмирал флота Советского Союза Кузнецов, нарком Военно-Морского Флота, после суда чести понижен в звании до контр-адмирала и назначен начальником управления военно-морскими учебными заведениями, два других известных флотоводца, адмиралы Алафузов и Галлер посажены (Галлер, которому было за шестьдесят, в заключении умер). Наркома авиационной промышленности Шахурина, главного маршала авиации Новикова, маршалов авиации Ворожейкина и Худякова, маршала артиллерии Яковлева – тоже за решетку... И если их не защитили высокие звания и громкие имена, то каково было людям простым, безвестным? И снова за случайно сорвавшееся слово – в лагерь, по клеветническому доносу – в тюрьму, за книгу с предисловием Бухарина, сохранившуюся в домашней библиотеке, – срок. Тысячи военнопленных – из фашистских лагерей прямо в наши.

«Сталинградское торжество,- пишет Гроссман, определило исход войны, но молчаливый спор между победившим народом и победившим государством продолжался. От этого спора зависела судьба человека, его свобода». Пробудившийся в испытаниях войны дух свободы еще можно было на какое-то время подавить беспощадными репрессиями, но уже нельзя было совершенно истребить. Еще можно было многих запугать, но уже нельзя было всех их обмахнуть. При первой же возможности дух свободы должен был воспрянуть, пробить себе дорогу в общественной жизни. «Хотя просветление и освобождение, которых ждали после войны,- писал в “Докторе Живаго” Борис Пастернак,- не наступили вместе с победой, как думали, но все равно, предвестие свободы носилось в воздухе все послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание». И те коренные общественные перемены, которые начались в годы «перестройки», были ответом на историческую потребность, проявившуюся так остро в дни всенародной войны против фашизма. Этот высокий дух свободы и человечности вызвал к жизни и роман Василия Гроссмана.

Проза Гроссмана внешне суховата, ей чужды яркие краски, она чуждается подробных описаний. Гроссман повествует, рассказывает, а не рисует, не изображает, но его повествование отличается высоким внутренним лирическим напряжением. Этот скрытый, но постоянно присутствующий лиризм, освещающий изнутри эпическое повествование, вместившее в себя «жизнь России, философию и печаль брэнного бытия», в немалой степени определяет своеобразие художественного строя «Жизни и судьбы».

Роман «Жизнь и судьба» автор посвятил своей матери – Екатерине Савельевне Гроссман. 15 сентября 1941 года она была расстреляна фашистами вместе со всеми обитателями еврейского гетто Бердичева. Ужасная смерть матери была незаживающей раной Гроссмана, до конца жизни эта боль жгла его. Дважды он пытался излить ее на бумаге – в десятую и двадцатую годовщины трагической гибели матери написал ей «письма». Второе писалось в очень тяжелые для Гроссмана дни – вскоре после ареста рукописи «Жизни и судьбы»: «Дорогая моя, вот прошло 20 лет со дня твоей смерти. Я люблю тебя, я помню тебя каждый день своей жизни, и горе мое все эти 20 лет вместе со мной неотступно.

Я писал тебе 10 лет тому назад, и в моем сердце ты такая же, как была двадцать лет назад. И десять лет назад, когда я писал тебе свое первое после твоей смерти письмо, ты была такой же, как при жизни своей,— моей матерью во плоти и сердце моем. Я – это ты, моя родная. И пока живу я – жива ты. А когда я умру, ты будешь жить в той книге, которую я посвятил тебе и судьба которой схожа с твоей судьбой.

...Я плачу над письмами – потому что в них ты – твоя доброта, чистота, твоя горькая, горькая жизнь, твоя справедливость, благородство, твоя любовь ко мне, твоя забота о людях, твой чудный ум».

Судьба и облик матери писателя воплотились в «Жизни и судьбе» не только в одной из сюжетных линий и фигуре матери Штрума; те горечь и доброта, справедливость и благородство, любовь к людям, к жизни, уважение их достоинства и ненависть ко всем видам гнета, унижения, дискриминации человека, о которых говорится в «письмах» матери, – все эти мотивы стали лирической основой романа.

С. Липкин и В. Гроссман. 1952 год.

Генрих Бёлль в своей рецензии на роман Василия Гроссмана писал: «Это могучее свершение, не просто книга, это даже больше, чем несколько связанных между собой романов, у нее есть своя история и свое будущее. Сколько же еще предстоит породить исследований, статей, споров этому роману, появившемуся на свет спустя двадцать лет после того, как автор поставил точку!» «Жизнь и судьба» находится в первом ряду самых значительных художественных творений XX века – там, где «По ком звонит колокол» Хемингуэя, трилогия Фолкнера, «Иосиф и его братья» Томаса Манна, «Чума» Кампо, «Котлован» Андрея Платонова...

Не знаю, что думают на сей счет медики, но я уверен, что гнусная экзекуция, которой подвергли роман «Жизнь и судьба», была причиной тяжелой, смертельной болезни Гроссмана. Можно только поражаться, что после ареста романа он все-таки продолжал писать, работать. И как работать! Впрочем тех, кто его близко знал, наверное, это не поражало. В одном из писем этого, для него беспросветно мрачного, времени он признавался, что несмотря ни на что испытывает «желание труда – такое же неразумное, как инстинкт жизни, такое же бессмысленное и непреодолимое». Работа и в этих угнетающих обстоятельствах все равно увлекала его. Не просто отвлекала, а увлекала. Он писал из Еревана, куда поехал переводить толщенный роман армянского писателя – кроме всего прочего, надо было как-то и на жизнь зарабатывать, – писал с печальной самоиронией: «Вчера я кончил эту костоломную работу (перевод. – Л. Л.), а сегодня стал писать, записывать армянские впечатления. Как Жорж Санд – в 4 утра кончила роман и,

не ложась спать, начала второй. Правда, есть разница – ее печатали, а меня уж совсем трудно понять. Куда спешить?»

Виктор Некрасов, вспоминая Гроссмана, особо выделял как главную черту его личности отношение к писательству: «...Покоряли прежде всего не только ум его и талант, не только умение работать и по собственному желанию вызвать «хотение», но и невероятно серьезное отношение к труду, к литературе. И добавлю – такое же серьезное отношение к своему – ну как бы это сказать, – к своему, назовем, поведению в литературе, к каждому сказанному им слову».

После расправы, учиненной властями над его романом, Гроссман написал две необычайно сильные, вершинные в его творчестве вещи: армянские записки «Добро вам!» и повесть «Все течет...». Драконовские, полицейские меры начальства не запугали его, не заставили попятиться от опасной, свирепо наказуемой правды. Оба эти последние его произведения проникнуты духом неукротимого свободолюбия. В критике тоталитарного режима, тоталитарной идеологии, тоталитарных исторических мифов Гроссман идет очень далеко, не останавливаясь и перед тем, что было тогда даже для либерально настроенной интеллигенции неприкасаемым. Впервые в нашей литературе проводится мысль, что основы бесчеловечного, репрессивного строя заложены Лениным. Гроссман первым рассказал об унесшем миллионы людей голоде 1933 года на Украине, показав, что этот голод, как и кровавая вакханалия, названная потом тридцать седьмым годом, был одним из целенаправленных мероприятий людоедской сталинской политики.

В суловско-андроповских ведомствах не сомневались, что преподали крамольному писателю урок, который навсегда отобьет у него охоту приближаться к правде, неудобной, не разрешенной начальством. Иначе рукописи и других произведений Гроссмана легли бы в тот же сейф, в котором была погребена «Жизнь и судьба».

Когда повесть «Все течет...» была опубликована за рубежом и прочитана на Лубянке и Старой площади, власти вне себя от ярости решили расчитаться с умершим автором, подвергнуть его унижительному наказанию – мало того, что не печатали, не переиздавали, после этого в течение нескольких лет Главлит вообще вычеркивал его имя и названия его книг, даже когда речь шла о военном времени...

Кажется, не было критической статьи, посвященной роману «Жизнь и судьба», в которой не говорилось бы, что Гроссман продолжает толстовскую традицию, что «Война и мир» служила ему главным ориентиром на пути освоения и организации жизненного материала Великой Отечественной войны в его книге о Сталинградской битве (и в моих заметках об этом шла речь). Это действительно так: и размах эпической панорамы, и масштаб мысли, которой по плечу постижение сложного, скрытого хода истории, со всей очевидностью свидетельствуют о том, что Гроссман опирался на художественный опыт Толстого. Он с огромным уважением относился к Толстому – художнику и мыслителю.

Но гораздо ближе Гроссману был Чехов. Самый близкий друг Гроссмана Семен Липкин рассказывал, что он боготворил Чехова. Настолько, что, узнав как-то от Липкина, что Анна Ахматова терпеть не может Чехова, изменил к ней отношение, разочаровался в ней.

Влюбленным, восторженным отношением к Чехову Гроссман делился не только с друзьями, но и с читателями – в своих произведениях. Если его герои заводят разговор о литературе, в нем непременно возникает имя Чехова в качестве самого

высокого образца. В одной из ранних его вещей, написанной в 1936 году «Повести о любви», есть такой эпизод: с героем в одном купе оказываются кинорежиссер, кинооператор и автор сценария, едущие снимать фильм о Донбассе. Они спорят о том, каким должен быть этот фильм. Один из них вспоминает чеховскую «Степь»: «Вот так нужно работать». «Да! Это – настоящее искусство», – соглашаются все.

Этот неожиданно возникший, необязательный для сюжета разговор, случайным свидетелем которого становится герой, не имеющий к искусству никакого отношения, для автора исполнен глубокого смысла, в нем намечена эстетическая программа, истинность которой подтверждается чеховским шедевром, – это его, Гроссмана, программа.

Через десять лет после «Повести о любви», в 1946 году, в воспоминаниях о литературоведе А. Роскине, погибшем в начале войны в московском ополчении, Гроссман делает отступление, чтобы поделиться своими соображениями о Чехове и его героях: «Гений Чехова вызвал их из смутного хаоса предреволюционной русской жизни, определил их хрустально ясное бытие в нашем сознании. В этих людей Чехов вложил свою веру в торжество морали, доброты, науки, разума и творческого труда над темным миром чванливого невежества, жестокости и предрассудков. Чехов осуществлял самого себя в этих замечательных людях – милых, умных, неловких, изящных и добрых, сохранивших свою духовную неизменность, свою чистоту и благородство во тьме русской предреволюционной жизни. Он осуществлял в них свое духовное существо, делал его зримым, весомым и мощным...»

Именно это – духовное существо Чехова – самое главное для Гроссмана. Чехов для него не только школа повествовательного искусства, хотя он осваивал и эти уроки. Рассказы Гроссмана внешне суховаты, ему чужды яркие краски, педалирование, он чурается подробных описаний, – вспоминаешь о чеховском лаконизме, о чеховской объективности. Вспоминаешь и о чеховском подтексте – за неброскими деталями, случайными репликами, обыденными сюжетными ситуациями встает, вырастает глубинный пласт действительности, по известной чеховской формуле: «Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни». И все-таки Чехов для Гроссмана – это прежде всего позиция – нравственная, гуманистическая. С годами она становилась все более последовательной и всеобъемлющей, распространяясь на последние вопросы, коренные проблемы человеческого бытия – современные и вечные. И так же, как у Чехова, она рождает высокого накала внутреннее лирическое напряжение.

И еще один очень серьезный разговор о Чехове – его ведут герои романа «Жизнь и судьба». А за ними стоит зрелый, умудренный жизнью автор, постигший суть чеховского: надо по капле выдавливать из себя раба.

«Ведь Чехов поднял на свои плечи несостоявшуюся русскую демократию. Путь Чехова – это путь русской свободы. Мы-то пошли другим путем... Он сказал, как никто до него, даже Толстой не сказал: все мы прежде всего люди, понимаете ли вы, люди, люди, люди!.. Полвека назад ослепленные партийной узостью люди считали, что Чехов выразитель безвременья. А Чехов знаменосец самого великого знамени, что поднято в России за тысячу лет ее истории, – истинной, русской, доброй демократии, понимаете, русского человеческого достоинства, русской свободы».

Этот разговор очень много дает для понимания пафоса творчества Гроссмана, тут ключ к его рассказам, к проблематике его поздней прозы. Гроссман шел по пути Чехова – по пути русской свободы, демократии, человеколюбия. Чеховское «все мы прежде всего люди» у Гроссмана, вобравшего в свое сердце великие трагедии нашего века

приобретает особую окраску, особое звучание. Он видит страшную опасность истребления человеческого в человеке. И самое главное: Гроссман не только верен высоким традициям русской литературы, он обогатил их художественным и жизненным опытом трагического XX века.

О чем бы ни писал в поздних рассказах Гроссман – о мещанской алчности, уродующей души людей, разрывающей даже родственные связи («Обвал»), о маленькой девочке, которая, попав в окраинную больницу, сталкивается с неприглядной реальностью несправедливо устроенной жизни простых людей и начинает чувствовать фальшь благополучного существования того круга хорошо устроенных, к которому принадлежат и ее родители («В большом кольце»), о судьбе женщины, полжизни проведенной в тюрьмах и лагерях, к которой совершенно равнодушны соседи, которым ни до чего, кроме своего растительного существования, нет дела («Жилица»), о доброте и сердечной отзывчивости, испытываемых на прочность бездушной рутинной жизнью нашего времени («Фосфор»), о кладбище, которое не защищено от тщеславной суеты и неутоленных амбиций живых («На вечном покое»), о людях, которые, нажав кнопку бомбосбрасывателя, превратили в пепел десятки тысяч неведомых им людей («Авель /Шестое августа/»), о Матери с Младенцем как самом прекрасном воплощении идеи бессмертия человеческого рода («Сикстинская Мадонна») – о чем бы ни писал Гроссман, он ведет непримиримую войну с насилием, жестокостью, бессердечием, защищая достоинство и свободу, на которые имеет неотъемлемое право каждый человек, – вот оно, его «все мы прежде всего люди».

Нельзя не заметить, – и читатель непременно обратит на это внимание, – как много написано Гроссманом о животных, как часто они возникают в его поздних произведениях, так сказать, на равных с людьми. Тут писатель выходит еще на один виток нравственно-философской проблематики. Чтобы было понятно, о чем идет речь, – несколько выписок из этих произведений.

Лосиха «стояла возле лежащего среди кустиков брусники серого теленка.

Дмитрий Петрович стал наводить винтовку, и была секунда – все вокруг исчезло – красная брусника, гранитное небо над головой – остались лишь два глаза, обращенных к нему. Они смотрели на него, ведь Дмитрий Петрович был единственным живым существом, свидетелем несчастья, постигшего лосиху в это утро.

И с ощущением силы, счастья, с не обманывающим охотника предчувствием прекрасного выстрела, медленно, плавно, чтобы не погнуть деликатно-паутинную линию прицела, он стал нажимать курок.

Потом, подойдя к убитой лосихе, Дмитрий Петрович разобрался, в чем дело: лосенок покалечил переднюю ножку – она застряла в расщепленном ольховом стволе, – и телок, видимо, очень боялся остаться один; даже когда застреленная мать упала, теленок все уговаривал ее не бросать его, и она не бросила...»

И в свой смертный час – этим заканчивается рассказ «Лось» – его герой, приговоренный судьбой к одиночеству, лишенный сочувствия и поддержки, видит укоряющие его «добрые и жалостливые глаза» лосихи, на которых выступают слезы...

«У овцы светлые глаза, они какие-то виноградно-стеклянные, – начинает Гроссман в “Добро вам!” лирическое отступление, философское отступление, которое точнее всего назвать Плачем по безвинно загубленной Жизни. – У овцы человеческий профиль – еврейский, армянский, таинственный, равнодушный, неумный. Тысячелетиями

пастухи смотрят на овец. Овцы смотрят на пастухов, и вот они стали похожи. Глаза овцы как-то по-особому, отчужденно-стеклянно смотрят на человека, так не смотрят на человека глаза лошади, собаки, кошки...

Вот такими безразличными, отчужденными глазами смотрели бы обитатели гетто на своих гестаповских тюремщиков, если бы гетто существовало пять тысяч лет и каждый день на протяжении этих тысячелетий гестаповцы отбирали старух и детей для уничтожения в газовых камерах.

Боже, боже, как долго должен человек вымаливать прощение у овцы, чтобы она простила его, не смотрела на него стеклянным взглядом. Какое кроткое и гордое презрение в этом стеклянном взгляде, какое божественное превосходство безгрешного травоядного над убийцей, пишущим книги и создающим кибернетические машины...»

И еще одна цитата – из рассказа «Собака» – о первом живом существе, которое человек отправил в космос.

«Кривоногая дворняга не участвовала в служебных интригах, не пренебрегала его здоровьем, не проявляла зависти.

Она, подобно Христу, платила ему добром за зло, любовью за страдания, что он приносил ей».

Да, речь идет о самоотверженной, беззаветной, всепоглощающей любви. Поэтому сравнение с Христом не кажется кощунственным. В нем, как и в только что приведенных сценах нравственного превосходства над человеком братьев наших меньших, зримо проявляется максималистский гуманизм Гроссмана – трудно этому гуманизму подобрать другое определение. Гроссман обнажает то, что составляет универсальную нравственно-философскую суть земного бытия, единого мира, включающего всех обитателей нашей планеты – словесных и бессловесных, главный закон жизни. Для Гроссмана братья наши меньшие – оселок, который обнаруживает тревожное несовершенство и несправедливость взаимоотношений внутри человеческого сообщества, не осознавшего нависшей над ним угрозы самоистребления.

Что может остановить человека, человечество от рокового шага в бездну? Только признание безусловной, абсолютной ценности жизни, считает Гроссман, нравственной ответственности каждого человека за других людей и за все сущее на земле.

Гроссман – беспощадный художник, он не боится говорить самую суровую, безжалостную правду о человеке, о том зле, которое он способен творить, о его изуверской жестокости. Гроссман – добрый художник, влюбленный в жизнь, в свободу, верящий в способность человека одолеть зло, отстаивать свободу. Он писал: «Самое прекрасное, что есть в мире, это живое сердце человека. Его способность любить, верить, прощать, жертвовать всем ради любви прекрасна».

Свет этой любви, человечности, свободы несут нам книги Василия Гроссмана.

ПРИДЕТ ДЕНЬ

Парадоксальный феномен и точка отсчета

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

«Галут - это беда и проказа; все попытки исправить его не более, чем иллюзия и самообман... Галут с отсутствием прав, галут с погромами - это галут острый, инфекционный... Галут как на Западе, галут сытый, тучный, галут с почестями, и все же это галут... Наша миссия в России заключается лишь в “нормализации” галута с полным сознанием того, что это не решение проблемы... Национальные права в изгнании - это не что иное как организация Исхода и т.д и т.п.», - чтобы написать эти слова Зееву Жаботинскому пришлось пройти довольно долгий, сложный и яркий путь. Не так уж много подобных судеб – феерических, парадоксальных, героических. Прежде, чем стать выдающимся сионистом, а именно к этому периоду сложилось столь однозначное отношение к галуту, он оставил благородный след в русской поэзии и журналистике. Теперь о нем написана уже не одна книга. Интересно, как и в какую эпоху начался его путь.

Владимир Жаботинский родился в 1880 году в Одессе, городе, в котором еврейство в пору его рождения уже познало влияние Хаскалы. Между тем, исторически сложилось так, что именно Одесса оказалась «родиной» погромов в России. Маленькому Володе еще не было и года, когда в 1881 году в Одессе произошел один из самых страшных. Ему предшествовали погромы 1821, 1859 и 1871 годов. Не удивительно, а скорее естественно, что это отпечаталось в его генетической памяти, ведь предки его жили в Одессе и знали ужасы предыдущих погромов. Не это ли в конце концов привело Жаботинского к сионизму?

Разумеется, не только это. Были в его детстве и другие нестирающиеся впечатления, а в генах - коды, требующие реализации из поколения в поколение. Мать его родилась в Бердичеве, в этом самом «еврейском» из всех городов царской России. «Я побывал в Бердичеве в начале этого столетия и даже тогда застал еще на железнодорожной станции православных грузчиков, которые изъяснялись на гораздо более чистом идиш, чем я сам, а в говоре их звучал настоящий еврейский распев», – писал Жаботинский в «Повести моих дней». И там же: «Однажды я спросил маму: мы хасиды?» – и она ответила не без раздражения: «А ты что думал – миснагдим?» (противники хасидизма – М.Г.). И далее: «С тех пор и поныне я себя причисляю к потомственным хасидам».

Володя остался без отца в шесть лет, и самые яркие впечатления детства связаны с матерью, человеком сильным, неординарным. На свой детский вопрос: «А у нас, евреев, тоже будет свое государство?», он услышал уверенный ответ: «Конечно будет, дурачок!». По признанию Жаботинского, этот ответ никогда не забывался.

Что до отца, то Володя был совсем маленьким, когда тот тяжело, неизлечимо заболел, и мать, не желая мириться с приговором эскулапов, решила везти мужа в Берлин в надежде на немецких врачей. Вместе с родителями поехали и дети. Лечили отца в течение двух лет, но безуспешно. Затем были задействованы медики Киева, – увы, чуда не свершилось и здесь. Тогда было выполнено последнее желание главы семьи: жена отвезла его в Александровск – местечко, где он родился. Там он и дожил последние дни.

Похоронив мужа, женщина с двумя детьми вернулась в Одессу, - там жил ее брат. Город этот, как выяснилось впоследствии, сыграл заметную роль в формировании «печати свободы» в душе Жаботинского. «Одесса того времени – по мягкой веселости и легкому плутовству, витающим в воздухе, без всякого намека на душевное смятение, без

тени нравственной трагедии... Я не видел города с такой легкой атмосферой», – вспоминал впоследствии Жаботинский. И хотя в юности и в молодости он подолгу жил в Риме, Берне, бывал в Вене, того Зеева Жаботинского, который в начале XX века уже имел немалую известность, создала именно Одесса: «Из ничего, из нуля возник этот город за сто лет до моего рождения, на десяти языках болтали его жители, и ни одним из них не владели в совершенстве».

Но у самого Жаботинского с языками складывалось иначе. В раннем детстве он начал говорить сразу на трех языках: идиш «ловил» во дворе и на улицах, первые уроки русского языка получил, когда не было еще и восьми – «учителем» была старшая сестра, а иврит ему с сестрой преподавал Иегошуа-Хона Равницкий – один из самых выдающихся знатоков этого языка (позже он вместе с Х.-Н.Бяликом соберет и издаст «Агаду» на русском языке в прекрасных переводах поэта С.Фруга, Жаботинский же встретится с ним уже много лет спустя, в 10-х годах XX века, когда будет работать над переводами стихов Х.-Н.Бялика – М.Г.).

По признанию самого Жаботинского, помимо уроков древнееврейского, в ту пору у него не было никакого соприкосновения с еврейством. В библиотеке, куда он бегал каждый день, было много еврейских книг: «Я их не читал. Раз или два попробовал и не нашел в них никакого движения, только печаль и уныние: неинтересно»... Но если бы его тогда спросили об отношении к евреям, он знал, что ответил бы: «люблю», а если бы спросил еврей, высказался бы полнее.

Семи лет он пошел в еврейскую школу (кстати сказать, в ней многие предметы преподавались на русском). Потом Володя не раз пытался поступить в гимназию, в реальное училище, но «успешно» проваливался: в 1888 году была введена процентная норма приема евреев в государственные гимназии. И все же он поступил в прогимназию, окончив которую в 15 лет, был переведен в 5-й класс Ришельевской гимназии. Интересно, что одноклассником его был Корней Иванович Чуковский – в ту пору Николай Корнейчуков. Они не только были хорошими друзьями, но и «друзьями по несчастью». За совместно сочиненный памфлет, в котором был осмеян директор, обоих в 1898 году исключили. «Должен признать, – впоследствии писал Жаботинский - что я почти не чувствовал антисемитского духа в этих государственных учебных заведениях».

Восемнадцатилетний юноша, похоже, не особенно печалась из-за происшедшего, уехал в Италию, где продолжил образование в университете Рима. Вскоре, окрыленный здешней атмосферой, он напишет по-юношески преувеличенно пылко: «Если у меня есть духовное отечество, то это Италия...». Прекрасно овладев здешним языком, он переведет на иврит Данте и других итальянских поэтов. Но это позже, а пока способный молодой человек слушает лекции в университетах Рима, Неаполя, Берна и посылает корреспонденции одесским изданиям.

Блистательное восхождение в литературу

Владимиру едва исполнилось 17 лет, когда он перевел на русский стихотворение «Ворон» Эдгара По, и оно было опубликовано за подписью «Altalena» в журнале «Чтец-декламатор». «Этот перевод во много раз лучше брюсовского и лучше перевода Бальмонта, хотя у Бальмонта есть свои достоинства», – писала Наталья Берберова. А по мнению видного современного литератора и переводчика Евгения Витковского, «Ворон» Жаботинского – самая популярная из всех русских версий.

Перевод К. Бальмонта пятью годами раньше (1894) был опубликован в журнале «Артист». До него это стихотворение переводили Л.И. Пальмин (1878) и Д. Мережковский (1890). И все же перевод юного Жаботинского не затерялся, а, оказавшись столь впечатляющим, печатался даже в советских изданиях, когда лишь одно упоминание его имени могло повлечь немалые неприятности. Но имя дипломатично умалчивалось, а псевдоним Альталена проблем не вызывал, поскольку перевод, мол, сделан русским итальянского происхождения.

И еще о переводах Жаботинского. Его версия знаменитого творения Франсуа Вийона «Баллада о дамах минувших времен» кажется мне шедевром переводческого искусства. Вот первая строфа:

**Куда, скажи мне, унеслись
Царицы были и былины -
Елены, Фрины, Мессалины,
Юдифь, Аспазия, Таис?
И нимфа Эхо, чьи напевы
Хранят холмы и берега,
Где стройный стан ее?
— Но где вы,
Былого талые снега?**

А вот перевод Николая Гумилева:

**Скажите, где, в какой стране,
Прекрасная римлянка Флора,
Архипиада... где оне,
Те сестры прелестью убора.

Где Эхо гулом разговора,
Тревожащая лона рек,
Чье сердце билось слишком скоро?
Но где же прошлогодний снег!**

И для сравнения перевод, сделанный уже в наши дни Ю.Б. Корнеевым:

Где Флора-римлянка сейчас?

Где рок, красу губящий рьяно,

Архипиаду скрыл от нас?

Ушла Таис в какие страны?

Где Эхо, чей ответ так странно

Звучал в безмолвье рощ и рек?

Где эти девы без изъяна? -

Где ныне прошлогодний снег?

Последняя строка: «Где ныне прошлогодний снег?» почти повторяет гумилевскую «Где же прошлогодний снег?». У Жаботинского же она совсем иная, что, как мне кажется, ближе к оригиналу.

Мне вспоминается разговор с замечательным поэтом Моисеем Наумовичем Цейтлиным, который много времени уделял переводам различных поэтов. Однажды я спросил его, почему он не переводит баллады Франсуа Вийона, и он ответил: «Французский язык мне не чужд, я бы с удовольствием перевел балладу Вийона “О дамах былого...” (тема это всегда волновала Моисея Наумовича), если бы не знал гениальный перевод этого стихотворения, сделанный молодым Жаботинским». И он прочел такую строфу:

Где та, исполненная чар

И красоты, и мудрой речи,

За чью любовь позор увечий

Приял страдалец Абеляр?

Где тень французской королевы,

Чьих на заре топил слуга

Ночных любовников?

- Но где вы,

Былого талые снега?

А потом, задумавшись, сказал: «Мне кажется, что Жаботинскому этот перевод нашептал сам Вийон. Такое бывает. Я знаю десяток переводов этой поэмы. Больше всего меня волнует последняя ее строфа». Моисей Наумович продекламировал ее по-французски, пересказал по-русски, потом достал черный томик Вийона в переводе Мендельсона и прочел:

Принц, красота живет мгновенье.

Увы, таков судьбы закон!

Звучит рефреном сожаленье:

Но где снега былых времен?..

«Сегодня Жаботинский забыт, запрещен, – Моисей Наумович глубоко задумался. – Последняя строка у Мендельсона напоминает Жаботинского, но перевод Мендельсона мне тоже очень нравится. Я мог бы вам воспроизвести и другие переводы, например, Гумилева. По-моему, замечательно!». И Моисей Наумович, закрыв от удовольствия глаза, прочел:

О принц, с бегущим веком ссора

Напрасна: жалок человек,

И пусть вам не туманят взора:

Но где же прошлогодний снег!

- Заметьте, у Гумилева это четверостишье заканчивается восклицательным знаком. Замечательный перевод, но все же у Жаботинского...

Принц, не ищи. Восходят севы,

Желтеют, скошены луга;

В одном припеве правда: Где вы,

Былого талые снега?

Моисей Наумович задумчиво сказал: «“Былого талые снега” - это очень сильно! - И закончил:

- Все же я верю, что Жаботинский займет достойное место в русской литературе».

Незаурядные личности нередко разноталанны, необычайно энергоемки, деятельны. В молодости Жаботинский сотрудничал со многими одесскими газетами. Ему легко давались иностранные языки, уже в ранние годы он был полиглотом: свободно владел семью языками. Разве это ни о чем не говорит: восемнадцатилетнего журналиста отправляют в Европу корреспондентом от одесских газет. Жаботинский успевал выполнять задания нескольких редакций, причем не в ущерб изучению права в

университетах Рима и Берна. И кроме того, он был чрезвычайно одаренным во всех областях литературы.

В ту пору, казалось, ничто не предвещало его прихода к сионизму. И все же. В 1898 году Владимир Жаботинский написал одно из лучших своих стихотворений «Город Мира».

**Над костром моим синее
ширь ночного небосклона.
Тихо дремлют в отдаленьи
стены скорбного Сиона.
Провожатый мой, потомок
древних шейхов Эбн-Али,
шлет привет пытливым взором
звездам неба от земли.**

**«Скоро полночь», – говорит он
и смолкает, засыпая.
Спит печальная долина,
неподвижная, немая.
Этот сон меня пугает:
в этой чуткой тишине
словно стоны чьи-то реют
и доносятся ко мне...**

**Тише – арфа зазвенела.
Там, вдали, где тьма густая,
струны стонут, надрываясь,
разбиваясь и рыдая;**

тихий голос где-то плачет
или, может быть, поет, -
над Сионом легкий призрак
белой женщины плывет.

«Шейх, мне страшно!»

Он проснулся,
поднял взоры и мгновенно,
скрыв лицо свое руками,
преклонил одно колено.

Я невольно опустился
рядом с шейхом Эбн-Али,
и рыдания постепенно
где-то замерли вдали.

И, шепча свои молитвы,
встал араб неторопливо.
«Да прославится Всевышний,
нам явивший это диво.

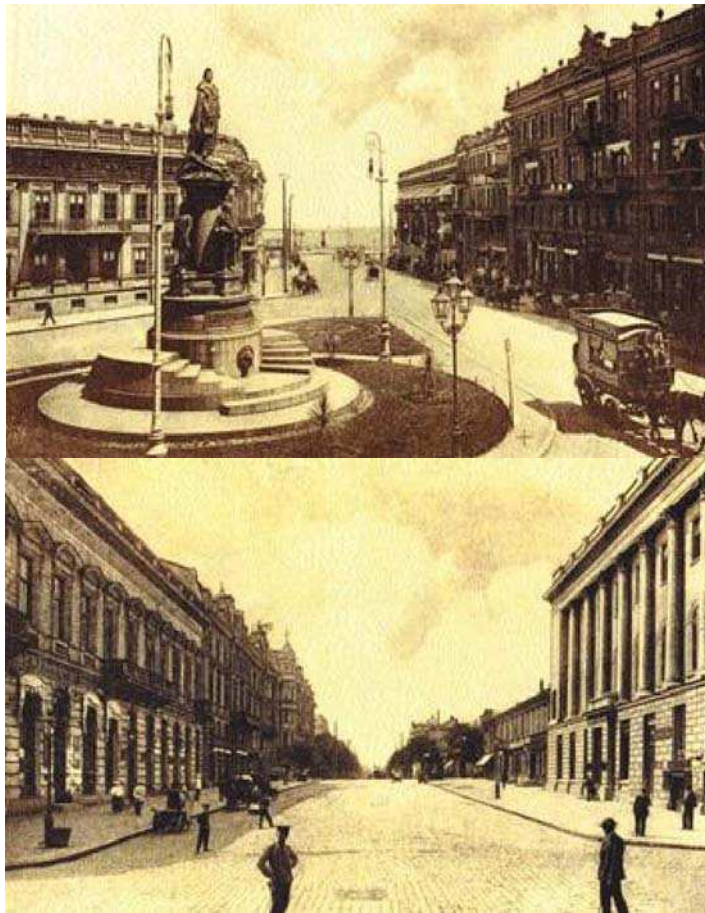
Этот призрак - Город Мира.
Я слышал, что каждый год
песню скорби над Сионом
эта женщина поет.

Я слышал среди арабов:
Тот, пред Кем благоговеем,

обещал во дни былые
эту землю иудеям.
Нет владыки кроме Б-га -
Ла Иллаху иль Алла! -
Злоба сильных только глина,
слово Г-спода - скала.

Но столетья проходили,
и в печали непрестанной
скорбно жили иудеи
вне страны обетованной, -
жили, родины и чести
волей рока лишены,
только веру сохранивши
от великой старины.

Этот призрак - Город Мира,
это - Мать того народа.
Каждый год она рыдает
над Сионом с небосвода
и зовет из стран изгнанья
в тихий рай своих полей
Б-жьей карой многолетней
истомленных сыновей»...

Такие стихи написал юноша, никогда не видевший страну праотцев, Святую землю, по которой ходили библейские Пророки, свою историческую родину, свободу которой отстаивали Бар-Кохба, маккавеи... Эти романтические стихи молодого Жаботинского стали прологом к его будущей судьбе, к высоко талантливым переводам из Бялика, которые он сделает много позже.

Литературный дар и талант Жаботинского не вызывал сомнения у его современников. Но вот вопрос, как мы сказали бы сейчас, по поводу «пятого пункта» – можно ли еврея считать русским поэтом, писателем, обсуждался в начале века среди русской интеллигенции довольно горячо. А Жаботинский был не просто евреем, он еще числил себя и потомственным хасидом!

В этой полемике принял участие и Корней Чуковский. В рецензии, посвященной изданию рассказов С. Юшкевича (1908), он писал: «Еврейский же интеллигент, оторвавшийся от своего родного народа, отрывается и от единственно доступной ему правды; приставая к народу русскому, к русскому языку и русскому искусству, он новой правды не обретает; он усваивает, но не творит; он копирует, но не рождает. Это страшная трагедия еврейского интеллигента, очутившегося в духовном плену у пушкинской, у толстовской, у чеховской культуры – и пусть он будет гениален, как десять Шекспиров, он не создаст ничего, он беспомощен и бессилён, потому что русский пафос – не его пафос...».

Эту мысль Чуковского, разумеется, разделяли не все. К тому же, что касается Жаботинского (справедливости ради надо заметить, что вряд ли Чуковский имел в виду его), то «оторванным» его считать совершенно невозможно. Откуда «оторванность» у считающего себя «потомственным хасидом»? В том-то и дело, что евреем он был

коренным, и Б-жье благословение, которое на нем лежало, щедро изливалось на все, с чем он имел дело.

А среди тех, кто был солидарен с Чуковским, – В.В. Розанов, выдающийся русский литератор и философ: «Евреи в русской литературе поджидают именно Гейне, который не одною властью, но и талантом даст им наступать на горло русской литературе... Вся литература теперь “захватана” евреями. Им мало кошелька: они пришли по душу русскую». В письме М.О. Гершензону – литератору, которого уважал, В.В. Розанов в январе 1913 года пишет: «Мне кажется, евреи делают великую ошибку, ошибку для своего счастья, ошибку для своего развития, затормозившись в русскую журналистику...».

Быть или не быть русским журналистом – едва ли вопрос этот когда-либо стоял перед молодым Жаботинским. Журналистика стала не только его делом, но и самой жизнью. Его публиковали в «Одесских новостях» и «Одесском листке», в «Русской мысли» и «Вестнике Европы»...

Любопытна запись из дневников К.И. Чуковского, сделанная 19 июня 1965 года: «Получил из Иерусалима письмо... Автор письма Рахиль Павловна Марголина прислала мне портрет пожилого Жаботинского, в котором уже нет ни одной черты того Альталены, которого я любил. Тот был легкомысленный, жизнелюбивый, веселый: черный чуб, смеющийся рот». Вот такого и любил Чуковский. Что до их отношений, то, как справедливо заметил литератор Михаил Вайскопф: «Корней Чуковский, которого Жаботинский приобщил к русской словесности, сравнивал его с пушкинским Моцартом и даже с самим Пушкиным».

Снова Одесса: «Сионистом я стал еще до того»...

В конце 90-х годов XIX-го века Зеев Жаботинский из Италии «заваливал» одесские газеты статьями, фельетонами, очерками. Работалось ему там легко. Там же написаны и драматические произведения. И все же, при всей влюбленности в Италию, ему снилось Черное море, родной город, где на Приморском бульваре такие же чинары, как в Неаполе.

Наконец в 1901 году Жаботинский вернулся в город своего детства, и не с пустыми руками, а с двумя собственными драмами: «Кровь» и «Ладно». Обе были поставлены в одесском городском театре, имели успех у зрителей и прессы, однако в репертуаре стояли относительно короткое время.

Теперь Жаботинский работает в «Одесских новостях» фельетонистом. Писатель Дон Аминадо (Аминодав Шполянский) вспоминал: «В “Одесских новостях” начинали свою литературную карьеру Корней Чуковский, К.В.Мочульский, Петр Пильский, В.Е.Жаботинский, явивший весь свой искрометный и иронический блеск в легких, в совершенно новой манере поданных фельетонах, за подписью Altalena».

Увы, «легкость и веселость» Жаботинского после возвращения в Одессу сохранялись недолго. «Между тем приближались дни Пасхи, Пасхи 1903 года. От некоторых знакомых я слышал странные, тревожные речи, что в городе и во всей округе, во всей губернии витает опасность еврейских погромов; ничего подобного не происходило более 20-ти лет...». Жаботинский обращается с письмами ко многим еврейским деятелям, предлагая упорядочить самооборону в городе. Но слухи о предстоящей «пасхальной» расправе оказываются ошибочными, к несчастью, только в

отношении Одессы. В то самое время жесточайший погром обрушился на Кишинев – совсем неподалеку...

Это трагическое событие резко изменило отношение Жаботинского к решению еврейского вопроса в России. Вскоре он напишет: «Сионистом я стал еще до того, до того я уже думал об обороне, как о еврейской трусости, которая проявилась в Кишиневе», и с того времени превратится в сиониста деятельного, «воинствующего». Тогда же, в 1903-м, он вернулся к ивриту и уже в 1904 году перевел на русский «Сказание о погроме» Бялика.

И все разрушено...

И выйдешь на дорогу -

Цветут акации и льют свой аромат,

И цвет их – словно пух,

и пахнут словно кровью;

И на зло в грудь твою войдет

их сладкий чад,

Маня тебя к весне, и жизни,

и здоровью;

И греет солнышко,

и, скорбь твою дразня,

Осколки битого стекла горят алмазом -

Все сразу Б-г послал,

все пировали разом:

И солнце, и весна, и красная резня!..

После публикации в 1906 году перевода этой поэмы, кто-то из русских литераторов сказал: «Как жаль, что сионисты украли Жаботинского у русской литературы».

Одесса Жаботинского. Наверное, при желании можно приблизительно исчислить, сколько света и сколько тени пришлось здесь на его судьбу, если бы хоть что-то в жизни можно было определить настолько однозначно. Здесь уместно вспомнить, что в родном городе Жаботинский познал и первый арест: в 1902 году его отправили в одесскую крепостную тюрьму. Из-за того, что при обыске обнаружили «запрещенную» брошюру (как оказалось позже, это была памятная записка министра Витте «Земство и самодержавие» с предисловием Плеханова). Неискушенный в посещении таких заведений, все же Зеев догадался вскоре, что находится среди политзаключенных, о чем свидетельствовали прозвища: Желябов, Гарибальди, Лабори (адвокат Дрейфуса – М.Г.). Самому Жаботинскому дали кличку «Лавров», наверное в память об одном из основателей русского социализма. «Гарибальди» оказался столяром с Молдаванки, которого арестовали и избили за то, что во время демонстрации рабочих на Дерибасовской шел во главе колонны с красным знаменем.

Эта «отсидка» Жаботинского оказалась не длительной – всего семь недель, и оставила она в его памяти, как ни парадоксально, светлые воспоминания: «Я полюбил своих соседей, хотя и не видел их лиц. Я поднаторел в “телефоне”. И даже начальника тюрьмы я полюбил, жандармов и стражников: они были вежливы и очень предупредительны».

Но и «сладкий» первый арест, и «вхождение в сионизм», и увлечение идеями социал-демократии (до 1903 года был членом Одесского комитета РСДРП), и многое другое, - всю эту часть жизни смял, едва ли не отрезав, кишиневский погром. Теперь, после неизбежной переоценки ценностей, очень четко обозначились приоритеты и цели. В 1903 году Жаботинский получает приглашение на VI сионистский Конгресс: он едет в Базель делегатом от евреев Одессы. «Но ведь я совершенный профан во всех вопросах движения!» – неуверенно попытался возразить он. На что г-н Зальцман, видный одесский сионист, прозорливо ответил: «Научитесь». На том конгрессе Жаботинского представили «худому и высокому молодому человеку с черной бородкой клинышком и блестящей лысиной», как оказалось, доктору Хаиму Вейцману, одному из лидеров сионизма, в будущем первому президенту государства Израиль.

Из воспоминаний: «Никакой романтической любви к Палестине у меня тогда не было... Я был в числе меньшинства Конгресса, которое голосовало против Уганды и вместе с остальными, сказавшими “нет”, вышел из зала... Подавляющее большинство, в том числе многие из тех, кто прибыли из России, голосовали “за”. Никто не уговаривал меня голосовать так, а не иначе. Герцль произвел на меня колоссальное впечатление... А я вообще-то нелегко поклоняюсь личности... Я почувствовал, что стою перед истинным избранником судьбы, пророком и вождем милостью Б-жей...»

Теперь, оказавшись как бы в иной реальности – в ином кругу, на новом поприще, которое становилось неотъемлемой, главной частью жизни, зрелый Жаботинский старался постичь свое прошлое: «Быть может, я мечтал, как это водится у молодежи, завоевать оба мира, на пороге которых я стоял: обрести лавровый венок

русского писателя и фуражку рулевого сионистского корабля; но скорее всего у меня не было никакого твердого плана... Но за меня решила судьба... Точнее – не судьба, а случай: антисемитская выходка русского хама из центрального околотка Одессы. Звали его Понасюк». Этот пристав спровоцировал в городском театре скандал, и вскоре Жаботинский был вызван на допрос к градоначальнику графу Шувалову. Видимо, из беседы с ним Владимир понял, что скандал с Понасюком – лишь повод для очередного ареста по куда более существенным причинам, чем при первом: Жаботинский, как и Меир Дизенгоф, будущий мэр Тель-Авива, один из создателей государства Израиль, числился среди руководителей отрядов еврейской самообороны в Одессе. «Вдохновленный» беседой с градоначальником, не заезжая домой, Жаботинский отправился в Петербург.

Похороны свитков Торы, оскверненных во время кишиневского погрома.

Плодородные семь лет

Приехав в Петербург, Вл.Жаботинский поспешил встретиться с известным адвокатом Сориным, и тот помог ему устроиться в заброшенной гостинице, «которая платила постоянную дань полиции, чтобы та не проверяла паспортов у сынов Израиля, нашедших убежища под ее сенью». Вскоре вместе с Сориным он приступил к изданию ежемесячного журнала «Еврейская жизнь». Издание это познало успех и гонение. Типография, печатавшая его, вынужденно «переселялась» из Петербурга в Москву, оттуда в Берлин, позже в Париж. Пришлось даже менять название журнала, чтобы исключить слово «еврейский», на «Рассвет». Сама же редакция оставалась в Петербурге, в квартире Сорина.

Во всех еврейских общинах подписывались на журнал. Среди его сотрудников были Макс Соловейчик, Моисей Цейтлин (покинувший спокойную, отлаженную жизнь в Баку и переехавший в Петербург, чтобы работать в первом русском сионистском журнале). Заметим, сионизм среди еврейской элиты в ту пору особо почитаем не был. В начале века даже появилась поговорка: «У одного еврея было два сына: один умный, а другой сионист».

Здесь, в Петербурге, Жаботинского застала и потрясла весть о внезапной кончине доктора Герцля 3 июля 1904 года. Ему посвятил он одно из самых сильных своих стихотворений:

**Он не угас, как древле Моисей,
на берегу земли обетованной;
он не довел до родины желанной
ее вдали тоскующих детей;
он сжег себя и отдал жизнь святыне
и «не забыл тебя, Иерусалим» -
но не дошел и пал еще в пустыне,
и в лучший день родимой Палестине
мы только прах трибуна предадим.**

**...Спи, наш орел,
наш царственный трибун.
Настанет день –
услышишь гул похода,
и скрип телег, и гром шагов народа,
и шум знамен, и звон веселых струн.
И в этот день от Дана до Бер-Шевы
благословит спасителя народ,
и запоют свободные напевы,
и поведут в Сионе наши девы
перед твоей гробницей хоровод.**

Петербургский период жизни Зеева Жаботинского, длившийся почти семь лет, стоит книги. Как журналист он тогда достиг апогея. На его выступления как деятеля национального движения в больших залах Петербурга собирались сотни, тысячи людей (позже кто-то назвал его Троцким среди сионистов). Напомним, что на Базельском сионистском конгрессе он не поддержал д-ра Герцля, ибо считал, что еврейское

государство может быть создано только в Палестине. Но это в будущем, далеком будущем. А в настоящем надо развивать сионистское движение в странах проживания евреев, в России – в особенности. Эту мысль он последовательно и уверенно внушал на Всероссийской конференции сионистов, состоявшейся в ноябре 1906 года в Гельсингфорсе. По предложению Зеева Жаботинского была принята программа борьбы за национальное возрождение и равноправие евреев в России.

Среди солдат еврейского легиона. 1919 год.

Активность Жаботинского была воистину неумемной: 1908 год – он провел в Палестине, 1909-й – в Вене, потом в Константинополе. И повсюду издает газеты на разных языках: на идише, иврите, французском, испанском. Независимо от языка, издания эти были сионистского толка. Тогда же он пришел к выводу, что для возрождения еврейского государства необходим единый язык – иврит. Мысль, что евреи могут оставаться евреями в диаспоре, он начисто отвергает: «Галут – это беда и проказа...» - писал Жаботинский в «Повести моих дней».

В 1910 году Жаботинский со свойственным ему рвением приступил к решению вопроса о внедрении иврита в еврейские школы России. В истории еврейской культуры ему принадлежит еще одна заметная роль: в 1911 году он создал в Одессе издательство «Тургеман» («Переводчик»), поставившее целью издавать на иврите мировую классику. Эти начинания и идеи Жаботинского оказались вечными. Тому, что в Израиле есть русская классика на иврите, израильтяне обязаны Жаботинскому.

В. Жаботинский (слева) – офицер еврейского легиона. 1918 год.

«Моя вера говорит мне»

При всей любви к литературе - русской, мировой, еврейской, при всем интересе к социально-философским идеям, смыслом жизни Зеэва Жаботинского стало воссоздание еврейского государства. Поездка в 1908 году в Палестину убедила его в верности собственных идей. Он встретил там людей, не покладая рук работающих во имя возрождения своей страны. Он узрел и опасность, постоянно угрожающую евреям-поселенцам, и, наверное, тогда уже понял неизбежность конфликта между евреями и арабами, сделав вывод: необходимо создание еврейского легиона. Опыт руководителя отряда самообороны у него уже был.

К его чести он никогда не одобрял участия евреев в революционных событиях России и был «воинствующим» противником ассимиляции. «Всякое “спасение мира” – позорная ложь, пока у евреев нет своей страны, как у других народов», – эту мысль он не раз повторял в выступлениях, статьях в период процесса над Бейлисом (1911–1913), четко показавшем, кто есть кто в России. Некоторые поверили в виновность Бейлиса (среди них и В. Розанов). В защиту врача выступили: В. Короленко, Л. Толстой, М. Горький, А. Блок... Но Жаботинскому ясно то, что скрыто от большинства: даже такие выдающиеся люди не могут спасти евреев России от погромов, униженности и бесправия. И он написал в 1912 году: «История еврейского народа не должна больше быть тем, чем была до сих пор, т.е. “историей того, что другие делали с евреями”: новые евреи хотят отныне сами делать свою историю, наложить печать своей воли и на свою судьбу, и – в справедливой мере – также на судьбу страны, где они живут».

Первая мировая война многое изменила в судьбе человечества. Под влиянием увиденного на фронтах, где он был военным корреспондентом «Русских ведомостей», впечатленный встречами с евреями-воинами, среди которых было немало награжденных царскими орденами, встречались и кавалеры Георгиевских крестов, Жаботинский пришел к выводу: бесстрашие маккавеев, Бар-Кохбы живо в сердцах его соплеменников, и в этом залог создания будущего еврейского государства в Палестине. «Моя вера говорит мне, что придет день, и мой народ вновь будет великим и свободным...».

Находясь в Лондоне, Жаботинский предпринимает попытку создать еврейское воинское объединение в составе войск Антанты. С ведома и «тихого» одобрения некоторых политических деятелей Великобритании, что стоило ему больших усилий, поскольку было немало противников этой идеи, причем и среди евреев, он все же добился создания еврейского легиона в составе английской армии, который был отправлен в Палестину для ее освобождения от турецкого владычества. Сам Жаботинский записался в этот легион в качестве рядового солдата, а звание офицера ему присвоили позже.

В 1918 году, по окончании войны, с верой в то, что «...страна Израиля будет светиться всеми цветами радуги, благодаря усилиям и труду своих сыновей», Жаботинский остается в Палестине, зная, что путь к Возрождению не легок и не прост.

Уже в начале 20-х годов XX века на территории Палестины начинается активное еврейско-арабское противостояние. И Жаботинский создает отряды самообороны. Но это не нравится местному военному руководству Великобритании, и в очередной раз он оказывается в тюрьме.. Прокурор на этот раз требует смертной казни, но приговор смягчен: 15 лет каторжных работ... В защиту Зеева Жаботинского поднялся едва ли не весь мир! Митинги проходят у посольств Великобритании во всех странах. Англичане вынуждены летом 1920 года освободить Жаботинского.

В. Жаботинский (второй слева) в тюрьме Акре. 1920 год.

Выросший в тонкого, расчетливого политика, Жаботинский не разделял мнения сионистских идеологов социалистического толка, уверовавших, что арабы Палестины оценят и воспримут те блага, которые несут им евреи, приехавшие из Европы. Не то и не другое. Потому что неизбывны среди арабских вождей экстремисты, для которых война не только важнее мира и всяческих благ, но составляет суть и цель их жизни. «Покуда есть у арабов хоть искра надежды избавиться от нас, они эту надежду не продадут ни за какие сладкие слова», – жестокое и правдивое предсказание.

В 20-х – 30-х годах Зеев Жаботинский прилагает немало усилий для расширения «еврейских территорий» в Палестине, создания новых ишувов, кибуцов. В 1921 году его избирают в состав правления Всемирной сионистской организации, но уже в январе 1923-го он демонстративно из него выходит, поскольку не разделяет «мирные» взгляды своих коллег. Он считает, что британские власти несправедливы в отношении евреев, столько сделавших вместе с англичанами для освобождения этих земель от турецкого ига. Англичане вели двойную игру, но по сути все же антиеврейскую.

Жаботинский придерживается мнения, что на территории Палестины должно быть создано сильное еврейское государство, допуская при этом наличие в нем арабской автономии, но напрочь отвергая мысль о социалистическом будущем. Влияние в стране сионистов-социалистов оставалось весьма сильным, и, наверно, это побудило Жаботинского создать новую партию – «Союз сионистов-ревизионистов». Главным же его достижением, исходящим из сознания того, что только сами евреи могут себе помочь, стало создание еврейской молодежной организации «Бейтар».

Когда гитлеровский фашизм навис над евреями всей Европы, Жаботинский наметил реальный план их спасения. Не только план – стратегию предстоящей эвакуации евреев Восточной Европы в Палестину. В 1937 году он создал в Палестине подпольную военную организацию, защищавшую еврейских поселенцев от арабских экстремистов, и в конце 30-х неустанно разъезжал по странам Европы и США, преисполненный желанием создать всемирный еврейский легион или армию для борьбы с Гитлером. По его замыслу, это должна была быть мощная военная группировка, которая вела бы военные действия против фашистов, находясь под командованием союзников.

Церемония перезахоронения останков В. Жаботинского.

В одном из выступлений в 1937 году он сказал: «Я надеюсь всегда, я желаю многого, я ожидаю малого...» Но, увы, и малого не вышло. Его план спасения был отвергнут не только правительством Великобритании и других стран, но и лидерами многих еврейских организаций. Быть может, это ускорило зародившуюся в конце 30-х Катастрофу. Если бы план Жаботинского был воспринят по-иному, не сомневаюсь, судьбы евреев Европы не были бы так трагичны. Правда, сегодня говорить об этом и печально, и бессмысленно.

Борьбу за возрождение государства Израиль Жаботинский не оставлял ни на мгновение. Верность своему народу, его истории свято хранил и, без преувеличения сказать, пронес через всю жизнь. Он умер легко, скоропостижно, как истинный праведник. И как принято говорить, «на боевом посту». Замысел его о создании еврейской армии был уже близок к цели. В феврале 1940 года в связи с этим Жаботинский отправился в США. Однако 4 августа 1940 года он умер в пригороде Нью-Йорка от разрыва сердца.

За пять лет до этого он завещал, где бы ни застала его смерть, при возможности обязательно перевезти прах в Эрец Исраэль. Это завещание было исполнено лишь спустя 24 года: прах его с тех пор покоится в Иерусалиме на горе Герцля, а во всех городах возрожденного государства Израиль есть улицы, названные в его честь.

Возродившийся в 120

Уже оставив статью о В. Жаботинском в редакции, я совершенно неожиданно получил приглашение в Одессу – на международную конференцию «Жаботинский – 120», которая и состоялась 8 ноября. Уговорить меня поехать в Одессу не трудно. Но здесь даже захватило дух, настолько я не ожидал такого замечательного повода. В течение семидесяти с лишним лет одно лишь упоминание имени Жаботинского могло привести в серые, как правило, здания КГБ (в Одессе, возможно, по иронии судьбы такое здание расположено на Еврейской улице).

Форум в честь Жаботинского собрался в литературном музее, где в начале века размещался клуб литераторов и актеров. В этом особняке князя Голицына в юности и молодости часто бывал Альталена. «Помещение... занимало целый особняк... Он находился в лучшем месте города, на самой границе двух его миров – верхнего и нижнего... В то подцензурное время “Литературка” (так называли клуб его завсегдатаи – М.Г.) была оазисом свободного слова; мы все, ее участники, сами не понимали, почему ее разрешило начальство и почему не закрыло...», – напишет он в книге «Пятеро».

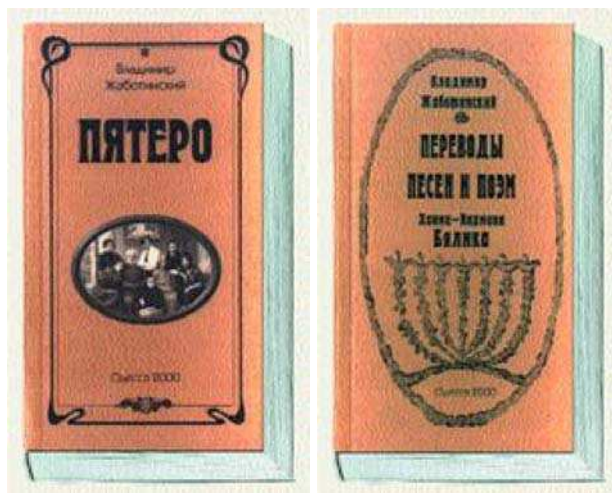
Итак, в знаменитом одесском особняке, где до сих пор витает дух Бялика, Бабеля, Бунина, Горького, Маяковского, Чуковского, Ильфа, Катаева, исполнительный директор отделения «Джойнт» Алекс Герштейн вместе с представителями одесской областной администрации открыл конференцию, а научному работнику литературного музея Анне Мисюк поручили открыть выставку, посвященную одесскому периоду жизни и творчества Жаботинского. О нем как о романисте подробно говорил профессор М. Соколянский (Германия). Интересны были доклады доктора М. Вайскопфа (Израиль) о женской теме в творчестве Жаботинского, профессора М. Фелера (Киев) «Жаботинский и украинский вопрос», ученого М. Кальницкого (Киев, Институт иудаики) «Киевские выступления Жаботинского». О роли Жаботинского в сионистском движении Одессы рассказал И. Котлер (Молдова). Выступили и сотрудники одесского Литературного музея Ф. Содомская («Портрет города в творчестве Жаботинского») и Е. Каракина («Жаботинский и Бабель – драма поколения»). О. Куникова, сотрудник музея К.И. Чуковского в Переделкино (Москва) подробно рассказала о бывших одноклассниках – Чуковском и Жаботинском. Полемику и многочисленные вопросы вызвал доклад профессора Л. Кациса (Москва, центр «Сефер») «Жаботинский и Розанов». Я также (представляя центр «Сефер») на этой конференции выступил с докладом о поэзии Жаботинского.

Замечательно, что к открытию конференции в Одессе вышли две книги: роман Владимира Жаботинского «Пятеро» (два издания, одно из них коллекционное, издательства «Оптиум», элитарный тираж), и книга песен и поэм Х.-Н. Бялика. В предисловии к этой книге, написанном руководителем Всемирного клуба одесситов Е. Голубовским, справедливо сказано: «До революции этот сборник стихов выходил как книга Бялика, переведенная Жаботинским. Спустя годы, зная жизненный путь, подвиг Жаботинского, можно смело сказать – это книга Владимира Жаботинского. Его переводов стихов и поэм великого еврейского поэта Хаима-Нахмана Бялика. Ибо так, как Жаботинский прочел и перевел Бялика, это не смогли сделать ни Вячеслав Иванов, ни Юрий Балтрушайтис, ни Федор Сологуб, ни Валерий Брюсов. И дело тут не в мере таланта, а в мере сопереживания, соавторства».

Вот и снова вернулся Вл. Жаботинский в свой родной город, о котором в романе «Пятеро» писал: «Глупая вещь жизнь... только чудесная: предложите мне повторить – повторю, как бы точь-в-точь, со всеми горестями и гадостями, если можно будет опять начать с Одессы...». И еще: «Подъезжая к Раздельной (Железнодорожная станция вблизи Одессы – М.Г.), я уже начинал ликующе волноваться. Если бы сегодня подъезжал, вероятно, и руки бы дрожали». Если б он сегодня подъезжал...

А в ту пору он знал (книга «Пятеро» написана в 1936 году – М.Г.), что пути в родной город для него навсегда отрезаны, и, быть может, книга эта стала для него прощанием и с молодостью, и с Одессой, и одновременно памятником городу, который в пору молодости Жаботинского был великим.

Сегодня около Литературного музея Одессы сад скульптур. В нем памятник Рабиновичу – известному герою одесских анекдотов, посвященный Менделю Мойхер-Сфориму. «Ты одессит, Миша» – называется скульптурный шарж на Жванецкого. Есть памятник-символ в память об Остапе Бендере. А недалеко от музея на Дерибасовской установлен замечательный, на мой взгляд, памятник Леониду Утесову... Хочется верить, что в этом неповторимом городе, подарившем миру так много выдающихся людей, когда-нибудь будет установлен и памятник Владимиру (Зееву) Жаботинскому.

**Когда в глазах темно от горя,
я вспоминаю край отцов,
простор бушующего моря**

и лодки полные гребцов.

...Давно в печальное изгнание

ушли Иакова сыны, –

но древних дней очарованье

хранят кочевники страны.

Они – как прошлого виденья

среди пришлых чуждых горожан.

И ты не можешь без волненья

Смотреть на стройный караван.

ГЕНЕТИК И БИОЛОГ

יְעֻבְבֵי אַבְבָּע

Много на свете рек и ручьев - больших и малых, бурных и тихих, стремительных и медленных, и все они питают Мировой океан, способствуют (если, конечно, не отравлены) расцвету и умножению жизни.

Так и люди. Каждый вроде ручья или реки - со своей географией, «руслом», целью. Каждый оставляет свой след в жизни.

В Екатеринославе (ныне Днепропетровск), что стоит на стремительной полноводной реке Днепр, в семье владельца лесопильного завода Евсея (Овсея) Гайсиновича, управляющего и лесосплавом, в 1906 году родился третий ребенок – сын Абба.

Откуда такая фамилия - Гайсинович? По семейным преданиям появилась она довольно необычным образом. Когда одному из предков Аббы Евсеевича по фамилии не то Нисневич, не то Кисневич пришла пора отдавать сына в солдаты, он подкупил урядника, составляющего списки призывников, и стал Гайсиновичем: по списку с фамилиями на букву «Г» призыв уже прошел. Так и стала передаваться из рода в род «счастливая» фамилия.

В семье Евсея Гайсиновича чтит родные традиции. Навсегда Абба сохранил память о праздновании Песаха, когда он как младший сын в ночь седера (обязательной пасхальной трапезы, проводимой в строго установленном порядке) на иврите задавал полагающиеся по праздничному обычаю вопросы: «ма ништана а-лайла а-зэ...»

Но вот где-то на холодной, опасной паводками Неве грянул Октябрь. Эхо его докатилось и до теплого Днепра. В революцию отец Аббы потерял все свое состояние. В 1922 году он переехал с семьей в Москву, а вскоре твердо решил уехать в Палестину. Оба его сына тогда уже учились в университете и сопровождать отца отказались. Жена не хотела расставаться с детьми, так что с Россией распрощался он один. С тех пор двое его сыновей и дочь писали в анкетах, что отец их умер в Могилеве...

Абба учился на биологическом отделении физико-математического факультета и окончил Московский университет в 1928 году. Уже в студенческие годы он поражал своей эрудицией, знанием истории биологии, умением обобщать полученные экспериментальные данные. Его дипломная работа, выполненная под руководством известного генетика С.С. Четверикова, получила высокую оценку. Было очевидно, что молодому человеку на этом не стоит ставить точку, надо «идти в науку». Он поступил в аспирантуру на кафедру генетики, возглавляемую профессором А.С. Серебряковым. Будучи аспирантом, начал преподавать, стал ассистентом в Первом медицинском институте и доцентом в Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской, где читал общую биологию и генетику.

Внезапно он заболел туберкулезом легких, причем тяжело. Болезнь требовала частой профилактики в санаториях. Абба Евсеевич был вынужден оставить экспериментальную и педагогическую работу. Он взялся за изучение истории биологии, особенно генетики. Оказалось, что он был историком по призванию, и жизненные обстоятельства способствовали тому, что все свои творческие возможности он осуществил в области истории биологии.

Шесть лет, начиная с 1934 года, А.Е. Гайсинович работал в Биомедгизе и Издательстве Академии наук, редактировал основные издания по генетике отечественных и зарубежных авторов. В это время он и сам много писал, его перу принадлежит большое количество статей, в том числе для Большой, Малой и Медицинской энциклопедий.

В середине 30-х вместе с профессором С.Л. Соболев Гайсинович основал серию «Классики биологии и медицины», в которой выходили сочинения Гиппократ, Аристотеля, Ламарка, Кювье, Шванна, Геккеля и других ученых. Он не только редактировал эту серию, но и писал вступительные статьи к изданиям, составлял комментарии. В 1938 году ему без защиты присвоили степень кандидата биологических наук, а спустя два года по конкурсу зачислили доцентом кафедры дарвинизма МГУ. Возглавлял ее тогда академик И.И. Шмальгаузен.

Рожденный в начале самого прогрессивного и самого жестокого века, Гайсинович соприкоснулся со всем, что было в нем. И все же судьба его, можно сказать, складывалась относительно ровно и, насколько это было возможно, благополучно.

Первые годы Великой Отечественной войны А.Е. Гайсинович провел в эвакуации в Новосибирске, где трудился научным редактором. Возвратившись в 43-м в Москву, он вернулся в Издательство АН, а затем стал ученым секретарем Комиссии по истории биологических наук.

В 1948 году Абба Евсеевич перешел в академический Институт Истории естествознания и техники, это, конечно, больше всего соответствовало его профилю и интересам. Но в тот же год, после злополучной августовской сессии ВАСХНИЛ, заклеившей классическую генетику, в начале осени его уволили из Института как «менделиста-морганиста». Что же, он рук не опускал – занимался канцелярскими и организационными делами в аппаратах Академии наук и Академии медицинских наук. Несмотря на царившие тогда в биологии произвол, догматизм, политиканство, Абба Евсеевич оставался верен науке, делая все возможное для публикации работ по генетике. В 1951 году он стал сотрудником Института морфологии животных им. А.Н. Северцова, а с момента основания академиком Б.Л. Астауровым Института биологии развития им. Н.К. Кольцова перешел туда, где и проработал до конца жизни.

Письма Ч. Дарвина, переписка И.И. Мечникова и братьев Ковалевских, которые подготовил Гайсинович, стали крупным вкладом не только в историю биологии, но и вообще историю культуры XIX века. Его блестящие доклады, многочисленные научные публикации (более 90 работ) по вопросам общей биологии, генетики и истории биологических наук, немало и популярных очерков давали возможность широкой аудитории знакомиться с достижениями и наследием отечественных и зарубежных ученых. За монографию «К.Ф. Вольф и учение о развитии организмов» (1961 год) ему была присвоена степень доктора биологических наук. Мне, автору этого очерка и научному редактору книги о Вольфе, приятно процитировать дарственную надпись, сделанную на книге Аббой Евсеевичем: «Мирре Евсеевне Аспиз на память о времени совместной работы над изданием книги от признательного автора».

Более чем полувековая творческая деятельность Гайсиновича имела достойный итог: двумя изданиями вышла в свет его монография «Зарождение генетики» (1967 год) и «Зарождение и развитие генетики», (1988 год). Он был награжден почетными медалями Георга Менделя и Н.И. Вавилова, пользовался большим авторитетом у отечественных и зарубежных (особенно французских и американских) ученых.

Что касается частной жизни Аббы Евсеевича, он был страстным коллекционером и библиофилом. Им собраны большие коллекции марок, экслибрисов, старинных гравюр. В его личной библиотеке было около четырех тысяч книг, среди которых много раритетов. Эти книги не просто стояли на полках, он знал каждую из них и даже будучи уже совершенно незрячим безошибочно находил нужную.

Ясность ума, творческая активность не изменяли ему до конца, недуги он переносил мужественно. Благодаря поддержке жены Анны Александровны, по образованию биолога, Абба Евсеевич работал буквально до последнего дня. Умер он в 1989-м в Москве. Спустя три года Анна Александровна уехала в Израиль. По ее инициативе и написан этот очерк. Еще раньше в Израиль переселилась сестра Аббы Евсеевича – Елизавета, там она и скончалась в 1999 году.

Возможно, к портрету А.Е. Гайсиновича несколько штрихов добавят сведения и о двух его братьях.

Родной брат, Самуил Евсеевич (1901 г.р.), был выдающимся деятелем народного образования, профессором, доктором педагогических наук. Многочисленные его работы посвящены преподаванию в фабрично-заводских училищах, проблемам политехнического образования. В 39-м его расстреляли. Посмертно реабилитирован.

Двоюродный брат Аббы Евсеевича – известный журналист, писатель, один из лидеров сионистов-ревизионистов Абба Ахимеир. Его настоящее имя Абба Шаул Гайсинович (1898 г.р.). В псевдоним он включил имя родного брата – Меира, погибшего в России в гражданскую войну. Впервые Ахимеир прибыл в Палестину в четырнадцать лет, а через два года вернулся в Россию, став членом Цеирей Цион. После первой мировой он изучал историю в университетах Льежа и Вены, а с 1924-го поселился в Палестине. Там он вскоре вошел в ревизионистскую партию, выступал за активное сопротивление мандатным властям, организовывал выступления протеста. Его неоднократно арестовывали, а в 1933 году даже обвинили в убийстве Хаима Арлозорова – лидера партии труда, и за организацию нелегального «Союза бунтарей», осудили на один год и девять месяцев тюрьмы. Но за недостаточностью улик он был оправдан.

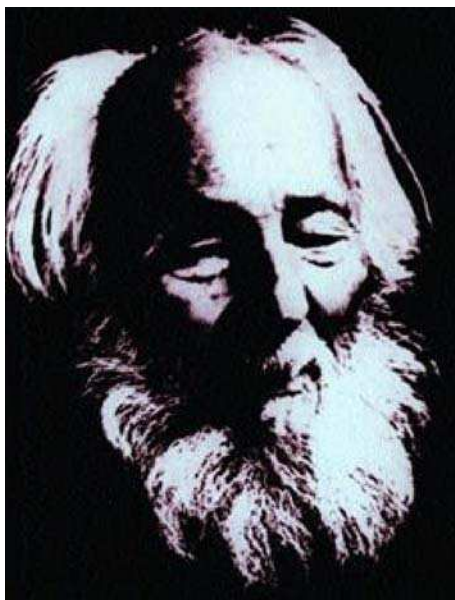
Об Ахимеире писали как о талантливом писателе, оставившем значительное творческое наследие. Вскоре после его смерти в 1962 году вышел двухтомник его «Избранных сочинений». С большим уважением к нему относился известный лидер сионистского движения В. Жаботинский.

Такой след Гайсиновичи оставили в науке и общественной жизни двух стран – России и Израиля. И он не потерялся во времени.

ВАН ГОГ В СКУЛЬПТУРЕ

Áðeãðeé Áíeñi íá

Об Исааке Иткинде

Скульптор Исаак Иткинд – это живое воплощение искусства, мастер, обладающий тем самым редкоземельным веществом, энергия которого в разное время клочкотала в Донателло, Тициане, Гойе, Пикассо, Шагале.

«Я считаю долгом тех, кто знал этого удивительного человека и выдающегося художника, рассказать о нем. Ведь его произведениям суждена долгая, славная жизнь». Это слова великого скульптора России Сергея Коненкова, друга Иткинда, поклонника его таланта.

Кто кто, а Коненков знал, что говорит. Сам Иткинд обожал Коненкова и говорил о нем только в возвышенных тонах.

В последний раз перед долгими годами забвения работы Иткинда экспонировались в 1937 году в Эрмитаже на выставке, посвященной 100-летию со дня смерти Пушкина. Кремлевский тиран дал указание провести годовщину смерти великого поэта «на должном уровне». Угодники расстарались. И годовщина смерти поэта отмечалась чуть ли не как всенародный праздник. «Пушкин» Иткинда был признан лучшим на конкурсе.

А для Иткинда этот год стал трагедией. Он был арестован как шпион, в Крестах (в годы сталинщины политическая тюрьма в Ленинграде) ему выбили зубы на допросах, отбили слух и сослали в Казахстан. Никто ничего не знал о его судьбе – потому и стали в каталогах указывать 1937 год как год смерти скульптора. А он прожил еще тридцать два года, создал множество произведений.

Есть в этом перст Г-спода и судьбы.

В 1965 году я был в Алма-Ате, отыскал Исаака Иткинда, долго беседовал с ним. Он подробно рассказывал о своей жизни, о работах, созданных им, объяснял свои мысли. Ощущение могущества искусства и непобедимой силы художника-творца исходило от этого человека. Он преодолевал все тяготы, был счастлив и жизнелюбив.

Благородные черты гения различимы были в его облике – для этого не требовалось особого труда.

Вот он сидит передо мной в белоснежной рубашке, праведник из праведников, бывший богослов и внук знаменитого Коцкого раввина, Ицхак сын Якова, знавший в молодости почти весь Талмуд наизусть.

- Вы знаете, мне уже скоро будет сто лет, я постоянно уменьшал себе годы, чтобы не пугать женщин своим возрастом... Скоро я переселюсь в рай, там много дерева для работы, много обнаженной натуры.

Глаза его сияют удивительным сиянием вечной мудрости Мастера.

Моцарт. Дерево. 1956 год.

Слушая его повествования, разглядывая его работы, пораженный масштабом личности этого человека, я подумал о том, сколько же лет должно пройти, чтобы люди поняли, оценили вклад этого художника в мировое искусство, признали его гением, как Цадкина, Башевиса-Зингера или Эйнштейна.

Исаак Иткинд был не только выдающимся мастером пластики XX века, но и замечательным писателем. Его устные рассказы приводили в восторг Горького, Алексея Толстого, Маяковского и Есенина. Все они относились к Иткинду с необыкновенной сердечной теплотой. Больше всего рассказы Иткинда напоминают прозу Менделеева, Мойхера-Сфорима и Шолом-Алейхема.

Самобытный почерк скульптора вобрал в себя достижения мировой школы ваяния. И равно так же его устные рассказы были плоть от плоти рождены высокими традициями еврейского народного творчества в области словесного искусства. Писатели настойчиво советовали Иткинду писать, но ему вечно не хватало времени. Ведь он не знал, что проживет сто лет, и всегда очень торопился. Да если бы и знал, то не такой человек был Иткинд, чтобы отвлекаться от своей основной профессии. Но читать Иткинд любил. Можно сказать, что он был заинтересованным и страстным читателем. Он знал Пушкина отменно, читал его на русском языке и в переводах на еврейский, знал Гоголя, любил Менделе Мойхер-Сфорима. В конце концов он взялся за перо, написал много, но при его кочевой жизни мало что сохранилось.

Алексей Толстой взял у Иткинда несколько рассказов и опубликовал их в майском номере журнала «Звезда» за 1934 год.

Мудрость, гуманистическая традиция, юмор, нотки иронии пронизывают рассказы великого скульптора.

Когда Иткинд работал над образом Пушкина, он сутками не выходил из мастерской, которую получил при помощи Кирова. (Возможно, это и послужило причиной его ареста.) Иткинд забывал обо всем. Он создал около ста изображений поэта. Как глубоко он почувствовал Пушкина! Смертельно раненый поэт прощается с жизнью. Он будто смотрит в самого себя, его взгляд выражает сожаление о безвременно оборванной жизни. Он умирает от руки мерзавца и ничтожества. Ведь Дантеса будут ненавидеть всегда. А Пушкина будут всегда любить. Об этом невольно задумываешься, глядя на работу Иткинда «Умиравший Пушкин». И его «Моцарт», и «Паганини» поражают силой художественного чутья, остротой личностного переживания художника.

1918 год. В театре «Габима» открылась персональная выставка И. Иткинда.

На ней было представлено тридцать портретов, композиций, сюжетных сценок – большая часть из них утеряна. Выставка имела серьезный успех.

«Моцарт» у Исаака Иткинда – сама непринужденность, детская доверчивость, открытость, романтический порыв. Свобода трактовки, лаконизм, простота, воплощенный пластическими средствами одухотворенный идеал прекрасного – все это под рукой Иткинда обретает высочайший образный смысл. Поначалу кажется, что Моцарт внешне мало похож на то изображение, которое приходилось видеть, ведь были прижизненные портреты, салонные, парадные, пустые. Изображение Моцарта попадалось даже на конфетных обертках.

Иткинд обладал даром постижения человека путем тончайшей интуиции. Каждый образ человека у Иткинда уловлен сильным чувством, особым эмоциональным восприятием. Это душевные колебания такой частоты, которые улавливает только гений. Не только улавливает, но может их воплотить в материале. Иткинд был скульптор от Б-га. Он не раз говорил: «Мне кажется, что портретное сходство в скульптуре не особенно важно. Имеет решающее значение внутренний мир человека. Когда я смотрю на живую натуру или работаю по воображению, для меня важна человеческая сущность, характер человека. Именно это я хочу выразить в работе. Самое ценное, что есть в человеке – его душа. Она прекрасна. А прекрасное вечно. Вечность – это бессмертие. Еще Леонардо говорил: главная цель портрета – уловить в лице душу».

Но надо знать Иткинда: за внешностью он различает вполне определенные черты гения, будь то Моцарт, Пушкин или Паганини. В Моцарте он улавливает неслышимые звуки, энергичный душевный порыв.

Дерево под его резцом оживает, возникает атмосфера сильного музыкального переживания.

Обаяние Моцарта скульптор передает улыбающимися глазами, излучающими чистый свет, благородным рисунком мягких губ, выразительной смиренностью этого необыкновенного лица.

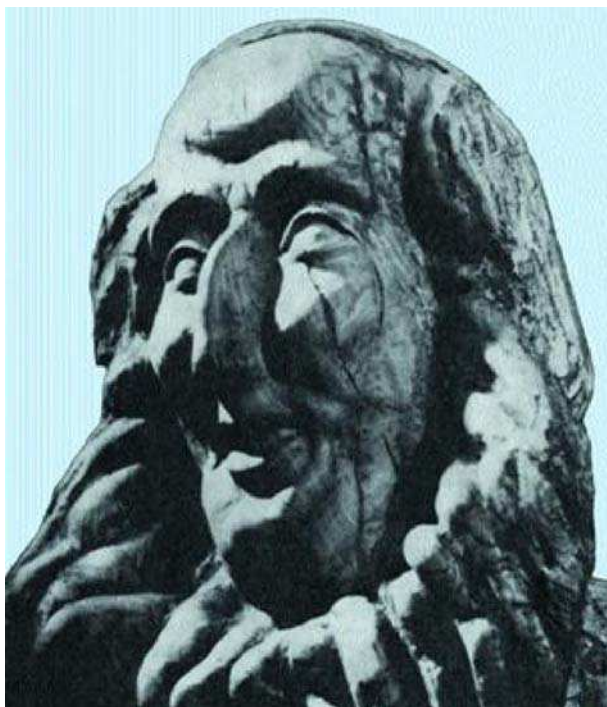
Глядя на «Моцарта», которого создал Иткинд из куска дерева, начинаешь думать о том, что перед тобой самый загадочный гений во всей мировой музыке. Неумолимый Моцарт написал пятьдесят симфоний, а его мелодический дар не знает себе равных.

«Я клавишей стаю кормил с руки» – стихи Пастернака как нельзя более точно характеризуют образ Моцарта, оставленный людям выдающимся скульптором. Не забудем и пушкинское: «Ты, Моцарт, – бог, и сам того не знаешь!».

Рядом с «сочным», хохочущим Паганини резьбы Иткинда его «Моцарт» кажется более сдержанным в пластике, даже суховатым. Но это неверное, поверхностное впечатление. Образ Моцарта вливается в вас точно небесная музыка, исполненная большого общечеловеческого смысла. Иткинд применяет глубоко индивидуальный способ трактовки образа, свойственный только ему одному. Он создает впечатление нераздельной художественной цельности и глубины. Изящество и артистизм вместе с выразительной моделировкой формы, обостренность чувств и трепетная нежность придают портрету Моцарта странную «планетарность» и космичность. «Быль отдельного лица» носит характер всеобщности. Моцарт у Иткинда согрет идущей из его щедрого сердца добротой и любовью. Этот портрет покоится на тесном союзе сильных чувств и гениальной пластики. Он является шедевром в портретной галерее мировой классики.

Много портретов создал Исаак Иткинд в своей жизни. Этот жанр он любил: Поль Робсон и поэтесса Берта фон Зутнер, Шекспир и Пушкин, портреты простых людей – литейщиков и монахов, сапожников и талмудистов, еврейской бедноты, юношей и девушек – из всего им созданного сохранилась одна треть. Но «Моцарт» в этом ряду – особенный. Скульптор говорит нам: «Этот гений все превращал в музыку своим претворяющим прикосновением, над его головой звучали тысячи серебряных колокольчиков».

- В моей жизни было два знаменательных случая, - рассказывал Исаак Яковлевич. - У меня купил работу Савва Морозов, один из самых богатых людей России. Я стал знаменит. Максим Горький ходил повсюду и говорил: Иткинд! Иткинд! Слава пришла ко мне. А вскоре после революции приехал брат 26-го президента Америки Теодора Рузвельта, купил у меня работы и стал звать меня поехать с ним, сулил богатство и признание. Конечно, посмотреть на мир очень интересно... Я не поехал. И не жалею об этом. Вы знаете, кто написал обо мне первую статью? Еврейский писатель Перец Гиршбейн. Я ему очень благодарен. Его статья была помещена в газете «Северо-западный голос» в Вильно. Мне собирали деньги по дворам хасидов, чтобы я мог учиться в Москве или в Петербурге. И я поехал учиться, чтобы стать профессиональным скульптором. Фердинанд Рушиц, Сергей Михайлович Волнухин – мои учителя. Вы знаете, я очень люблю молодых девушек, ведь каждую из них можно превратить в скульптуру под названием «Весна». Смерти я не боюсь, но боюсь, что меня положат рядом с какой-нибудь старухой. А этого мне очень не хочется...

Паганини. Дерево. 1959 г.

Я уверен, что работы Иткинда будут отыскивать и дорожить ими не меньше, чем произведениями Рембрандта или Ван-Гога. А сегодня нужно искать спонсора, чтобы устроить в Москве в Третьяковской галерее его персональную выставку. Согласие галереи имеется.

Андрей Игнатьевич Алдан-Семенов, писатель, поэт, бывший зэк сталинских лагерей написал как-то статью об Иткинде. Она была опубликована в газете «Казахстанская правда» 19 декабря 1958 года. Начиналась она словами: «жили и всегда будут жить на земле люди, создающие вокруг себя атмосферу доброжелательства, активной деятельности и сердечного внимания». Это знаменательные слова.

Исаак Иткинд относился к тому редчайшему на земле типу людей, которые сеяли добро. Ведь призвание художника в том и состоит, чтобы сеять разумное, доброе, вечное. Призывать людей к сотрудничеству, доброжелательству, к свету. Большая часть произведений Иткинда пронизана живительным светом добра. Он любил больше всего

изображать людей чистых, светлых, добрых, талантливых. Другая половина его работ отражает силы зла – расовую ненависть, погромщиков, фашистов, нелюдей. В таких работах скульптор достигает выразительной мощи. У Иткинда была идея создать портрет тирана – жестокого, одинокого, полусумасшедшего старика, достигшего высшей власти. Он не доверяет никому, даже собственным детям. Во всех талантливых людях он видит соперников или врагов. Он живет унылой жизнью постоянно торопящегося человека и не знает, что торопится к смерти. Хотя, раздумывал художник, портрет тирана или палача всегда пессимистичен, а пессимизм бесплоден, особенно для художников. Надо остерегаться одних мрачных красок. К такому выводу Иткинда приводил весь опыт его долгой жизни.

У Алдан-Семенова сохранились в записных книжках высказывания Исаака Яковлевича. Вот некоторые из них. «Мои седины не позволяют мне изменять правде». «Слава – временный успех на бирже жизни». «Я хочу, чтобы каждый человек сам догадывался безо всяких подсказок по моим работам, что это “Поэт”, это “Музыкант”, это “Мыслитель”, это “Пророк”. Мастерства, глубины не хватает нашему брату».

Иткинду хватало и мастерства, и глубины мысли, и силы чувств. Не зря о нем говорили, что он разжигал вокруг себя огонь творчества, не страшась опалиться.

У Иткинда было убеждение, что человек должен страдать, у каждого свой рок на этой земле. Возможно, это и помогло ему перенести все несчастья, невзгоды, муки. Когда его каждый день били в тюрьме, требуя признаний о шпионаже в пользу Японии, он раздумывал о том, что страшна не одиночка, не голод, а ожидание. Человек в конце концов ко всему привыкает. Ожидание – вот что было мукой для Иткинда. Он понял, что здесь попораны все права, все человеческое. Иткинд отлеживался. Ему приносили хлеб, он собирал мякоть и лепил фигурки людей. Творчество, любимое дело спасало его. Он был Стоик, Титан. У него была молодая, звонкая, постоянная любовь к жизни. Ему было интересно жить. Да и люди, которые встречались на его пути, были необыкновенны. Взять хотя бы Маяковского. Иткинд относился к нему с отцовской нежностью. И говорил: «Маяковский был весь поэт. И голос. И рост. И даже палка – поэт».

Однажды Маяковский пригласил Иткинда на вечер футуристов. Привыкший к тишине мастерской скульптор попал в такую непривычную обстановку, что даже слегка ошалел. За столом сидели Давид Бурлюк, Каменский, Маяковский, Есенин. Все в зале, набитом битком, орут, лезут на столы. Бедлам, сумасшедший дом...

«С Есениным мы были знакомы давно, встречались в мастерской у Коненкова, пили спирт. Сережа был как земля – простой, красивый, как ветер, по возрасту мальчик, но мальчик гениальный. Я его очень любил.

Вдруг Маяковский объявил: “Здесь среди нас присутствует знаменитый скульптор Исаак Иткинд. Интересно, что он думает о футуризме?”

Меня подняли на руки и поставили на стол. Надо было что-то говорить.

- Я вам сейчас расскажу одну притчу из Талмуда...

В зале поднялся дикий хохот. Но тут зарокотал мощный бас Маяковского: “Дайте Иткинду говорить! Талмуд и футуризм - это очень интересно”.

- Однажды мудрец и мальчик пришли в огромный город и попали на базар. Это было очень давно, много веков назад. Один из торговцев на весь базар орал: “Вот самое гнилое мясо. Всего десять грошей!”

Рядом стоял другой торговец и робким голосом говорил: “Вот свежее мясо, всего два гроша.” Но никто не обращал внимания на него, а к продавцу за десять грошей ломилась толпа.

И тогда мальчик спросил у мудреца: “Скажи мне, почему гнилое мясо берут за десять, а свежее не берут за два гроша?”

Мудрец усмехнулся: “Знаешь, сынок, все просто – сейчас мода на гнилое мясо!”

Зал взорвался оглушительными аплодисментами.

- Так и вы здесь кричите все: дайте нам гнилого мяса, дайте!»

Есенин тут же влез на стол и сказал: «Я не знаю Талмуд, не знаю, есть ли там такая притча, но даже если Исаак выдумал это сейчас – все равно скажу: здорово выдумал, молодец!»

Иткинд не мечтал обессмертить себя. Он просто работал. Работал всю свою долгую жизнь. В искусстве, в его истории часто бывало, что художника забывали надолго. Потом спохватывались. Забывали Рембрандта, забывали Вермеера. Забыли Иткинда. Но все становилось на свое место. Пусть и не сразу. Время Иткинда обязательно придет.

Когда-то в Малаховке, в Подмосковье художники стали обучать искусству беспризорных детей. Там преподавали Марк Шагал и Исаак Иткинд. Один вел уроки живописи, другой – искусство лепки.

Мастер среди своих работ чувствовал себя всегда хорошо, забывал о болезнях, обо всем на свете.

В свободное время Иткинд резал из дерева. Шагал часто заглядывал к Иткинду, восхищался его работами. Личность скульптора, бывшего талмудиста, вызывала у него непреходящий интерес. «Твоя скульптура, Исаак, взобралась на гималайскую высоту, – сказал как-то Шагал, – высоту движения духа. Она парит, она чарует. Тебе удастся сплавить воедино пластическое и поэтическое. Фактура дерева у тебя звучит как музыка. Я всем говорю: Иткинд – это Ван Гог в скульптуре!»

Гению доступно многое, чего мы не узнаем никогда. Убежден, что Иткинду слышалась музыка сфер, голос природы, пение деревьев. Он видел и слышал голос вечности. И оставил людям все им услышанное в изумительной пластической форме.

Он жил в городке Сморгони Виленской губернии. Таких городков, набитых голью да нуждой, было великое множество в Российской империи. И жители Сморгони, равно как и другие подданные его царского величества, должны были трудиться в поте лица и верно служить узаконенной власти.

Сын местного учителя Исаак Иткинд, как и было положено по религиозному уставу, жил обычной жизнью аскета, спал на голых досках, переходил из семьи в семью, читал Талмуд, за что его кормили добрые люди. Понавидался он и горя и несчастий по самое горло и удивлялся Всевышнему, что он допускает на земле жестокость и несправедливость, мучения людей.

Однажды в субботу он отправился в лес на прогулку и попал на рабочую сходку. Молодые парни пели необычные песни о равенстве и братстве. Послушал Иткинд эти песни, и они сильно увлекли его. Посмотрел он повнимательнее на этих людей, на их грубые, заскорузлые руки, на их темные хмурые лица. Рабочие приняли Иткинда как своего, они его не опасались, не гнали, не отталкивали. А потому Иткинд попросил у них разрешения прийти в следующий раз, когда они соберутся. Ему охотно разрешили. И в другую субботу он снова был среди них. А вскоре бывший талмудист, не обращая никакого внимания на уговоры, мольбы и угрозы, пошел работать переплетчиком.

Жажда творчества, дремавшая в нем, проснулась, стала искать выхода в ремесле. Он перепробовал много профессий, часто менял работу. Но удовлетворения она ему не приносила.

Никогда Иткинд не чувствовал такого предельного отчаянья. Впереди его ждали тяжелые испытания, среди них годы голодного бездомного существования, но муки, которые он испытывал тогда, не шли в сравнение ни с какими другими. Пропала вера, а с нею – смысл, наполненность жизни.

В то же время он чувствовал, что есть какая-то область, будто созданная специально для него, где он мог воплотить все стремления своей души.

Иткинд снова очутился в типографии, изобрел пресс для тиснения. Хозяин ему заплатил шестьсот рублей, деньги совсем не шуточные по тем временам.

А где-то рядом скрывалось то, ради чего он жил на земле. Но он не знал не только где, но и что ему искать. Об этом были его тревожные ночные думы.

Вот тогда-то и попала ему в руки монография об одном из крупнейших русских скульпторов М. Антокольском. Два дня и две ночи не отрывался Иткинд от этой книжки.

Господи, какую невысказанную красоту могут сотворить руки человека! Поразило Иткинда, что Антокольский родился в Вильно, совсем рядом с его Сморгонью. Он родился всего на четверть века раньше Иткинда, но сколько успел сделать! С жадной страстью разглядывал Иткинд воспроизведенные скульптуры «Портной», «Скупой», «Нестор-летописец», «Христос перед народом». В каждой работе мастера был четко выраженный характер человека. Когда Иткинд-переплетчик открыл для себя искусство, скульптуру, Антокольского уже не было в живых. Но как вовремя, как неизбежно произошло знакомство Иткинда с его работами! Антокольский дал ему тот толчок, который страстно искал не осознавший себя талант. Он научил Иткинда смотреть на мир иными глазами.

И вот с самозабвенностью, свойственной этой натуре, бывший талмудист, бывший переплетчик погружается в творчество. Воображение его подобно раскаленной лаве, она рвется наружу, и он едва успевает повелевать этим стремительным потоком, придавая ему нужную форму.

Он лепит образы сморгоньской бедноты. Без помощи и руководства, на свой страх и риск, не зная, что из этого выйдет и выйдет ли вообще что-нибудь путное, он заканчивает одну композицию за другой. Работает днем, работает ночью. У него щемит сердце, когда не получается.

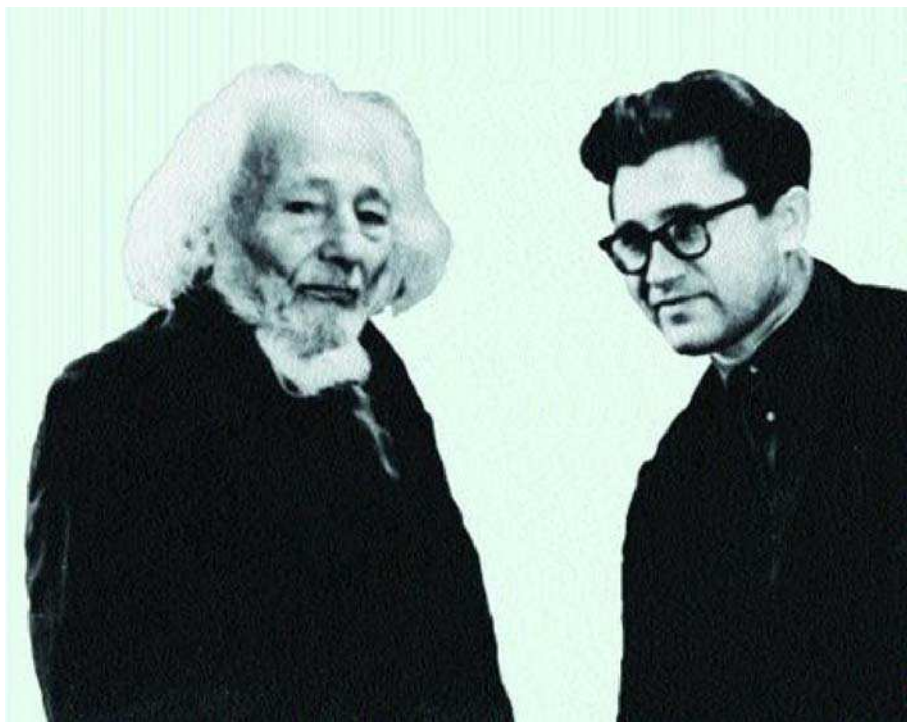
Но неудачи не сбивают его. Теперь уже творчество поглощает его целиком.

- Вы слышали, Иткинд сошел с ума, - говорили тогда в городе, - он притащил глину и лепит у себя дома каких-то болванов! Вы только подумайте! У него прекрасное образование, он мог бы жениться на богатой невесте и безбедно прожить жизнь. А вместо этого он таскает мешки с глиной...

Люди крутили у виска пальцем и пожимали плечами. Потом кто-то привел к Иткинду писателя Переца Гиршбейна. Тот долго разглядывал скульптуры Иткинда. Они были сделаны с такой энергией, с таким талантом, с такой лихорадочкой мысли и чувства, что писатель подавленно молчал, поджимая губы и покачивая головой. Он написал об Иткинде первую статью в газете, где говорилось, что публика должна обратить внимание на талантливого самоучку, поддержать его.

Газета дошла из Вильно до Сморгони быстро. Рабочие собрали деньги и отправили Иткинда в Виленское художественное училище. Там работы Иткинда увидел профессор краковской Академии Фердинанд Рушиц и заинтересовался его судьбой. Профессор Рушиц и директор художественного училища Рыбакет устраивают выставку начинающего скульптора. На ней побывали некоторые московские меценаты.

Иткинд получает субсидию и перебирается в Москву, где попадает в студию замечательного ваятеля Сергея Михайловича Волнухина, автора памятника первопечатнику Ивану Федорову.

Иткинд любил общаться с молодыми художниками. На протяжении многих лет дружеские отношения связывали его с талантливым живописцем Алексеем Степановым.

С тех пор прошло много лет. Талант Исаака Иткинда снискал ему любовь многих людей, среди которых были Луначарский, Горький, Маяковский, Есенин, физиолог Павлов. С работами Иткинда по репродукциям был знаком Пикассо. В 60 музеях Советского Союза, в 30 частных коллекциях есть произведения этого выдающегося ваятеля. Имеются они и в других странах мира – в США, Канаде, Индии, Франции. Кажется, судьба действительно улыбнулась этому человеку.

Рассказывают, что как-то в Алма-Ате к скульптору громко постучали. Он открыл дверь. На пороге стоял высокий худощавый человек с длинными седыми волосами. Он стоял, не двигаясь и не сводя с Иткинда пристального взгляда. Это был очень старый человек с одутловатым лицом. Одна рука его была заложена за борт легкого серебристого плаща, другая покоилась на золоченой гриве льва - набалдашнике старинной трости.

Поскольку гость молчал, скульптор, ничего не говоря, сделал широкий приглашающий жест. Они прошли в комнату. Незнакомец придирчиво осмотрел маленькую, бедно обставленную комнату, степенно уселся.

- Скажите, вы Иткинд из Сморгони? - строго спросил пришелец.

- Да, я тот самый Иткинд, - с улыбкой ответил скульптор.

- И вы учились семьдесят лет назад в ешиве?

- Да, учился.

- Меня зовут Соломон. Я вижу - вы меня не узнали! А ведь мы когда-то учились вместе... Были друзьями. Я живу в Вильнюсе...

Теперь Иткинд узнал его. Он засмеялся.

- Я очень рад нашей встрече. Ах, молодость! Как далеко она отлетела. Как время бежит и куда оно так торопится, Б-же мой...

- Б-га ты давно забыл, Иткинд, - отрезал бывший товарищ. - Я пришел, чтобы напомнить тебе о Б-ге. - Желтое лицо Соломона внезапно порозовело.

- Хорошо! – воскликнул Иткинд. - Очень хорошо! Ты можешь говорить мне все, что хочешь. Я не обижусь, видит Б-г.

- Не трогай Б-га, - сказал гость, - ты ж его бросил. А я, как видишь, верен Ему. Я прожил честную жизнь. А ты, Исаак? Как ты жил, с чем остался?

Два старых человека пристально смотрели друг на друга. Пытливое беспокойство светилось во взгляде раввина, а художник, глядя на него, ничуть не смутился. Он был безмятежен.

Иткинд смежил веки и что-то замурлыкал себе под нос. Потом он открыл глаза и снова поглядел на посланца из своей юности. Тот сидел все так же неподвижно и прямо, сцепив на животе сухие тонкие пальцы. И взгляд у него был тот же - суровый, сосредоточенный, вопрошающий. «Ах, какая прекрасная модель, готовая скульптура! - подумал Иткинд и, еще раз глянув на необычного гостя, понял, что он приехал не просто так. - Совсем не для того проделал этот хитрец столь трудный и дальний путь, чтобы напомнить мне о Б-ге или узнать подробности моей жизни. Какое-то очень важное дело привело его ко мне. Что ж, подождем...»

- А знаешь, Соломон, ты очень хорошо выглядишь, - сказал Иткинд искренно, с дружелюбной нежностью. - Ты мне очень помог тем, что пришел ко мне.

- Я? Каким образом? - живо спросил раввин.

- Сейчас я скажу каким. всю мою жизнь люди помогали мне. Помог Антокольский. Увидел я книгу о нем и стал скульптором. Помог Рущиц, потом Горький. Я попал к Волнухину. Он тоже помог. Со мной многие возились. И Коненков, и Луначарский. Когда я болел, меня регулярно навещала Голубкина. Меня постигали неудачи – и мне охотно помогали. Я ничего не просил, не требовал. Никому не жаловался. Я жил и работал. Мне нужно было довести до конца начатое. Я стоял на своих ногах. Глина, мрамор, дерево - вот и все, что мне было нужно... И мне помогали. - Иткинд засмеялся: - Вот и ты мне помог, Соломон. Ты нашел меня, ты ко мне приехал. И мы с тобой снова вернулись в нашу юность.

- О чем ты говоришь, Иткинд? Чем я тебе помог? Мы прожили такую долгую и такую трудную жизнь! Чему ты смеешься?

- Я смеюсь от счастья. А ты помог мне острее его почувствовать.

Гость растерянно улыбнулся, подошел к скульптору и неловко чмокнул его в щеку. Потом снова уселся и заговорил мягким, проникновенным голосом:

- Мне стыдно перед тобой, Иткинд. Я ничего для тебя не сделал. Ничем не помог, прости меня за это... Я тебя осуждал. Я человек маленький, а ты – ты большой

человек. Я приехал к тебе за помощью. Меня послала наша община. Нам нужен твой резец скульптора. Нам нужны твоё сердце, руки и голова, Иткинд...

- Говори, - тихо сказал Иткинд. А сам печально подумал о том, как некстати ему стали отказывать ноги. Руки-то у него ещё работают безотказно. Руки - молодцы. Но несчастная астма держит его в ловушке. Не будь её – он работал бы, как всегда, каждый день. С утра до вечера... - Что от меня нужно? - спросил Иткинд.

- Недалеко от Вильнюса есть место, где фашисты во время войны расстреляли шесть тысяч человек. Там были дети и взрослые, гражданские и военнопленные, люди разных национальностей. Среди них было много еврейских семей. Мы обратились к правительству Литвы с просьбой поставить памятник. Деньги у нас есть. Нам дали разрешение тут же.

Портрет поэтессы Берты фон Зутнер. Дерево. 1962 год.

Мы хотим, чтобы этот памятник сделал ты!

- Я сделаю! - немедля ответил Иткинд. - А что бы вы хотели? - быстро спросил он.

- Ты художник - тебе и решать! Твой труд будет хорошо оплачен.

Иткинд досадливо махнул рукой:

- Деньги мне совершенно не нужны. Но помощники необходимы. Ты можешь мне прислать трех молодых крепких парней?

- Через неделю они будут у тебя! Мой друг - Юозас Микенас, он преподаёт скульптуру в художественном институте. Он даст мне трех своих студентов. Для них это будет практика...

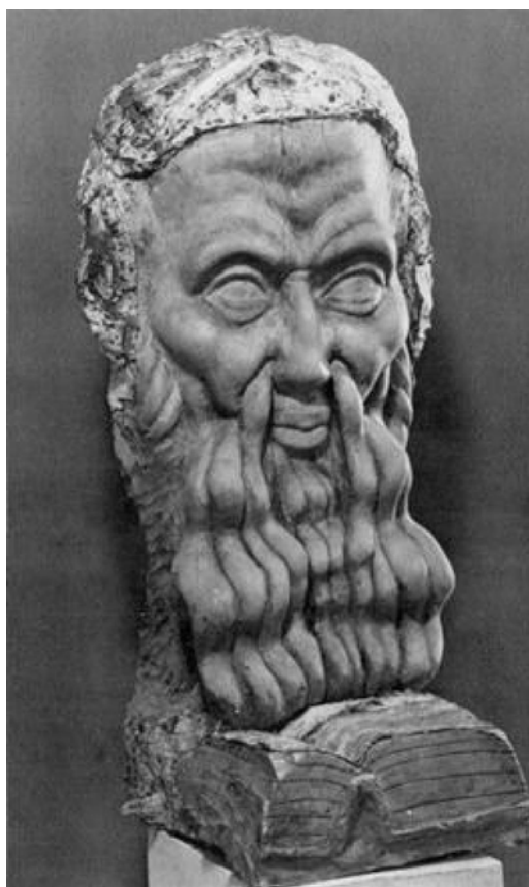
- Ну вот и договорились! Я сделаю быстро этот памятник, вот посмотришь. И люди будут довольны моей работой.

Сердце у Иткинда сладостно замирало, выпуклый лоб напрягся. Он уже что-то прикидывал в голове, шевелил пальцами, начисто забыв о госте и обо всем на свете.

Вид у него был радостный и просветленный. Осознанная цель неизменно вызывала в нем бурный приток сил. Откуда они брались, он и сам не знал.

Когда в Москве проходили декады казахского искусства, всесоюзные выставки и смотры достижений республик, я встречал произведения Исаака Иткинда. Имя это упоминалось в рассказах алма-атинских художников. Оно было окружено легендами и разными занимательными историями. Я слышал о редкостном простодушии Иткинда, о его мудрости, удивительном бескорыстии. Рассказывали о его озорных проделках, будто он распускал слухи о своей смерти, а когда сбегались соседи, он вставал как ни в чем не бывало с постели и, напевая, отправлялся в мастерскую.

Вплотную с его судьбой и биографией мне довелось столкнуться, когда референт Союза художников СССР по Казахстану Маргарита Ниловна Халаминская попросила меня подготовить статью в газету к 90-летию со дня рождения художника. Мне дали целую папку газетных вырезок, статей и документов, из которых я многое узнал об этом славном мастере и чудодее.

Мудрец. Дерево. 1958 год.

Представление о странной и почти мифической фигуре, какой рисовали Иткинда слухи и легенды, быстро изменилось у меня, когда я прочитал о нем почти все,

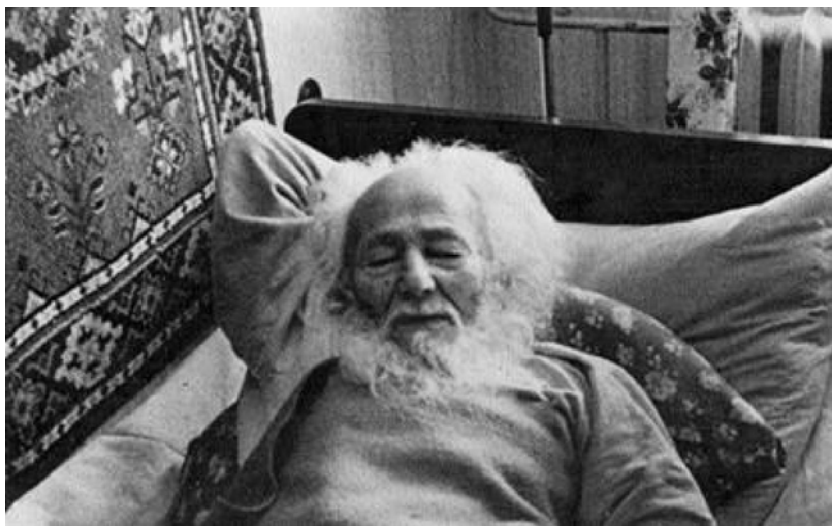
что было написано за девять десятилетий его жизни. Ясно и отчетливо вырисовывался из всего этого облик выдающегося мастера пластики. Мне попадались утверждения о том, что Иткинд прожил свою жизнь как бедный страдалец и напрасно обрек себя на это поприще, что в целом судьба его сложилась драматично и что он прошел сложный и противоречивый жизненный путь. И все это можно было подтвердить многими фактами биографии художника. Ну, взять хотя бы одно свидетельство журналиста двадцатых годов, который на задворках одной из провинциальных богаделен нашел странного человека. Странность его заключалась в том, что он был тих, добр и оборван. На крепком теле этого человека были только женская рубашка, солдатские штаны и... галстук.

Когда этого странного человека спросили, что ему нужно, он ответил кратко:

- Дайте мне несколько фунтов глины и сарай.

Ему дали глину и куски дерева, нашли помещение, и он приступил к работе. Это было в Симферополе. Через некоторое время в городе открылась выставка. И странный человек тоже принес свою скульптуру на выставку. Он вырезал из дерева композицию «Голова мертвого красноармейца». На вернисаж он пришел босиком, в рваной солдатской шинели. По одной работе все поняли, что перед ними большой скульптор. Об Иткинде заговорили, на помощь пришли местные власти, работники искусств. А до этого Иткинд в течение четырех дней съедал один фунт сухого хлеба. Неужели Наркомпрос не находит возможным заинтересоваться этим одаренным художником? – таким вопросом заканчивалась газетная заметка, где автор попутно сообщал, что какие-то богатые американцы чрезвычайно заинтересовались и самим скульптором и его работами.

О голодающем скульпторе из России напечатала статью и лондонская «Таймс». Вскоре в «Вечерней Москве» появилась статья Анатолия Васильевича Луначарского «Почему голодает скульптор Иткинд?». Сегодня нельзя без улыбки читать несколько раздраженный ответ добрейшего Луначарского на все заметки о тяжелом материальном положении Иткинда. По всему видно, что его «допекли». О чем же писал тогда Луначарский? «Вообще говоря, государство отнюдь не имеет на себе обязательства поддерживать взрослых талантливых людей, которые, как и всякие другие граждане, должны сами находить себе то или другое подспорье, тот или другой заработок». Далее нарком сообщал, что Иткинду была переведена сумма в 300 рублей как единовременная помощь, и заканчивал свою статью призывом: «Не надо постоянно виснуть на государстве, которое у нас далеко не богато и которое не может взять на себя какую-то особую роль единственного покровителя искусств и единственного покупателя художественных произведений» («Вечерняя Москва», 28.02.1928).

Исаак Иткинд у себя дома. Алма-Ата. 1967 год. Фото автора.

Конечно, призыв «не виснуть на государстве» к Иткинду отношения уже не имел. Он и не виснул. Он всегда умел обходиться малым.

Множество всевозможных мучений перенес этот человек в своей жизни, длившейся целый век. Но высота его духа не снижалась, творческая мощь не ослабевала в житейских бурях и водоворотах.

Иткинда часто описывали как комика и чудака, рассеянного до последней степени: дорогу из мастерской к себе домой он самостоятельно найти не мог и нанимал мальчика, который доставлял его по адресу. Костюм его был вечно перепачкан в глине, но чистился он щеткой только спереди, и, когда ему говорили, что нужно бы почистить и сзади, он отмахивался и отвечал, что там неважно. Как-то сын скульптора И. И. Иткинд показал ему изящный китайский перочинный ножичек. Скульптор долго любовался им, не выпуская из рук. Потом сын попросил его опустить в почтовый ящик письмо. Отец ушел и долго не возвращался. Вернулся он чем-то расстроенный. В руках у него было письмо.

- Папа, почему же ты не опустил мое письмо? - удивленно спросил сын.

- Ты знаешь, мальчик, вместо письма я опустил в ящик твой ножичек. Так жаль... Ведь его тебе подарила сама Анна Семеновна Голубкина!

«Я боюсь, я очень боюсь, что скоро начнут появляться воспоминания про Иткинда, про беседы с ним, про его рассуждения об искусстве, о мастерстве художника, о его роли в общественной жизни.

Исаак Яковлевич говорить любил, любил заводить знакомства, любил разговаривать с малознакомыми людьми, гулять с ними, обедать с ними, рассказывать о себе, но вот об искусстве он никогда ни с кем не говорил. И, вероятно, оказался бы в самом серьезном затруднении, если бы его спросили, что ж такое, по его мнению, искусство; лекцию же Иткинда о его творческом методе я вообще представить себе не могу. Он был мастером, то есть просто работал – и все. И работал споро, самоотверженно, и всегда весело...» Эти слова об Иткинде написал Юрий Осипович Домбровский в своей книге «Факел». Здесь все сказано предельно ясно и очень верно. И опасения Домбровского вполне оправданны: писать о художнике нужно так, чтобы слова не стесняли свободу его творческого духа ни в чем. Однажды у Иткинда все-таки спросили, а

что же такое, по его мнению, искусство? Он усмехнулся, ответ на этот вопрос не вызывал у него никаких затруднений:

- Искусство - это что-то большое, как Тихий океан... А скульптура - остров в этом океане. Я сижу на этом острове и совсем не чувствую себя Робинзоном...

Когда мне впервые довелось увидеть Исаака Яковлевича Иткинда у него дома в Алма-Ате, я был поражен. Он лежал на постели, ему было почти сто лет, лицо у него было румяное, глаза не потухшие, как у очень старых людей, а молодые, с какой-то озорной искоркой.

Я не мог оторвать глаз от сияющего лика с высоким выпуклым лбом, окаймленным по бокам прямыми белыми волосами. Разрез глаз у Иткинда был восточный, борода из тонких пушистых волос росла лопатой. У него было лицо пророка, мудреца, который вот сейчас, в эту минуту откроет чудесные неожиданные истины. Но говорил Иткинд тихо, невнятно и невразумительно. Я долго пытался разобрать хотя бы отдельные слова, нагибался поближе, переспрашивал. Иткинд снова что-то говорил, улыбался, вздыхал, хитровато заглядывал мне в глаза.

Я беспомощно развел руками. Исаак Яковлевич сел, спустил вниз ноги, набросил на плечи одеяло.

- Ваше лицо кажется мне знакомым... Мы где-то уже встречались с вами... Да?

Иткинд перевел взгляд на тех, кто пришел со мной.

- И тех людей я тоже знаю, скажите мне, кто они?

Я как-то привык к голосу Иткинда и внезапно стал понимать каждое его слово, каждый звук. Я сказал, что пришел к нему в гости со своими друзьями. Один из них – москвич, архитектор Миша Насекин, а второй – живописец Леша Степанов, алмаатинец, он и привел нас, третий – Юра Мингазитинов, кинорежиссер и художник.

Иткинд приветливо покивал им обоим, пригласил сесть к себе поближе, подвинуть стулья.

- Ко мне теперь редко приходят, поэтому я вам очень рад! Поверьте мне, очень рад! Моя жена Соня ушла в магазин, и ее уже полдня нет. А мне скучно одному... Я лежу, вспоминаю, разговариваю сам с собой, коротаю время. Соне уже 60 лет, для меня она старая.

Иткинд заговорщицки подмигнул одним глазом, засмеялся.

- Я всю жизнь любил женщин, – сказал он, смеясь. – И они всегда отвечали мне взаимностью. Даже дочь московского генерал-губернатора в меня влюбилась. А я был бродяга, мне негде было спать, меня всюду гоняла полиция, по всей Москве. Утром я шел в Училище живописи, ваяния и зодчества. Я учился у Волнухина. А вечером меня ловили... Я убегал, но как-то им удалось меня сцапать. В полицейском участке я попросил разрешения позвонить по телефону. Я сказал им, что звоню к генерал-губернатору. Они сильно надо мной смеялись. Но когда подкатил за мной лимузин и пришла дочь самого губернатора, они все открыли рты и вытаращили глаза. Больше никто не смеялся... Я прошел мимо них, даже не взглянув на их испуганные медные рожи...

Что правда, то правда, Исаак Иткинд чувствовал себя вольным человеком только до шести часов вечера. Потом его мог заграбастать любой городской без всяких рассуждений. Вида на жительство у Иткинда не было, хотя он приехал в Москву не с пустыми руками. В газете «Северо-западный голос» 1 января 1915 года была помещена заметка, сообщавшая о первой выставке скульптора-самоучки. Там, в Вильно, экспонировались работы Иткинда – «Мученик инквизиции», «Горькая улыбка», «Отче наш», «Сумасшедший», «У святого ковчега», «Веселый еврей». В этих работах был явно осязаемый элемент архаичности. Это было искусство молитвенного облика, патетического и многоречивого. «О степени таланта г. Иткинда уже высказывались лица, компетентные в искусстве. Прибавим к сказанному, что у г. Иткинда есть своя глубокая почва, и потому ему не угрожает опасность увлечься подражательностью». Так заканчивалась первая рецензия на первую выставку скульптора.

Улза сонная. Дерево. 1960 год.

Итак, работы «господина Иткинда» получили поддержку. Он едет в Москву. У него полный карман рекомендательных писем. Он сидит на скамье у памятника первопечатнику Федорову. Завтра ему предстоит увидеть автора этого прекрасного монумента – знаменитого профессора скульптуры Сергея Михайловича Волнухина.

- Вы знаете, я очень волновался перед свиданием с Волнухиным, - рассказывал нам Иткинд, - всю ночь не спал, мучился. Все письма я порвал. Пусть будет как будет. Несколько московских знакомых повели меня в училище, представили Сергею Михайловичу. Стали что-то тихо ему говорить про меня. До меня доносились какие-то отдельные слова – «самородок», «из бедноты», «заслуживает большого внимания», «талант». Волнухин слушал терпеливо, внимательно, долго, человек он был недоверчивый. Резко сказал, так, чтоб и я слышал:

- Никаких комплиментов! Экзамен! Экзамен! - повторил он громко.

- И вот представьте себе, - весело рассказывает Иткинд, - меня вводят в огромную мастерскую – потолка не видно. На подиуме высоко стоит обнаженная модель.

И мне нужно ее лепить. Я был к тому времени женат, имел детей. Но я никогда не видел натурщицу, обнаженную женщину, которая бы стояла перед всеми так смело и так спокойно. Всюду ходили студенты, преподаватели. Я очень испугался.

Я убежал. Меня охватил панический страх. Вылепить такую огромную фигуру. Да еще обнаженную! Б-г мой! Он создал эту женщину, а мне нужно ее слепить... Я снова вспомнил завет: что создано Б-гом - недоступно человеку. Как вы думаете, что я сделал?

Я пригласил девушку, купил вина, мы поехали с ней за город. Там я попросил ее раздеться и постоять передо мной. Она стояла на зеленой траве. И вы знаете, это было не так уж плохо. Я привыкал...

Наутро я был в мастерской. Начал лепить. Я работал целый месяц. Волнухин поглядывал в мою сторону строго. Это меня подстегивало. И вот наступил день, когда фигура была готова. Я ждал появления профессора. Волнухин вошел в мастерскую, окинул взглядом мою скульптуру. Обошел ее со всех сторон.

- Ваша работа, Иткинд, мне положительно нравится, - сказал Волнухин. - Считайте, что экзамен вами сдан. Можете посещать мой скульптурный класс.

Я был ошарашен. Во мне все ликовало. Я снова обрел себя. Как это хорошо!..

Итак, Иткинд учится в студии профессора Волнухина, превосходного мастера, талантливого педагога. Скульптор-самоучка быстро идет вперед, он никому не подражает, не заимствует чужую манеру. Модные течения, салонность нисколько не тронули его. Обладая мощным зарядом идей, образов, Иткинд с головой окунулся в работу. Его интересуют состояния человека – боль, страдание, гнев, радость, грусть. Он опирается на свою фантазию, воспоминания, чувства. Иткинд не думает о вековечности своих творений, не ждет славы, похвал. К этому он всегда относился с юмором.

- Я дружил с Максимом Горьким, ему очень нравились мои работы. Горький добивался для меня «вида на жительство», но градоначальник ему отказал.

- Этот Иткинд может прославить Россию своими работами, - твердил ему Горький.

- Ну-с, это вы хватили через край, - ответил ему градоначальник.

В жизни Иткинд был человеком неприхотливым, смиренным и удивительно добрым. Но в искусстве он был неукротим. Это видно в любой его работе – от самой первой до самой последней.

Александр Галич в гостях у Иткинда.

Он никогда не жаловался, не роптал, не сетовал на свою судьбу. Естественная способность, призвание вели его по жизни. Самые высокие минуты восторга и счастья испытывал он тогда, когда в его руках были молоток и стамеска, а перед ним был обрубок дерева, из которого нужно было убрать все лишнее, чтобы вызволить образ. И образ этот, схваченный мастером с первого же взгляда, естественно воплощался в материале.

Об Иткинде не раз писали, что краткое, исчерпывающее определение этого художника, этой необыкновенной личности заключено в словах: Иткинд – инструмент искусства, потому что всю жизнь он, как машина, делал одну работу за другой, не оглядываясь назад. Я думаю, что это определение ошибочно в главном – никогда Иткинд не был инструментом искусства, не был его рабом и покорным служителем. У него была слишком свободная душа. Сдержанность ее было нельзя. Он был мастером искусства – живым, горячим, благородным. Работал по вдохновению. Ради выгоды Иткинд работать не мог. Он был рыцарем искусства, и любовь к своему делу у Иткинда была безраздельной, самоотверженной.

Однажды Сергей Михайлович Волнухин решил организовать для Иткинда заказ, чтобы поддержать художника материально. Ему предложили сделать скульптурный портрет миллионера Кокорева.

- И я начал усердно работать, – рассказывал Иткинд. - Вскоре бюст был готов. Но миллионер остался им недоволен. «Я требую от вас сходства духовного, а внешнего сходства мне не нужно. Я - церковный староста, человек верующий, занимаюсь благотворительностью, помогаю бедным. Вот это и должно быть отражено в моем портрете».

Иткинд задумался: «Он хочет, чтобы я изобразил его таким благодетелем, исполненным святости и благочестия. Ну что ж, тогда нужно присмотреться к этим людям получше».

Иткинд узнал об одном кокоревском «благодеении». По совету врачей, чтобы похудеть, миллионеру порекомендовали купаться в дорогом вине. Затем это вино вычерпывали из ванны, выносили во двор и сзывали народ: «Пейте на здоровье, Кокорев угощает!» Люди, не зная, что в этом вине купался жирный благодетель, пили стаканами и кружками. Потом завязывалась драка. «Веселый у нас народ, – говорил Кокорев, – и меня любит!»

«Да, - горько подумал Иткинд, – народ у нас действительно веселый, и ты, Кокорев, его угостил как следует!»

Скульптор пошел к Волнухину, все ему рассказал и спросил, как же тут быть и какими средствами можно передать душу такого святоши. То, что привело Иткинда в состояние полного смятения, для Волнухина было не в диковинку. Он посоветовал Иткинду купить за три рубля икону Иоанна Крестителя и с него сделать портрет благочестивого миллионера.

Иткинд так и сделал. Бюст Кокорева с лицом Иоанна вышел на славу.

Кокорев праздновал свой день рождения. В числе других гостей был и скульптор Иткинд. А когда началось чествование юбиляра, под музыку сняли покрывало. Перед собравшимися предстал мраморный портрет хозяина. Все стали громко восхищаться сходством и святостью образа. Иткинда поздравляли с удачей.

Художник поглядывал на лица гостей, и ему казалось, что его проделка с Иоанном Крестителем сойдет. Но тут на беду Иткинда кто-то заметил вслух:

- Да какой это Кокорев? Это же Иоанн Креститель!

Иткинд очутился на улице без копейки за душой... Конечно, ему-то плевать на всех этих кокоревых, но вот немного денег совсем не помешало бы...

Иткинд всю свою долгую жизнь смотрел на мир восторженными глазами поэта. Когда он только начал лепить, его объявили сумасшедшим. Это была беззлобная уличная молва, людской суд. Узнал Иткинд суды куда пострашнее, страдания терпел этот человек такие, что другой бы не выдержал. Он умирал и снова возрождался. Он жил силой духа.

Октябрьскую революцию Исаак Яковлевич Иткинд встретил зрелым сложившимся художником. Прежде он создавал типы обездоленных, нищих, скорбящих. Его резец воплощал образы еврейского гетто. Теперь он работает над образами Маркса, Ленина, Лассалья. Создает композицию «Погибающий матрос», статую «Рабочий-литейщик».

Член «Союза русских художников», экспонент многих выставок, Иткинд принимает активнейшее участие в осуществлении плана монументальной пропаганды. Его работы признаны, покупаются.

Далеко позади осталось местечко Сморгонь - родина Иткинда. Теперь его работы знают Петроград и Москва. Милый, сонный пруд, затянутый ряской, - вот Сморгонь, из которой отправился в свое большое плавание Исаак Иткинд. Потом фашисты сожгут его родной городок. Целая серия работ Иткинда будет посвящена «коричневым». Он заклеит фашизм как кровавое зло, несовместимое с жизнью на земле.

В 1917 году Иткинду было 46 лет. Замечу в скобках, что с датами у него всегда была путаница. Он сам определил дату своего рождения – 19 апреля 1871 года. А в 1966 году сказал: паспорту не верьте, мне через два года исполнится сто лет. И все же в литературе об Иткинде принято писать, что он родился в 1871-м. Я думаю, что это существенно его биографии не меняет. Тремя годами больше - тремя меньше... Важно, что за свою жизнь, по кропотливому подсчету Л. Г. Плахотной, скульптор И. Иткинд создал 150 работ, из них уцелело около пятидесяти. Многие его произведения стали достоянием Казахской картинной галереи, ныне Государственного музея искусств Казахстана.

Огромную роль в сохранении и каталогизации работ Иткинда, в заботливом отношении к скульптору и его творчеству сыграла Любовь Георгиевна Плахотная. На протяжении многих лет она с величайшей научной добросовестностью собирала материалы и документы о жизни и творчестве художника. Содействовала закупке и хранению его произведений. Случайно узнав, что я собираюсь писать об Иткинде, Любовь Георгиевна сразу же прислала мне письмо, а вскоре стали приходить из Алма-Аты объемистые пакеты с вырезками из газет и журналов, справки и выписки за многие годы, фотографии с работ Иткинда, перечни лиц, у которых имеются скульптуры мастера, с точными адресами, фамилиями, даже с указанием их ближайших родственников на случай смерти владельцев. «Я сама давно собиралась написать об Иткинде, но здоровье и зрение, к сожалению, не позволяют мне этого сделать, - сообщала мне в одном из писем Любовь Георгиевна, - поэтому пересылаю все Вам, надеясь, что накопленное мной поможет в работе».

Голова старика (Философ). Дерево. 1956 год.

Меня взволновали, тронули благородство и сердечность Любови Георгиевны Плахотной, и я хочу здесь выразить ей самую искреннюю признательность.

Я прочел, что Чехов просил, чтобы в воспоминаниях о нем ни в коем случае не писали: он был симпатичный талант и кристальной чистоты человек. Конечно, создать «засахаренный» образ человека куда проще, чем понять истоки этой самой симпатичности таланта и кристальной чистоты.

Исаак Яковлевич Иткинд – это талант громадный, человек изумительной душевной организации. Но он был еще и мастеровым, не ждал вдохновенья. Щедро дарил скульптуры, раздавал их людям. Налево и направо. Его доброта была равна таланту. А талант Иткинда – сложный, прихотливый, своеобразный.

Было бы ошибкой утверждать, что Иткинда-человека не принимали всерьез, смотрели на него как на взрослого ребенка, как на смешного одержимого чудака. Бывало и такое, но кто были его друзья? Луначарский, Мейерхольд, Книппер-Чехова, Качалов, Горький, Либединский, Есенин, Коненков, Голубкина, Павлов, Михоэлс. Все они так или иначе помогали Иткинду, устраивали его выставки, писали о нем, заботились, с удовольствием встречались с ним. Иткинда трогала участливость этих людей к его судьбе. Он платил им самоотверженной любовью.

Я помню, с каким трепетом показывал мне Исаак Яковлевич статьи Луначарского и Коненкова о нем. Он знал их высказывания почти наизусть. Он гордился этими статьями. Открытость Иткинда, сердечность, острое чувство жизни не изменили ему и тогда, когда ему было почти сто лет. Он радовался, что Луначарский помогал ему, написал о его виртуозном владении деревом и силе запечатленного в своей динамике движения. А Коненков написал, что Иткинд – один из самых лучших скульпторов, которых он знает. А уж Сергей-то Тимофеевич знал, пожалуй, в этой области все! И мне Коненков не раз говорил об Иткинде, вспоминая отдельные работы и его самого. Говорил, что Иткинд всегда чудил, но создавал такие изумительные работы, равных которым нет в современной мировой скульптуре. Почти то же самое о Коненкове говорил Исаак Яковлевич. Они оба хорошо знали цену друг другу, хотя жили далеко один от другого и с 20-х годов ни разу не встречались. Иткинд всегда преклонялся перед истинными творцами.

Иткинд в бесконечности. Бронза. 1966 год.

Был при мне такой случай. Я с друзьями сидел у Иткинда. Он рассказывал свои захватывающие бесконечные истории, которые мы слушали с жадным любопытством. Я смотрел на Иткинда и думал, что этот человек обладает поистине дьявольской проницательностью, это явствовало даже из его мимолетных замечаний. Естественно, по работам можно составить себе представление о художнике. И все же непередаваемо обаяние живого человека, который вот сейчас сидит перед тобой: взгляд и наружность мудреца, мягкий юмор – все это неповторимо. Это Иткинд. Загадочный человек, который, рассказывая нам эпизоды своей жизни, уже сумел нас заставить взглянуть на мир его глазами.

И вдруг Миша Насекин спросил:

- Исаак Яковлевич, у вас есть пластилин?

- Да, есть. Только небольшой кусочек и красного цвета. А вам для чего?

- Я очень хочу вылепить ваш портрет!

Глаза Иткинда блеснули.

- Пожалуйста, лепите, - добродушно разрешил он.

Я недоуменно уставился на Мишу. Его затея показалась мне глупой и безрассудной. Лепить самого Иткинда?

- Миша, а ты вообще лепил когда-нибудь? - спросил я.

- Последний раз лет двадцать назад, еще студентом Академии художеств. Но я сейчас делал наброски с Исаака Яковлевича, а теперь у меня кончилась бумага. Может быть, хоть этюд в пластилине сделаю...

Он стал разминать в кулаке маленький комочек.

В полчаса Миша сделал блестящий этюд головы Иткинда.

Иткинд взял этюд, подержал его, осматривая придирчивым взглядом знатока. Потом велел Мише подойти поближе, взял его руку и поцеловал. И посмотрел на Мишу очень ласково.

- А как вы это довезете до Москвы? - спросил Иткинд. - Хотите, я вам дам коробочку из-под лекарства? Она как раз подойдет...

Масштабность и жизнеутверждающая сила всего творчества Исаака Иткинда, свежесть и новизна его произведений рождены, на мой взгляд, не практическими рецептами и не художественными канонами, а чувством братской любви к людям. У Иткинда была молодая и свободная душа, исключительное доброжелательство. Никто и никогда не слышал от него злого слова в адрес другого человека. Но если на его пути встречался кто-то злой, мелкий, ничтожный, он считал своим долгом предупредить: бойтесь такого-то - нехороший человек, способен на подлость...

Иногда, узнав о какой-то жестокости, мерзости, предательстве, Иткинд качал головой и тихо говорил:

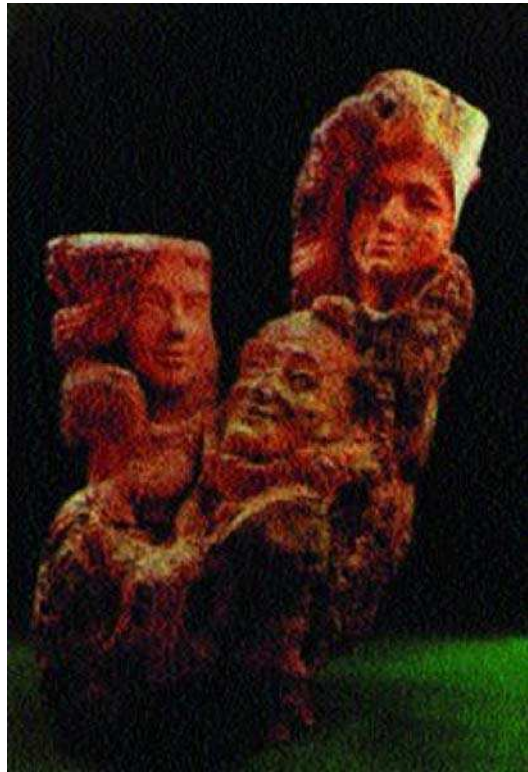
- Это стыдно, это очень стыдно.

И бывал сильно огорчен. Он испытывал горе, слыша о несчастьях других людей.

Исаак Яковлевич часто шутил на свой счет:

- Интересно, куда я попаду – в рай или в ад? Вот в Алма-Ате много карагача, а в раю, я думаю, его еще больше. Там много обнаженной натуры. Я буду делать райские скульптуры из райского дерева.

В очерке Юрия Осиповича Домбровского «Ваятель масок Иткинд» есть история о том, как Иткинд попал в рай. Это длинная история с диалогами, приключениями, недоразумениями, переодеваниями и массой неожиданных и смешных подробностей. Дело в том, что в рай он попал незаконно, «фуксом». Его тут же выловили небесные стражи, притащили в небесное управление и стали допрашивать. Ну, он им представлялся дурачком, заговаривая зубы, вертелся, врал, говорил, что имел очень важный пропуск, но потерял его по дороге. Короче, он быстро сбил с толку чертей, и они махнули рукой. Но тут подоспели ангелы. Они отпихнули простодушных чертей и принялись за Иткинда как следует. Для порядка дали по зубам, а потом повели к следователю по потусторонним делам. И тот, не обращая внимания на почтенный возраст клиента, мотал его по всем правилам своей страшной науки, быстро расколол Иткинда – и его тут же потащили в ад. В отличие от чертей непорочные ангелы знали свое дело хорошо – и бедный Иткинд тешил себя одной только надеждой, что и в аду порядки давно изменились и жарить его уже не будут, а подыщут что-нибудь полегче...

Иткин в раю. Дерево. 1968 год.

Тема «Иткин на том свете» была запечатлена скульптором в двух его работах – «Иткин в раю» и «Иткин в аду». Один из промежуточных вариантов решения этой темы есть у меня. Работу Иткинда мне подарила Клара Домбровская. Это портрет Иткинда с его крутым, высоким и круглым лбом и мощными волосами. Печать полнейшей отрешенности лежит на этом удивительно мягком и нежном лице.

Когда Юрий Домбровский впервые увидел этот горельеф из папье-маше и всмотрелся в античную лепку щек, губ, подбородка и плотно сжатого рта, его поразило, что сверху и снизу на щеках и над волевым подбородком мостились утробные телята. Они как бы окаймляли одухотворенное лицо художника.

- Ну, Иткин на том свете, это я понимаю, а это где он? - недоуменно спросил вконец обескураженный Домбровский.

- А здесь Иткин уже вышел с того света, это уже он в бесконечности, - сказал скульптор. - Берите, я вам дарю. Не думайте, это не копии, формы я сломал, так что это единственные...

- А все-таки телята зачем? - любопытствовал Домбровский.

- Ну хоть теленок-то из меня выйдет напоследок, - сказал Иткин добродушно и тронул писателя за руку, - берите и идемте...

Я уверен, что активная человеческая позиция и кипучая жизненность Иткинда - главный источник легенд о нем. Отсечь их от правды - значит насильственно обеднить его образ. Стоит ли делать это?

Но есть и другой Иткинд - большой художник, тонкий знаток великого множества оттенков психологии человека, гуманист и философ, мастер, безусловно владеющий отточенной пластической формой. Это мастер цельный, современный. Его творчество правдиво, поэтично, многообразно. В нем нет места натянутости, робости и академической мертвенности позирующих натурщиков. Нигде у Иткинда вы не найдете повторяемости приемов, протокольности мысли, вялой формы, равнодушия, нарочитости, театрализации. Его скульптуры пришли в этот мир, чтобы жить, действовать, бороться.

Мастер вдохнул жизнь в свои творения, и они зажили обособленно, воплощая органические свойства природы. Они не искали для себя выгод, как не искал их и сам Иткинд.

Его скульптуры поселились в мире живыми, заключая в себе неотъемлемый признак красоты, грации, возвышенного и вечного движения живой жизни.

Я ощущаю в самых разных скульптурах Иткинда биение сердца поэта; он не забывает о портретном сходстве, но не к нему стремится. Он не хочет быть простым иллюстратором биографии человека. Передать в портрете человека, время, эпоху, высокое нравственное благородство – задачи почетные для любого художника. Но Иткинд в целом ряде своих портретов обладает еще и каким-то удивительным пророческим ясновиденьем: для него человек – «контрапункт» истории, сгусток ее мудрости, воли, энергии, неостановимого движения.

Лицо фашизма. Дерево, корень, березовая кора. 1961 год.

Быть может, ты писал с природы,

И этот лик не идеал!

Или в страдальческие годы

Ты сам себя изображал?

Но никогда великой тайны

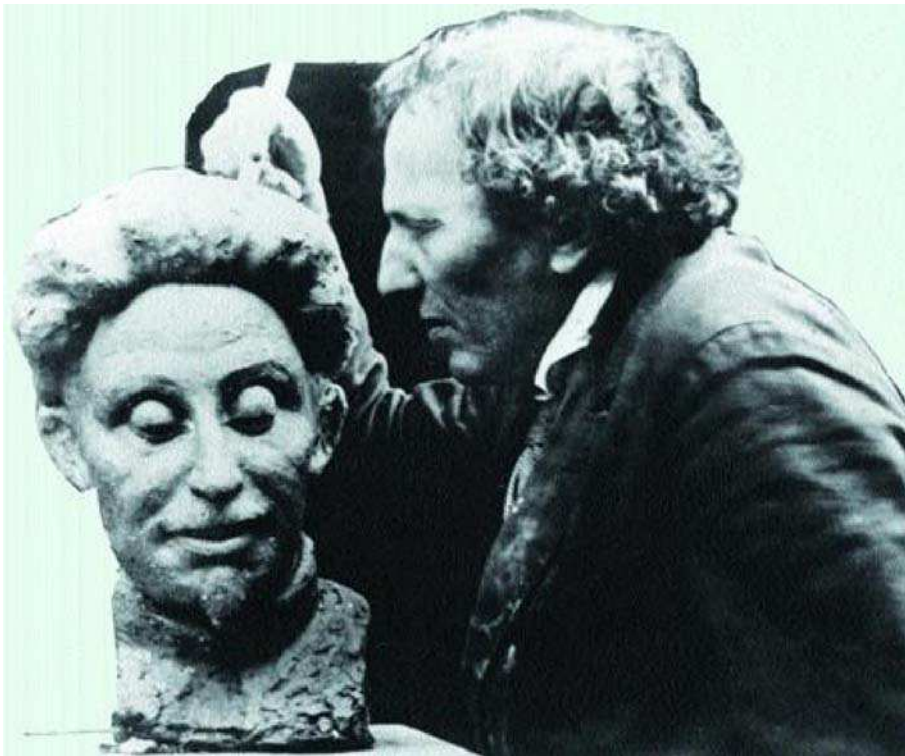
Холодный не проникнет взор,

И этот труд необычайный

Бездушным будет злой укор.

В 1937 году к столетней годовщине гибели Пушкина в Ленинграде была открыта выставка. Она разместилась в Эрмитаже и вобрала все лучшее, что было создано к этому времени о поэте в живописи, графике и скульптуре. Большие выставки, посвященные 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина, прошли в Москве, Тбилиси, Ереване, Киеве, Казани, во многих других городах страны. Все эти выставки включали такие разделы: детство и юность Пушкина, ссылка Пушкина в Михайловское, Пушкин под надзором, гибель Пушкина.

Крупнейшие художники участвовали в Пушкинских выставках. В каталогах тех лет находим имена В. Фаворского, А. Матвеева, М. Сарьяна, С. Герасимова, И. Шадра, С. Лебедевой, Л. Гудиашвили, И. Фрих-Хара, Д. Цаплина.

В 1933 году скульптор работает над портретом писателя Юрия Либединского. Вскоре оба окажутся в сталинских застенках. Иткинду сломают ребра, отобьют барабанные перепонки, осудят на десять лет и вышлют в Казахстан. Исааку Яковлевичу было тогда около семидесяти лет.

На Пушкинских выставках экспонировались и работы Иткинда. Поэзия Пушкина давно покорила сердце художника. Было в этих стихах что-то неодолимое, чистое, согревающее. Иткинд воспринимал пушкинскую поэзию как голос участливый и дружественный.

- Почему вы всю жизнь изображали Пушкина? - спросил у Исаака Яковлевича один журналист. - Почему не Толстого, не Гоголя, а Пушкина?

- Гоголь? – спросил Иткинд. - Это не то. Пушкин...

Когда скульптор говорил о Пушкине, он преображался.

- Пушкин был как солнце... Он любил солнце, любил жизнь. Я тоже люблю жизнь.

О своей работе над образом Пушкина Иткинд рассказывал всегда очень охотно:

- В 1937 году повсюду чествовали Пушкина. Объявили конкурс. Три месяца я не выходил из мастерской. Ко мне приходили люди - я не разговаривал, закрывал дверь. А я люблю поговорить, люблю людей... Я всегда читал Пушкина - «Цыганы», «Бахчисарайский фонтан». Так вот, я вылепил тогда, может быть, пятьдесят или сто портретов Пушкина. Все были разные. Но и Пушкин тоже был разный - он же человек. Приходили люди, кому какой нравился – я дарил. А другие пропали... В музеях сохранилось семь или восемь моих работ. Две были в Эрмитаже - одна, молодой Пушкин, когда он только из лица, а другая – постарше, уже после женитьбы. В Пушкинском доме на Мойке - «Умиравший Пушкин»... Все говорили, что это самая лучшая работа.

В трактовке образа Пушкина скульптор Исаак Иткинд проявил себя как один из самых глубоких и значительных мастеров русского реалистического портрета. Наследник лучших традиций М. Антокольского, П. Трубецкого, А. Голубкиной, Иткинд стремился выразить характер изображенного человека, передать его настроение, мысль, дух. Тяготение к обобщенному образу, к завершенной пластической форме, к ясной художественной выразительности, к одушевленному объему наиболее полно проявилось, на мой взгляд, в произведениях Иткинда, посвященных Пушкину.

Скульптор лепит чуть наклоненное вперед лицо поэта, полного светлых надежд и мечтательных устремлений. Романтическую приподнятость, полет творческой фантазии, необыкновенную мягкость и силу неизбежной жизни - вот что воплощает художник в этом образе Пушкина.

Иной пластический стиль применяет Иткинд в портрете молодого Пушкина, только что закончившего лицей. Здесь больше портретной характеристики, ритмической замедленности, обостренного любопытства юноши, который еще не только не догадывается, но и предположить не может - куда его ввергнет судьба. Пушкин в этом портрете спокоен, задумчив, его голова чуть откинута назад, он как бы вслушивается и всматривается в мир. Тончайшее психологическое мастерство Иткинда проявляется и в этом портрете, в особом умении художника воссоздать строй мыслей и чувств поэта в точном соответствии с его судьбой.

Пушкинская мечтательность, так вдохновенно переданная скульптором в двух этих портретах, внезапно сменяется новым, трагическим воплощением: Иткинд обращается к последнему периоду жизни Пушкина. Он создает работы, полные личной скорби. Его Пушкин – это не только избранник судьбы, поэт, отмеченный высшей благосклонностью музы, один из гениев, принадлежащих всему человечеству. Это человек, близкий по духу. Носитель высшей идеи свободы. Огонь, который будет светить людям вечно.

Умирающий Пушкин. Гипс. 1937 год.

«Умирающий Пушкин» Иткинда – это и жертва тирании, и обаятельный символ благородства души, олицетворение неиссякаемого вдохновения. Щемяще печален конец жизни Александра Сергеевича Пушкина, мужественно сносившего свою участь. Иткинд знал, что до самого дна испил поэт чашу мучений, но остались в мире пушкинская вера, пушкинская надежда, пушкинская любовь - такой смысл вложил Исаак Иткинд в цикл работ, посвященных великому поэту.

В этом цикле Иткинд достиг подлинной монументальности пластического языка. Он лепил Пушкина из воска, глины, работал в гипсе, дереве. Сила погружения художника в образ умирающего Пушкина была так велика, что он тяжело заболел. Работы были выставлены и признаны лучшими. Иткинд добился и высокого трагизма, и широты художественного обобщения. Его Пушкин - живой реальный человек. И это крылатый, возвышенный образ. Такими же будут в дальнейшем и многие другие изваяния мастера - «Паганини», «Шекспир», «Философ», «Страх», «Сикейрос».

Кроме портрета Шекспира, все перечисленные работы сохранились. Интересно сравнить две трактовки образа Паганини - Коненковым и Иткиндром. Оба скульптора вкладывают в этот образ свои самые сокровенные мысли о творчестве, о назначении художника. Для обоих мастеров Паганини - гений. А гений - это всегда страсть, неумность, перехлест.

Когда Крамской работал над портретом Льва Толстого, он говорил: «На гения смахивает». Он видел гения рядом с собой, дома, в быту. И разглядел. А Паганини и для Коненкова, и для Иткинда – это уже гений признанный. По силе выразительности, по глубокому и верному пониманию личности, по решительности образного обобщения произведения Коненкова и Иткинда, возможно, лучшее, что есть в мировой пластике, посвященное музыке и музыканту. Но у Коненкова Паганини трагичен, у Иткинда радостен. У Коненкова – взрыв страстей, острота силуэта, героический романтизм. У

Иткинда - озарение, мягкая улыбка, ликование. Это как бы разные варианты творческой исповеди. И оба мастера славят созидательную силу Человека.

Метод работы Иткинда над портретом замечательно описан Юрием Домбровским. Скульптору был заказан для театра бюст Шекспира. Иткинду показали множество различных изображений Шекспира – гравюры, памятники, книги. Художник долго держал в руках то или иное изображение - смотрел, думал, прикидывал и откладывал в сторону. И остановился на самом непритязательном, неэффектном портрете 1623 года. Домбровский рассказывает, что у того Шекспира, которого выбрал Иткинд, были пустые глаза, неживые длинные волосы, плоское восковое лицо манекена с нестираемой печатью ординарности. И все-таки Иткинд остановился именно на этом бедном и простом человеке. Это была плохая гравюра. А все остальное, где были разные Шекспирсы, молодые и пожилые, задумчивые и веселые, похожие на Гамлета и Фауста, поэты и философы, графы, мушкетеры, любовники, - всю эту разномастную толпу Иткинд сразу отверг.

Домбровский в глубине души согласился с художником, но его поразило, каким же образом, каким провидением, глазом и чудесным чутьем художника Иткинд выбрал одного, настоящего Шекспира?

- Да нет, это он, он самый, – сказал Иткинд Домбровскому. - Только болен он очень. У него одышка! Дышать ему тяжело! И сердце, сердце...

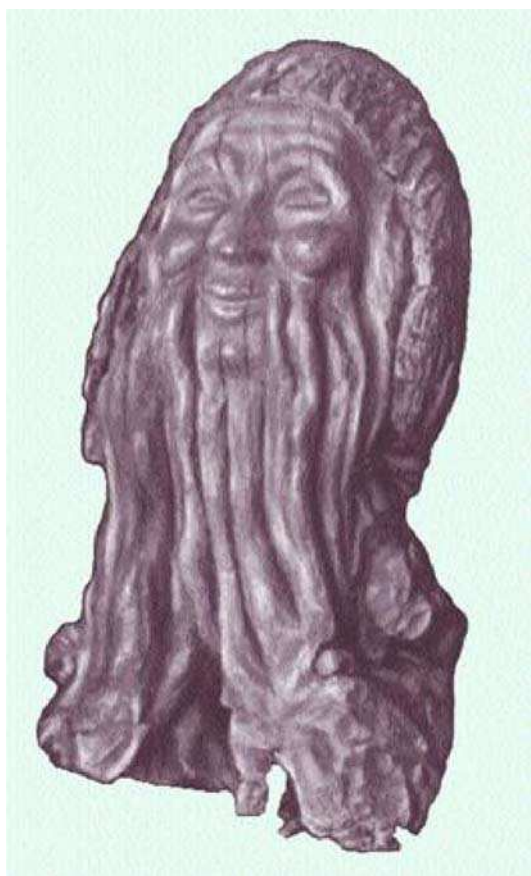
Иткинд сделал своего Шекспира. Этот портрет пропал бесследно. По описанию Домбровского, у Иткинда Шекспир был непривычный – с широким мощным лицом, крупным круглым лбом и улыбкой, обращенной не к людям, а к пространству, не к жизни, а к небытию. Глаза у него были большие, широко открытые.

Этот портрет заказчики даже не решились выставить в театре – так он был непривычен, необычен, дерзок.

Исаак Яковлевич Иткинд прожил большую, нелегкую жизнь.

...Никогда я не видел человека более счастливого, чем Исаак Яковлевич Иткинд.

- Я прожил чистую, вы слышите, очень чистую жизнь, - говорил он.

Эта работа Мастера называется «Голова старика», а напоминает она портрет самого Исаака Иткинда с его фанатической одержимостью художника, с его неиссякаемой, библейской верой в жизнь и радостным мировосприятием.

ГЛЮКЕЛЬ ФОН ГАМЕЛЬН: РАССКАЗ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Продолжение.

Начало в № 103 – 111.

Имя Глюкели фон Гамельн, жившей в конце XVII-начале XVIII века в Германии, хорошо знакомо в просвещенном мире уже более ста лет, и тот факт, что на русском языке ее воспоминания публикуются впервые, по меньшей мере удивителен. Тем более, что в энциклопедии Брокгауза-Ефрона этой высокообразованной, выдающейся женщине уделено значительное место. К тому же известно, что одним из ее потомков был прославленный Генрих Гейне.

«В глубоком горе, для облегчения сердца» после смерти мужа берется она за перо, чтобы, скоротав бессонные ночи, оставить своим многочисленным детям, коих двенадцать, память о родных корнях, традициях, о времени и обстоятельствах жизни их предков. По сути эти мемуары не что иное, как материнское завещание, проникнутое глубочайшей духовностью.

Первая из изначально задуманных семи «книжек», опубликованная в ноябрьском выпуске нашего журнала, посвящена детству Глюкели, его историческому фону и ближайшему окружению семьи. Обстоятельства женитьбы родителей, свадьба старшей сестры, особенности общинной жизни – вот главные ее темы.

Свадебный диван жениха и невесты. Германия. XVII век.

Книжка вторая

I

По воле отца, едва достигнув двенадцати лет, я была помолвлена и меньше чем через два года выдана замуж.

Свадьба состоялась в Гамельне. Родители в сопровождении двадцати гостей привезли меня туда. Почтовых карет в те дни еще не было, и нам пришлось нанять у крестьян лошадей и телеги. На них мы добрались до Ганновера. Оттуда родители написали в Гамельн, прося прислать экипажи, чтобы мы могли добраться до цели нашего путешествия. Должно быть, мать моя полагала, что в Гамельне экипажей столько же, как у нас в Гамбурге. Как бы то ни было, она решила, что мой свекор не допустит, чтобы невесте и гостям не на чем было добраться.

Однако спустя три дня за нами прибыли всего три-четыре крестьянских телеги. Слава Б-гу, с ними прислали и лошадей, иначе нам пришлось бы катить их вручную. Мать была разгневана, но нечего делать: мы взгромоздились на эти телеги и так добрались до Гамельна.

В тот же день к вечеру было устроено большое празднество. Мой замечательный свекор Йосеф Гамельн – да благословенна будет память его, такой это был редкий человек, – подняв большой стакан вина, провозгласил тост за мою мать. Но она все еще была обижена из-за этих крестьянских телег. Свекор почувствовал ее недовольство и, будучи человеком добродушным и остроумным, сказал ей:

– Ну, пожалуйста, не сердитесь: ведь Гамельн не Гамбург! У нас нет карет, мы простой деревенский люд! Расскажу-ка я вам, что случилось, когда я сам был женихом и отправился на собственную свадьбу.

Отец мой, Шмуэл Штутгарт, был парнасом всей Земли Гессенской, а моя нареченная была дочерью Натана Шпаньера. За ней давали в приданое 2 тысячи рейхсталеров, ну и мой родной отец обещал выделить мне 15 сотен, – в те дни это были немалые деньги! Ладно. Подошло время свадьбы, отец нанял носильщика по прозвищу Рыба. Ему на спину взвалили тюк с приданым: он должен был донести его до

Штадтхагена, где находился дом моего тестя. Так мы с Рыбой и потопали пешком до самого Штадтхагена. Лейб Гильдесгейм тоже жил там, он был женат на одной из дочерей Натана Шпаньера. Так вот подходим мы к городу. Тут раздался крик: «Жених идет!» Услышав это, Лейб Гильдесгейм и кое-кто из гостей, приглашенных на свадьбу, выехали мне навстречу. А Гильдесгеймы, надо вам сказать, были уважаемой семьей, которая всегда жила на широкую ногу. Увидев, что я иду пешком с моим дружкой Рыбой, Лейб повернул назад, крича невесте: «Твой жених, знаешь, как он путешествует? С рыбой!»

Тут все засмеялись, обиды рассеялись, и свадьба была отпразднована как полагается – весело и радостно!

Сразу же после свадьбы мои родители уехали домой, а меня оставили одну среди чужих, в незнакомой обстановке, а ведь я была почти ребенок, мне едва исполнилось четырнадцать лет. Однако новые мои родители своими заботами и любовью постарались скрасить печаль расставания. Добрые люди, они относились ко мне даже лучше, чем я того заслуживала. Какой же у меня был свекор – добрый, как ангел Б-жий!

Все знают, что такое Гамельн. В сравнении с Гамбургом это захолустье! И вот я, беззаботное дитя, на пороге юности отнята у родителей, без друзей и знакомых и перенесена из такого отличного города, как Гамбург, в заштатный городишко, где и евреев было раз-два и обчелся! Но я нисколько не страдала от этого – такую радость доставляло мне благочестие моего свекра: в три часа утра он был уже на ногах, в своем субботнем платье располагался в комнате рядом с моей спальней и нараспев читал молитвы. Вскоре я начисто забыла о Гамбурге. Мой свекор был святой человек, пусть награда за его святость достанется всем нам, да избавит нас Г-сподь ради него от новых испытаний и не допустит, чтобы мы узнали стыд греха!

Ктуба (брачный контракт). Гамбург. XVII век.

II

Добродетель свекра проявлялась и в том, как он воспитал детей. Мойше, старший сын, был замечательный юноша: на свою свадьбу он отправился в

сопровождении ученого реб Мойше и слуги, прозванного впоследствии Яковом Пуленепробиваемым. С собой они везли приданое Мойше. Неподалеку от Бремерфорде на них напали разбойники, ограбили, избили и ранили. Крестьяне отнесли их в соседнюю деревню. Врачи, осмотрев несчастных, пришли к выводу, что реб Мойше и жених останутся живы, но Яков, в которого попала пуля, обречен! Однако спустя два дня оба – и жених, и реб Мойше, скончались, а Яков со временем поправился. С тех пор его и прозвали «пуленепробиваемым».

Можете себе представить горе родителей! Сколько они ни пытались добиться наказания убийц, куда ни обращались, все было тщетно! И до сих пор это убийство вопиет к Б-гу!

Знала я и второго сына моего свекра, Авроома Гамельна. Он был напичкан изречениями из Торы, как гранат зернышками, и все время сыпал цитатами. Поэтому свекор отправил его в польскую ешиву.

Благодаря своим глубоким познаниям в Талмуде он получил известность и женился в Познани на дочери видного тамошнего еврея Хаима Боаса. После свадьбы он продолжал усердно изучать Талмуд и, углубляя свои познания, приобрел немалый авторитет. Однако спустя несколько лет, когда еврейские общины в Польше были опустошены гетманом Хмельницким, он лишился всего своего имущества, и ему пришлось вернуться с женой и дочерью в дом моего свекра.

Удивительным было рождение его дочери. Семнадцать лет прожив с женой, он не имел от нее детей. Когда тяжело заболела его теща, она подозвала к смертному ложу дочь, жену моего свояка, и сказала: «Дочь моя, я в руке Б-жией и вот-вот умру. Если я заслужила какую-то награду на небе, то буду просить Г-спода, чтобы он благословил тебя детьми». Вскоре благочестивая женщина умерла, а моя золовка оказалась беременной и родила в срок дочь, которую в память о матери назвала Сарой. Спустя семь лет она родила еще сына, нареченного Шмуэлем.

Многое можно еще рассказывать об Авроома Гамельне. Мой свекор обосновался в Ганновере, и жилось ему неплохо. Но на беду его и детей соблазнили переехать в Гамельн. А там – разные предложения, обещания, но ничего из всего этого не вышло, да простит тех людей Б-г! Свояк мой, благословенной памяти реб Авроом, был великим знатоком Талмуда и мудрым человеком: он говорил мало, но когда скажет, это было мудрое слово, и все слушали его разинув рот.

Была у моего свекра еще дочь Ента. Когда Ента была совсем юной, он сговорил ее за сына Зусмана Ганса из города Миндена-на-Везере. Про Зусмана Ганса говорили тогда, что он «стоит» 100 тысяч рейхсталеров. Однажды мой свекор пировал с ним, и за бокалом вина они договорились поженить своих детей. Назавтра, когда Зусман Ганс протрезвел, он пожалел об этом уговоре. Но что сделано, то сделано, и договоренность нарушена не была.

Поскольку невеста и жених были еще слишком молоды, Зусман Ганс отправил сына в Польшу изучать Талмуд. Вскоре сам он умер. Друзей, которые могли бы присмотреть за его имуществом, не осталось, и капитал быстро растаял. Вдова его вторым браком вышла за Файвиша Ганса.

Спустя несколько лет молодой жених вернулся из Польши. Но если мой свекор рассчитывал получить зятя с капиталом во много тысяч рейхсталеров, его постигло

разочарование: несколько сот талеров – вот все, что у него было! Свекор даже хотел аннулировать брачное соглашение, но жена его и слышать не хотела: нехорошо позорить осиротевшего юношу. Поэтому молодых поженили, и они прожили в Миндене несколько лет.

В то время Файвиш с супругой уже решили женить собственного сына. На «спиндл» (праздничная трапеза в пятницу перед свадьбой) было продемонстрировано большое богатство: на столе выставлена красивая посуда и прочее. Соломон Ганс поглядел на все это и, несомненно, заметил кое-что из столового серебра, принадлежавшего еще Зусману Гансу, его отцу, а самому ему, между прочим, из наследства досталось очень мало!

Поэтому он зашел в кабинет своего отчима, поглядел вокруг и заметил маленькую шкатулку, битком набитую всякими документами, которые он счел своими по праву. Однако если я стану рассказывать обо всем по порядку, этой истории не будет конца: на двадцати листах бумаги я не смогу изложить все, что из этого вышло.

Назавтра Файвиш хватился шкатулки с документами и сразу заподозрил своего пасынка. Между ними вспыхнула ссора, и, конечно, они пошли в суд, а с ними и мой свекор. Судебный процесс обошелся свекру и Файвишу по две с лишним тысячи рейхсталеров каждому. Несколько лет они враждовали и обращались в высшие судебные инстанции. Дело дошло до того, что была в опасности их жизнь. Однажды Файвишу удалось добиться, чтобы моего свекра заключили в тюрьму, другой раз перевес оказался на стороне свекра, и в тюрьму попал Файвиш. Так они продолжали судиться друг с другом, пока и у того, и у другого не осталось денег, хотя мой свекор, пожалуй, мог бы еще продержаться.

В конце концов в дело вмешались третьи стороны, настоявшие на том, чтобы пригласить из Франкфурта раввинов и решить дело раз и навсегда. Явились раввины и представители раввинского суда, довольно долго взвешивали, кто прав, кто виноват, но дело кончилось ничем, а знатоки права уехали с большим кушем каждый! Один из членов раввинского суда так набил себе мощу, что возвел отличную пристройку к дому, задуманную под кабинет, а на стене кабинета велел изобразить трех-четырёх раввинов в шляпах с высокой тульей, ошпыивающих гуся («ганс» – гусь).

Позднее свекор перевез зятя Соломона Ганса и дочь Енту из Миндена в Ганновер, добившись права на жительство в этом городе и еще для одного своего ребенка. Тогда Ганновер был уже достаточно крупным городом. Соломон Ганс был доволен своей судьбой и со временем нажил там богатство. Но счастье его было непродолжительным, ибо в расцвете сил его унесла смерть.

Несколько лет вдова оставалась верной его памяти и не собиралась замуж. Но все так явно указывало на то, что моим новым свояком суждено стать богачу Лефману Беренсу, (Лефман Беренс, известный также как Липман Коэн, был финансовым агентом и поставщиком властителей Герцогства Ганноверского. Благодаря своему влиянию он стал могущественным покровителем и заступником евреев Брауншвейга и Люнебурга. Естественно, он был парнасом еврейской общины в Ганновере. Родился примерно в 1630 году. Умер в Ганновере в 1714-м. Прим. ред.), что воспоминание о Соломоне Гансе потускнело. По правде говоря, когда Лефман женился на моей золовке Енте, ему было далеко до того положения, которое он занимает сейчас. Но Г-сподь возвышает и ниспровергает людей, все в Его власти! Свекор думал, что, трудясь не покладая рук и тратя сотни талеров, чтобы помочь детям встать на ноги в Ганновере, он обеспечивает

будущее им и их потомству. Но для кого выбивался из сил этот добрый человек? Для чужих! Ибо сказано: «И оставят имущество свое другим». Увы, что еще могу я написать? Человек предполагает, а Б-г располагает!

Четвертым ребенком моего свекра был ученый реб Шмуэл. Он тоже учился в Польше и взял в жены девушку из лучших семей в Лемберге, дочь знаменитого раввина Шолема. Сам он тоже поселился в Лемберге, но и ему из-за войны пришлось бежать на родину с пустыми руками. Мой отец долго поддерживал его семью материально. Позднее он стал раввином в Гильдесгейме. Нечего и говорить, был он благочестивым, святым человеком. Весь Гильдесгейм может подтвердить, что он предсказал час своей кончины.

Пятым ребенком свекра был ученый реб Ицхок – да благословенна будет его память. Лично мне не пришлось его видеть. Он жил во Франкфурте-на-Майне, и те, кто знал его, говорят о душевной чистоте и глубокой учености этого человека. Немногие могли сравняться с ним в знании Торы. Но и он не дожил до старости: умер лет пятидесяти, богатым, уважаемым человеком.

Шестым ребенком свекра была дочь Эстер, благочестивая и добродетельная женщина. Ей тоже пришлось многое пережить, но терпение не изменяло ей вплоть до той минуты, когда ее чистая душенька отлетела к Б-гу. Мне нечего добавить к этому, ибо всем известно, какая это была превосходная женщина!

Седьмым ребенком был Лейб Бонн, вполне достойный человек: конечно, не сказать что великий ученый, но большой любитель книг. Он долго был парнасом здешних общин вокруг Кельна, а сам жил в Бонне в довольстве и пользовался всеобщим уважением, но умер молодым.

Восьмым ребенком была дочь Хана, которую можно сравнить с той великой и благочестивой женщиной, в честь которой ее нарекли. Она умерла очень рано, не оставив потомства.

Девятым ребенком был ваш дорогой и верный отец. О нем я не стану здесь распространяться, напишу в свое время.

Я записываю все эти подробности, дорогие мои дети, чтобы вы знали, от каких людей вы происходите, а то завтра или послезавтра ваши дети и внуки уже не будут ничего знать о своих корнях, откуда они были родом, и кто были их деды и прадеды.

Свадьба у немецких евреев. Гравюра. Германия. XVIII век.

III

После свадьбы мы с мужем годик прожили в Гамельне. Наше предприятие не приносило прибыли, ведь Гамельн не торговый центр. Муж не желал ограничивать круг деятельности предоставлением ссуд землякам. Как сказано в Писании, на тот путь, о котором мечтает сам человек, ведет, его судьба.

С тех пор как мы поженились, прошел год. Муж не пожелал оставаться более в Гамельне. Хотя и свекор, и свекровь были бы очень рады, если б мы остались, и даже предлагали нам поселиться вместе, муж решил по-другому. Итак, с полного их согласия и благословения мы переехали в Гамбург. Молоды и неопытны были мы оба и не представляли, как вести дела в Гамбурге. Но Великий и Милостивый Г-сподь, который вывел моего мужа из отчего дома, сам стал его верной опорой. Возблагодарим Г-спода за его великие милости!

Когда мы перебрались в Гамбург, мой отец обещал нам стол и жилье в течение двух лет, и мы стали жить у него.

Хотя муж мой был чужим человеком в Гамбурге, он быстро освоился там. В то время торговля драгоценностями не так процветала, как теперь, бюргеры редко дарили друг другу драгоценные камни. Принято было носить тяжелые золотые цепи, а когда подносили подарок, обычно это была золотая вещь. Хотя на золоте столько не заработаешь, как на драгоценных камнях, муж мой стал им торговать, для этого занимаясь скупкой, ходя из дома в дом. Потом он все перепродавал ювелирам или купцам и на этом имел порядочную прибыль.

Но при всей своей занятости, он никогда не пренебрегал молитвой и ежедневно прочитывал какую-то часть Торы. Он также постился большую часть дня по понедельникам и четвергам, когда читают Тору в синагоге, по крайней мере так было до тех пор, пока дела не вынудили его на дальние поездки. В результате еще в молодости здоровье его пошатнулось, приходилось часто прибегать к помощи врачей. Тем не менее он трудился не щадя сил, чтобы обеспечить жене и детям достойное существование.

Редко встретишь такого доброго и верного мужа и отца. Жену и детей он любил безмерно. К тому же это был очень скромный человек, никогда не стремился занять какую-то общественную должность, напротив, даже слышать об этом не хотел и всегда высмеивал людей, жаждавших почета и известности. Словом, он был образцом благочестивого еврея, таким же, как его отец и братья.

Даже среди великих раввинов немногие отличались таким рвением к молитве. Если он молился в своей комнате, а в это время за ним приходили, чтобы отвести туда, где можно что-то дешево купить, ни я, ни прислуга не осмеливались его беспокоить. Однажды таким образом он упустил сделку, сулившую несколько сот талеров. Но никогда об этом он не жалел, верно служил Г-споду и прилежно к Нему взывал. И Г-сподь вознаграждал его за это сторицей. Не знаю человека равного моему мужу по кротости и терпению. Случалось ему терпеть зло и от друзей, и от чужих, но он все сносил терпеливо. Бывало я, поддавшись слабости, не могла сдержаться, а он лишь смеялся над моим негодованием и говорил: «Бедная дурочка, я уповаю на Г-спода и не обращаю внимания на людские разговоры». Да будут достоинства моего покойного мужа опорой нам и в этом мире и в том, другом, куда нам суждено уйти!

Кресло пророка Элиёгу для обряда обрезания. Германия. XVIII век.

IV

Сразу же после прибытия в Гамбург я забеременела – почти одновременно с моей матерью. Г-сподь помог мне родить в срок маленькую дочку. Я сама была еще девочка, и роды были трудные, но я радовалась, что Всевышний даровал мне здорового, красивого ребенка. Моя дорогая мать рассчитала, что ее срок наступит почти одновременно со мной, и как же она была счастлива, что у меня роды начались раньше. Это позволило ей помочь мне, неопытной, юной женщине, перенести страдания. Мы лежали вместе в одной спальне и не завидовали друг другу. Но, Б-же мой, нам не было покоя, потому что соседи то и дело прибегали посмотреть на чудо: мать и дочь, родившие почти одновременно!

Тут я расскажу вам, какую с нами сыграли шутку. Мы лежали вместе в маленькой комнате. Была зима. У моего доброго отца имелось несколько слуг, в доме было довольно тесно. Поэтому, чтобы мать чувствовала себя посвободней, на ночь я уходила в собственную комнату. Но жалея меня, она не велела брать с собой ребенка. Итак, я оставляла свою дочурку в нашей общей комнате, а рядом с ней спала няня. Мать сказала, чтоб я не беспокоилась: если ребенок заплачет, она велит няне отнести его ко мне покормить, а потом вернет и уложит спать в колыбельку. Такой порядок меня устраивал.

Несколько дней около полуночи няня приносила мне ребенка. Однажды я проснулась ночью – было около трех часов утра – и сказала мужу: «Что это значит? Няня не приносила ребенка до сих пор». «Видимо, он еще спит», – ответил муж. Однако я забеспокоилась и наконец сбежала вниз, чтобы узнать в чем дело. Колыбелька была пуста. Как я испугалась! Но я не хотела кричать, чтобы не разбудить мать. Поэтому я стала тихонько трясти няню, надеясь, что она проснется без лишнего шума. Однако она так крепко заснула, что мне пришлось громко ее позвать. «Куда ты дела моего ребенка?» – закричала я. Она спросонья что-то забормотала. Тут проснулась мать и спросила няньку: «Куда ты положила дочку моей Глюкельхен?» Но нянька со сна ничего не соображала.

Тогда я спросила: «Мама, может быть, это моя дочурка в твоей постели?» «Нет, нет! – отвечала она. – Со мной моя дочка», и она вцепилась в запеленатую девочку, будто кто-то хотел вырвать ее и убежать.

Тогда мне пришло в голову посмотреть в другую колыбельку, где лежала моя сестра. И я увидела, что она там крепко спит. «Мама, отдай мне мою дочку, твоя лежит в своей колыбельке!» – сказала я. Но она все еще не верила, и пришлось принести свечу, чтобы она смогла осмотреть ребенка и убедиться, что с ней не ее дочь. Наконец мне удалось убедить ее отдать девочку и признать собственного ребенка. К этому времени мы перебудили весь дом, все страшно переполошились. Но страх сменился смехом, и все стали говорить: «Еще немного и пришлось бы звать на помощь самого царя Соломона!»

Набор для обряда обрезания. Золото. Богемия. XVII век.

V

В доме родителей мы прожили целый год. Было гарантировано, что мы можем жить и два года, но, поскольку было очень тесно, мужу не хотелось там оставаться. Однако второй год мы все же продолжали столоваться, и отец не взял с нас ни копейки. Поэтому мы смогли арендовать прелестный домик за 50 талеров в год и перебрались с двумя слугами, мужчиной и женщиной, туда, где по милости Всевышнего живем и до сих пор. Если бы Б-г не снял брачный венец с моей головы так скоро, думаю, на всем свете не нашлось бы более счастливых и любящих супругов...

Итак, мы еще молодыми зажили собственным домом, и хотя, что вполне естественно, приходилось вести хозяйство рачительно и бережливо (собственно, так оно и должно быть), у нас был приятный и приличный дом.

Первым нашим слугой стал Авроом Кантор из Гильдесгейма. Ему было поручено присматривать за детьми. Позднее он покинул нас и открыл небольшое собственное дело. Потом женился на вдове из Гамбурга, а после ее смерти – на молодой девушке из Амстердама и продолжал жить в Гамбурге. Мы ссудили ему некоторую сумму и послали в Копенгаген. Говорят, сегодня он имеет 10 тысяч рейхсталеров, если не больше.

Когда моей дочурке Ципоре было два года, родился сын Натан. Не поддается описанию, как радовался муж и какой чудесный пир он задал по случаю обрезания. Молю Б-га, чтобы все дети приносили мне радость, сейчас, когда в них вся моя надежда и утешение. Молю Всевышнего услышать мою молитву.

Этим я заканчиваю вторую книгу. Прошу всех, кто прочел ее, отнестись снисходительно к моей глупой затее: как я уже говорила, взявшись за перо меня побудили горе и печаль – да благословен будет Всевышний, дающий мне силы справляться со всеми моими бедами.

А теперь, с помощью Всемогущего Г-спода, приступаю к написанию третьей книги.

Êîí äö ì íáé âðíðíé éí éæéè

Уважаемый г-н главный редактор!

Довольно продолжительное время регулярно читаю Ваш журнал. По-моему от месяца к месяцу он становится все интереснее. В октябрьском номере один за другим опубликованы материал о Виване Деноне, первом директоре Лувра, и перевод автобиографической книги немецкого автора Юлианы Лепсиус. Если позволите, мне хотелось бы отметить более тесную связь между этими материалами.

Виван Денон создал предпосылки для развития нового направления в науке – египтологии. Разгром Наполеона позволил продолжить его изыскания ученым разных стран. Проводились экспедиции, раскопки, читались иероглифические тексты. В XIX веке полностью изменилось отношение цивилизованного Запада к Древнему Востоку. Во Франции новое научное направление было связано в первую очередь с именем Жана Франсуа Шампольона (1790-1832), а в германских странах – Рихарда Лепсиуса (1810-1884).

С 1840 по 1861 год королем Пруссии был Фридрих-Вильгельм IV, при котором разразилась революция 1848 года, а Маркс и Энгельс создали Союз коммунистов и «Манифест коммунистической партии». И в эти же годы, с 1842-го по 1845-й, в Египте под руководством Р. Лепсиуса проходила экспедиция, собравшая много материалов для исследований. Находящаяся в берлинском Музее Египта картина художника Фрея «Празднование дня рождения короля Фридриха-Вильгельма IV 15 октября 1842 года на вершине пирамиды Хеопса» напоминает сегодняшним посетителям не столько о празднике в честь монарха, сколько о труде и подвижничестве ученых.

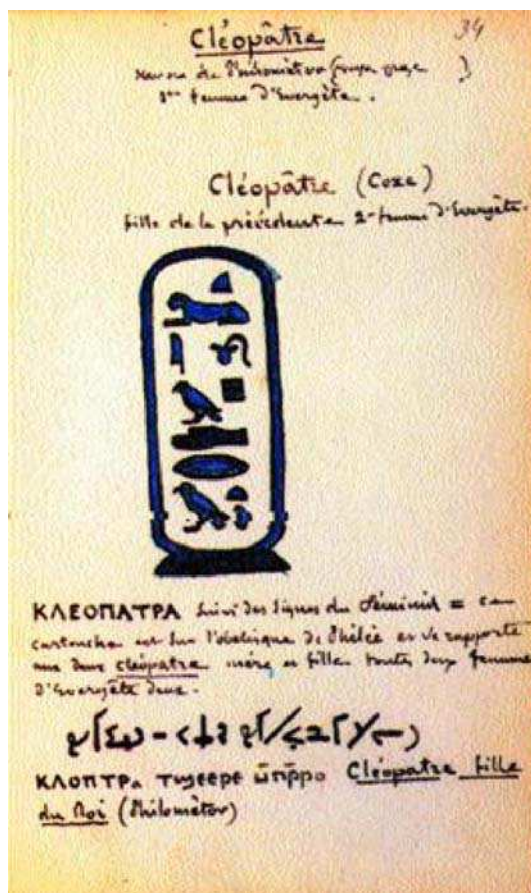
Через 73 года фамилия Лепсиус опять замелькала на страницах газет, правда, на этот раз она принадлежала пастору. Как и в первом случае, с этим связаны события на Востоке.

Оказавшись в первой мировой войне на проигравшей стороне, Турция лишилась имперских завоеваний и попыталась кровопролитием и демонстрацией силы восстановить былое реноме. Преследования армян, закончившиеся геноцидом, потрясли весь мир. Эхо этих событий слышно еще сегодня, отзовется и в будущем. Армянский народ, несмотря на его сравнительную малочисленность, ни запугать, ни подавить не удалось. Просвещенный мир узнал о злодеяниях турок от пастора Йоханнеса Лепсиуса (1858-1926), неисповедимыми Б-жьими путями оказавшегося в разгар событий в Турции. Благодаря вмешательству немецкого священника продолжение кровопролития удалось

предотвратить. Праведников не забывают: в 1998 году в Армении был установлен памятник миссионеру-евангелисту в знак благодарности за его заступничество.

Героическое армянское сопротивление с любовью и участием отразил в своем свидетельстве «Сорок дней Мусасадага» талантливый Франц Верфель. Неслучайно к этой теме писатель обратился в тяжелые годы фашизма. Помнится, в журнале «Лехаим» была публикация о Ф. Верфеле, вместе с другими писателями вынужденном эмигрировать из Германии из-за еврейского происхождения.

Жан Француз Шампольон.

Расшифровка манускрипта с иероглифическими надписями имени царицы Клеопатры.

Пролитую кровь, гибель родных, исход с родины помнят оставшиеся в живых и следующие поколения многие годы, даже века. Мариэтта Шагинян ко времени тех страшных событий, вероятно, уже определила свой творческий путь. Роман-сказка «Месс-Менд, или Янки в Петрограде» написан в 1923-1924-м, всего лишь через 9 лет. Позднее автор заметила в предисловии, что выступила «против разрушительных сил империализма и фашизма 20-х годов нашего века». Время сказалось на стилистике романа – черный и белый цвета почти без оттенков точно соответствовали лозунгу «Кто не с нами, тот против нас». И все же был один персонаж, по имени доктор Лепсиус, который вызывал симпатию. Трудно теперь сказать, почему Мариэтта Сергеевна выбрала это имя: сознательно, вспоминая много определившие переговоры знаменитого пастора и Энвер-паша, или случайно. Зная, что писательница несколько лет прожила в Германии, я предполагаю, ее выбор был обусловлен...

Вот на какие размышления навели несколько журнальных страниц. Позвольте пожелать «Лехаим» новых успехов. До следующих радостных встреч.

Āēāāēī ēđ Ī ĭāĭēūū ūé, ēī ēāīī āđ

Хочу ответить автору статьи «Абраша и Даша» А. Козаку («Лехаим» № 8, 2000) от имени «полтинников», как он называет родившихся от смешанных браков. В его статье легко прослеживается призыв: еврей ищи еврейку, русский – не разевай варежку на кусок лакомого пирога, ведь все равно автору ясно: такой брак распадется, если не сразу, то постепенно. Разрешите, уважаемый Анатолий Козак, с вами не согласиться и, коль вы в своей жизни еще не слышали о нормальных людях и семьях, слушайте.

Мой отец еврей, мама русская. Их брак зарегистрирован после войны. Всю свою жизнь мои родители прожили очень счастливо, являясь образцом семейной жизни для своих детей и внуков. Теперь обо мне. На ваш взгляд русская жена еврея должна была воспитать ребенка в русских традициях и с русской фамилией, однако мама еще не знала теорию А. Козака и поступила по-своему. Я осталась с русской косой и еврейской фамилией, о которой мне часто напоминали сверстники и учителя, так что уже ребенком я поняла, что быть еврейкой в 60-е годы не так легко и просто. Так, если мое сочинение было лучшим в классе, мне ставили твердую тройку. Мои друзья с еврейскими фамилиями поступали в медицинские институты по 7-8 раз, а заканчивали учебу с красными дипломами. Да, мы не были чистыми евреями, но как и настоящие, истинные евреи, мы не предали своих отцов, не отреклись от них, оставаясь Зильберманами, Штейнами, Зейликовичами, или как вы пишете, Абрашками. Эти Абрашки, позвольте заметить, – гордость нашего народа, люди, вынесшие все унижения коммунистического прошлого, когда не принимали на заводы, когда обходили в должностях самых порядочных, самых талантливых, самых интеллигентных людей, которые все понимали, но не могли защитить ни себя, ни свои семьи, а мы, их дети, улыбались сквозь слезы, чтобы не причинять им еще большей боли. Если вы, А. Козак, не пережили этого, вам не понять нас, таких, как я. В моей семье живы еврейские традиции. Дочь знает иврит, работает в еврейской общине, замужем за евреем и считает себя истинной еврейкой, а самое главное, гордится этим.

Вот такая получается картина, Анатолий Козак. Пишу для того, чтобы вы задумались, а если уж пишете, то исследовали бы тему поглубже, до конца и не заканчивали бы свои статьи словами: «Я таких семей не знаю». Вы многого, вероятно, еще не знаете, что совершенно не означает, что этого нет.

Белла Штейн, Кривой Рог

Откликаясь на письмо Льва Дворкина («Лехаим». № 9, 2000), во-первых, процитирую «Из факта изначального величия и особой значительности еврейского народа следует, что он не должен оставаться вне критики, обходить скользкие вопросы – значит фактически уступить поле боя антисемитизму».

Теперь о другом. Таких евреев, как Лев Дворкин, прошедших все сложности Великой Отечественной войны да и вообще жизни в России и в мире, еще много в Израиле и России, и мы рассказывали и будем рассказывать внукам и правнукам о пролитой невинной крови евреев и тех, кто вставал на их защиту, и «роль» во всем этом Всевышнего. Почему в «небесной канцелярии» Всевышнего вдруг забыли, что отказался Г-сподь от зла, о котором сказал, что сделает его народу своему» (Шмот, 32:44). Где был Всевышний, когда судили Дрейфуса и Бейлиса, когда погромы начались в Кишиневе,

Белостоке, а потом промчались по городам России, когда закрывали еврейские школы или «заводили» дело врачей, когда Гитлер объявил евреев низшей расой, организовал «хрустальную ночь» и крематорий, Бабий Яр и Освенцим. Вопросы схематичны, но остаются без ответов.

В апреле 1994 года в Москве был проведен Международный симпозиум «Уроки Холокоста и современная Россия». Там много говорилось об антисемитизме, но никто из участников симпозиума не ставил вопроса так, как это сделал Дворкин: где был Всемогуший?

Уходя от этого вопроса, сегодня все знатоки иудаизма от Йосефа Телушкина до Адина Штейнзальца всячески убеждают еврейский народ, что иудаизм спас евреев для человечества, поэтому соблюдение всех канонов иудаизма – основной путь развития для еврейских общин каждого еврея.

Я, как Лев Дворкин и очень многие люди моего поколения, считаю, что не иудаизм сохранил евреев для человечества, а еврей, взявший в руки оружие, сохранил для человечества иудаизм. Где бы он сегодня был, иудаизм России, если б Гитлер, не дай Б-г, выиграл войну? Лучше не фантазировать на эту тему, но случиться могло все.

Почему утверждают, что если представить еврейскую жизнь как строительную конструкцию, то его фундамент и кровля – это Тора, а несущие конструкции, колонны, балки, стропила – простые люди, евреи? Как только евреи по какой-либо причине перестают выполнять роль несущих конструкций, ни кровля, ни фундамент своей роли играть не смогут. Так произошло и с Всевышним: Его сила в поддержке евреев, они создают ему славу и сделали его кумиром! Об этом нужно говорить честно: еврей сам кузнец своего счастья, а пути жизни, поведения выдумывать не надо, они записаны в Торе.

Если бы 28 июня 1941 года евреи многих городов Белоруссии, Украины, Латвии, Эстонии не запрягли лошадей в брички и не посадили на них свои семьи, чтобы бежать в сторону Москвы и за Москву, а пошли б с утра в синагоги и два-три часа читали «Шахарит», писалось бы сейчас это письмо? Вспомните тех глав еврейских семей, которые искали автомашины, места в поездах, чтобы спасти семьи. Сколько их погибло в дороге! Опять вопрос: где был в это время Всевышний?

И еще. Грош цена была декларации Бальфура, если б Хагана и другие военные формирования сионистских организаций с оружием в руках не подтвердили бы ее. Потом была война Судного дня. Сегодня военная мощь Израиля сдерживает арабский экстремизм...

Конечно, необходимость защищать иудаизм и евреев появилась не сегодня, видимо, отсчет нужно начинать с восстания Маккавеев или еще раньше, не сбросить со счетов участие евреев в боевых действиях многих стран в первую мировую, опыт отрядов самообороны в местечках в годы погромов. В Великую Отечественную войну более 50 евреев командовали дивизиями, корпусами, были начальниками штабов, армий, флотов. 133 еврея стали героями Советского Союза, а всего около 500 тысяч евреев сражались на советско-германском фронте. Известно, что еврейская бригада участвовала в боях за Сицилию, Италию и прошла Германию почти до границ Дании. Евреи России об этом знают мало.

В то же время ни один еврей не должен забывать, что главную силу в разгроме фашизма представляла Красная Армия, русский солдат, и здесь еврей был тоже русским солдатом. Евреям не привыкать воевать под знаменами стран, где они проживают.

На многие размышления наводит статья Льва Дворкина, только кто нас слушает? А ведь зря еврей забывает, что «никто не даст нам избавленья», и «добьемся мы освобожденья...»

О себе. Мои деды и прадеды, первые кантонисты, честно служили России и никогда не отказывались от иудаизма. Мне 76 лет. Окончил кавалерийское училище им. I-й Конной, курс Академии тыла и транспорта. Участник Великой Отечественной войны, полковник в отставке.

Аόεί Ιΐάαεέ, Είπδδὶ α

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

1 ДЕКАБРЯ

65 лет со дня рождения кинорежиссера, актера, сценариста, писателя, поставившего по своим сценариям фильмы «Бананы», «Энни Хол» (две премии «Оскар»: за лучший фильм и за лучший сценарий 1977 года), «Интерьеры» (премия «Оскар» за лучший сценарий 1978 года), «Манхеттен» (премия «Оскар» за лучший сценарий 1979 года), «Зелиг», «Пурпурная роза Каира», «Дни радио», «Нью-Йоркские истории», «Алиса», «Тени и туман» и др., в большинстве из которых сыграл главную роль, **Вуди Аллена** (наст. имя и фамилия Аллен Стюарт Кёнигсберг; р. 1935, Бруклин).

90 лет со дня рождения балерины, солистки трупп «Русский балет Дягилева», «Вик-Уэллс балле», первой исполнительницы главных партий балетов «Песни соловья», «Пери», «Мефисто-вальс», партии Земфиры в «Алеко», директора балета «Метрополитен-опера», профессора балетного искусства в университете Цинцинати **Алисии Марковой** (наст. имя и фамилия Лилиан Маркс; р. 1910, Лондон).

55 лет со дня рождения актрисы, снявшейся в фильмах «Роза» (премия «Оскар» за лучшую женскую роль второго плана 1979 года), «Вверх и вниз по Беверли-Хилз», «Клуб первых жен» и др., **Бетте Мидлер** (р. 1945, Гонолулу).

55 лет со дня рождения артиста эстрады, народного артиста России, художественного руководителя Театра эстрады, лауреата Государственной премии России **Геннадия Викторовича Хазанова** (р. 1945, Москва).

2 ДЕКАБРЯ

70 лет со дня рождения экономиста, профессора Чикагского университета, одного из авторов теории человеческого капитала (формирование рабочей силы), трудов по экономическому анализу социальных проблем (семейных отношений, преступности, дискриминации и др.), лауреата Нобелевской премии по экономике за 1992 год **Гари Беккера** (р. 1930, Потсвилл, США).

20 лет со дня смерти писателя, автора романов «Корни неба», «Обещание на рассвете», «Жизнь впереди», «Воздушные змеи», автобиографической книги «Жизнь и смерть Эмиля Ажара» и др. **Ромена Гари** (наст. имя и фамилия Роман Касев; 1914, Вильнюс – 1980, Париж).

85 лет со дня рождения писателя, автора сценариев (совм. с Б. Комден) фильмов «Питер Пен», «Звонят колокола», «Поющие в дожде» и др. **Адольфа Грина** (р. 1915, Нью-Йорк).

3 ДЕКАБРЯ

105 лет со дня рождения детского психолога, председателя Венского психоаналитического общества, автора трудов «Маленькие дети в военное время», «Младенцы без семьи», «Война и дети», «Норма и патология в детстве» и др., дочери Зигмунда Фрейда **Анны Фрейд** (1895, Вена – 1982, Лондон).

4 ДЕКАБРЯ

25 лет со дня смерти философа и политолога, первой женщины-профессора Принстонского университета, автора трудов «Происхождение тоталитаризма», «Человеческая сущность» и др. **Ханны Арендт** (1906, ГанOVER – 1975, Нью-Йорк).

5 ДЕКАБРЯ

110 лет со дня рождения режиссера, поставившего фильмы «Доктор Мабузе – игрок» (в советском прокате «Позолоченные дни»), «Завещание доктора Мабузе», «Лилиом», «Ярость», «Охота за человеком», «Министерство страха», «Палачи тоже умирают», «Возвращение Фрэнка Джеймса», «Женщина в окне», «Тайна по ту сторону двери», «Голубая гардения», «Мунфлит» и др. **Фрица Ланга** (1890, Вена – 1976, Лос-Анджелес).

6 ДЕКАБРЯ

80 лет со дня рождения радиофизика, члена-корреспондента АН СССР, профессора Физико-технического университета, автора трудов по дифракции и распространению радиоволн, электронике, статистической радиофизике, лауреата Государственной премии СССР **Льва Альбертовича Вайнштейна** (1920–1989, Москва).

7 ДЕКАБРЯ

30 лет со дня смерти карикатуриста, лауреата двух Пулитцеровских премий, чьим именем названы премии Американского национального общества карикатуристов **Руби (Реубена) Гольдберга** (1883, Сан-Франциско – 1970, Нью-Йорк).

170 лет со дня рождения математика, профессора и директора Инженерной школы в Риме, открывшего класс бирациональных преобразований, автора трудов по начертательной геометрии, графостатике и алгебраической геометрии **Луиджи Кремоны** (1830, Павия – 1903, Рим).

10 лет со дня смерти физика, члена-корреспондента АН СССР, профессора Института физических проблем АН СССР, автора трудов по физике низких температур и физике металлов, открывшего магнитные поверхностные уровни энергии, создавшего первые в СССР туннельные микроскопы, одного из основателей и главного редактора журнала «Приборы и техника эксперимента», лауреата премии им. М.В. Ломоносова АН СССР, **Моисея Семеновича Хайкина** (1921 – 1990, Москва).

8 ДЕКАБРЯ

135 лет со дня рождения математика, иностранного почетного члена АН СССР, члена парижской АН, профессора Коллеж де Франс, парижского университета, политехнической школы, автора трудов по дифференциальным уравнениям, теории функций, теории чисел, механике **Жака Саломона Адамара** (1865, Версаль – 1963, Париж).

95 лет со дня рождения актера, режиссера, художественного руководителя театра Габима, лауреата Государственной премии Израиля **Шимона Финкеля** (р. 1905, Гродна).

9 ДЕКАБРЯ

15 лет со дня смерти Героя Советского Союза, младшего сержанта **Наума Ильича Желудева** (1922, Гомель – 1985, Минск).

95 лет со дня рождения инженера, организатора производства, наркома танковой промышленности СССР, генерал-майора инженерно-танковой службы, лауреата Государственной премии СССР **Исаака Моисеевича Зальцмана** (1905, Томашполь Ямпольского уезда Подольской губ. – 1988, Ленинград).

95 лет со дня рождения сценариста, автора сценариев фильмов «Человек, которого помнишь», «Парень по имени Джо», «На наших лозах нежный виноград», «Храбрец» (премия «Оскар» за лучший сценарий 1957 года), «Спартак», «Гавайи», «Всадники», «Мотылек», «Привести в исполнение», «Джонни взял свою винтовку» (специальная премия на Мкф в Канне 1971 года) и др. **Долтона Трамбо** (1905–1976).

10 ДЕКАБРЯ

10 лет со дня смерти промышленника, общественного деятеля, президента и председателя совета директоров компании «Оксидентал петролеум корпорэйшн» **Арманда Хаммера** (1898, Нью-Йорк – 1990, Лос-Анджелес).

12 ДЕКАБРЯ

95 лет со дня рождения писателя, автора романов «За правое дело», «Жизнь и судьба», повести «Все течет» и др. **Василия Семеновича Гроссмана** (наст. имя и отчество Иосиф Соломонович; 1905–1964, Москва).

5 лет со дня смерти общественно-политического деятеля, сопредседателя рабочего фронта, премьер-министра торговли, посла Сингапура во Франции, Испании, Португалии и Швейцарии, председателя Сингапурского еврейского комитета социальной помощи, лидера еврейской общины Сингапура **Давида Шаула Маршалла** (1908-1995, Сингапур).

75 лет со дня рождения композитора, народного артиста РСФСР, автора песен «Дрозды», «Не плачь, девчонка», «Улыбка», «Голубой вагон» и др., лауреата Государственной премии СССР **Владимира Яковлевича Шаинского** (р. 1925, Киев).

14 ДЕКАБРЯ

70 лет со дня рождения физика, члена-корреспондента АН СССР, автора трудов в области оптического исследования полупроводников и диэлектриков, лауреата двух Государственных премий СССР **Александра Александровича Каплянско**го (р. 1930, Ленинград).

16 ДЕКАБРЯ

100 лет со дня рождения актера московских театров, народного артиста РСФСР, сыгравшего в фильмах «Зори Парижа», «Семья Оппенгейм», «Человек в футляре», «Свинарка и пастух», «Свадьба», «Остров сокровищ» и др., режиссера, организатора художественного радиовещания для детей, лауреата Государственной премии СССР **Осипа Наумовича Абдулова** (1900, Лодзь – 1953, Москва).

120 лет со дня рождения спортсмена-легкоатлета, олимпийского чемпиона по тройному прыжку 1900 и 1904 годов и по прыжкам в длину 1904 и 1908 годов, обладателя нескольких мировых рекордов, многократного чемпиона США **Мейера Принштейна** (1880, Одесса – 1925, Нью-Йорк).

17 ДЕКАБРЯ

95 лет со дня рождения кинорежиссера и сценариста, народного артиста СССР, постановщика фильмов «Депутат Балтики», «Член правительства» (оба совм. с А.Г. Зархи), «Большая семья», «Дело Румянцева», «Дорогой мой человек», «Дама с собачкой» (премия МКФ в Канне 1960 года), «Плохой хороший человек», «Ася», «Впервые замужем», «Шурочка», «Бродячий автобус» и др., лауреата двух Государственных премий СССР **Иосифа Ефимовича Хейфица** (1905, Минск – 1995, Петербург).

18 ДЕКАБРЯ

90 лет со дня рождения продюсера и сценариста, автора пьесы (совм. с Ф. Лузером) «Как добиться успехов в бизнесе, совершенно не стараясь» (Пулитцеровская премия, премия «Тони»), продюсера фильмов «Цветок кактуса», «Сорок каратов» **Абе Бороуса** (наст. имя и фамилия Абрам Солман Борович, 1910–1985, Нью-Йорк).

20 ДЕКАБРЯ

85 лет со дня рождения Героя Советского Союза, гвардии лейтенанта **Семена Шоломовича Гуревича** (1915, Игумен Минской губ.–1982, Минск).

90 лет со дня рождения спортсменки, рапиристки, чемпионки мира среди женщин по фехтованию на рапирах 1929, 1931, 1937 годов, олимпийской чемпионки 1928, 1936 годов **Хелены Майер** (1910, Оффенберг, Германия – 1953, Мюнхен).

21 ДЕКАБРЯ

110 лет со дня рождения генетика, одного из основоположников радиационной генетики, члена Американской академии наук и искусств, иностранного члена АН СССР, Лондонского королевского общества, профессора Индианского университета, экспериментально доказавшего возможность возникновения мутаций под действием рентгеновских лучей, участвовавшего в разработке хромосомной теории наследственности, лауреата Нобелевской премии по медицине 1946 года **Германа Джозефа Мёллера** (1890, Нью-Йорк – 1967, Индианаполис).

140 лет со дня рождения деятельницы сионистского движения, основательницы женской сионистской организации США «Хадасса», первой руководительницы отдела молодежной репатриации, созданного для переселения в Палестину еврейской молодежи из Германии, **Генриетты Сольд** (1860, Балтимор – 1945, Иерусалим).

22 ДЕКАБРЯ

50 лет со дня смерти композитора, педагога, дирижера «Метрополитен-Опера», основателя Американской консерватории, под чьим руководством впервые в США были исполнены сочинения Брамса, Малера, Чайковского и др., **Вальтера Иоганнеса Дамроша** (1862, Бреслау – 1950, Нью-Йорк).

80 лет со дня рождения Героя Советского Союза, гвардии лейтенанта **Натана Борисовича Стратиевского** (р. 1920, Одесса).

23 ДЕКАБРЯ

150 лет со дня рождения государственного деятеля, первого еврея – члена кабинета министров, министра торговли США **Оскара Соломона Штрауса** (1850, Оттерберг, Бавария – 1926, Нью-Йорк).

24 ДЕКАБРЯ

50 лет со дня смерти географа и биолога, академика АН СССР, осуществившего первый в России опыт геоморфологического районирования на тектонической основе, разработавшего почвенную гипотезу образования лёссовых пород, создателя учения о географических ландшафтах, одного из организаторов и профессора Географического института, президента Географического общества СССР, лауреата Государственной премии СССР **Льва Семеновича Берга** (1876, Бендеры Бессарабской губ. – 1950, Ленинград).

26 ДЕКАБРЯ

60 лет со дня рождения композитора, автора музыки к ряду песен «Битлз» **Фила Спектора** (р. 1940, Нью-Йорк).

28 ДЕКАБРЯ

95 лет со дня рождения дирижера, педагога, народного артиста СССР, главного дирижера Государственного симфонического оркестра УССР, Государственного симфонического оркестра СССР, основанного им симфонического оркестра Татарской АССР, профессора Киевской и Казанской консерваторий, лауреата Государственной премии СССР **Натана Григорьевича Рахлина** (1905, Сновск Городнянского уезда Черниговской губ. – 1979, Казань, похоронен в Киеве).

29 ДЕКАБРЯ

40 лет со дня смерти танцовщика, балетмейстера, народного артиста РСФСР, художественного руководителя, а затем главного балетмейстера ленинградского Малого театра оперы и балета и Театра оперы и балета имени Кирова, исполнителя партий Арлекина в «Арлекинаде», Рене в «Фадетте», Адъютанта в «Кавказском пленнике» и др., лауреата двух Государственных премий СССР, постановщика балетных спектаклей «Мнимый жених», «Слуга двух господ», «Разбойники», «Тарас Бульба», «Маскарад» **Бориса Александровича Фенстера** (1916, Петроград – 1960, Ленинград).

30 ДЕКАБРЯ

95 лет со дня рождения философа и писателя, автора трактатов «Время и иное», «Целостность и бесконечность» и др. **Эмманюэля Ливинеса** (1905, Каунас – 1995, Париж).

120 со дня рождения историка музыки, исследователя итальянской и немецкой музыки XVI–XVII веков, редактора нескольких изданий музыкального

словаря Х. Римана, двоюродного брата Альберта Эйнштейна **Альфреда Эйнштейна** (1880, Германия – 1952, США).

31 ДЕКАБРЯ

10 лет со дня смерти генетика, члена-корреспондента АН СССР, профессора Института химической физики АН СССР, автора работ в области химического мутагенеза, его применения для изучения строения генов, механизмов естественного отбора, а также в селекции сельскохозяйственных культур и промышленных микроорганизмов, лауреата Государственной премии СССР **Иосифа Абрамовича Рапопорта** (1912, Чернигов – 1990, Москва).

95 лет со дня рождения композитора, автора музыки к ряду мюзиклов, кинофильмам «Мужчины предпочитают блондинок», «Смешная девчонка» и др. **Джула Стайна** (наст. имя и фамилия Юлиус Штейн; р. 1905, Лондон).